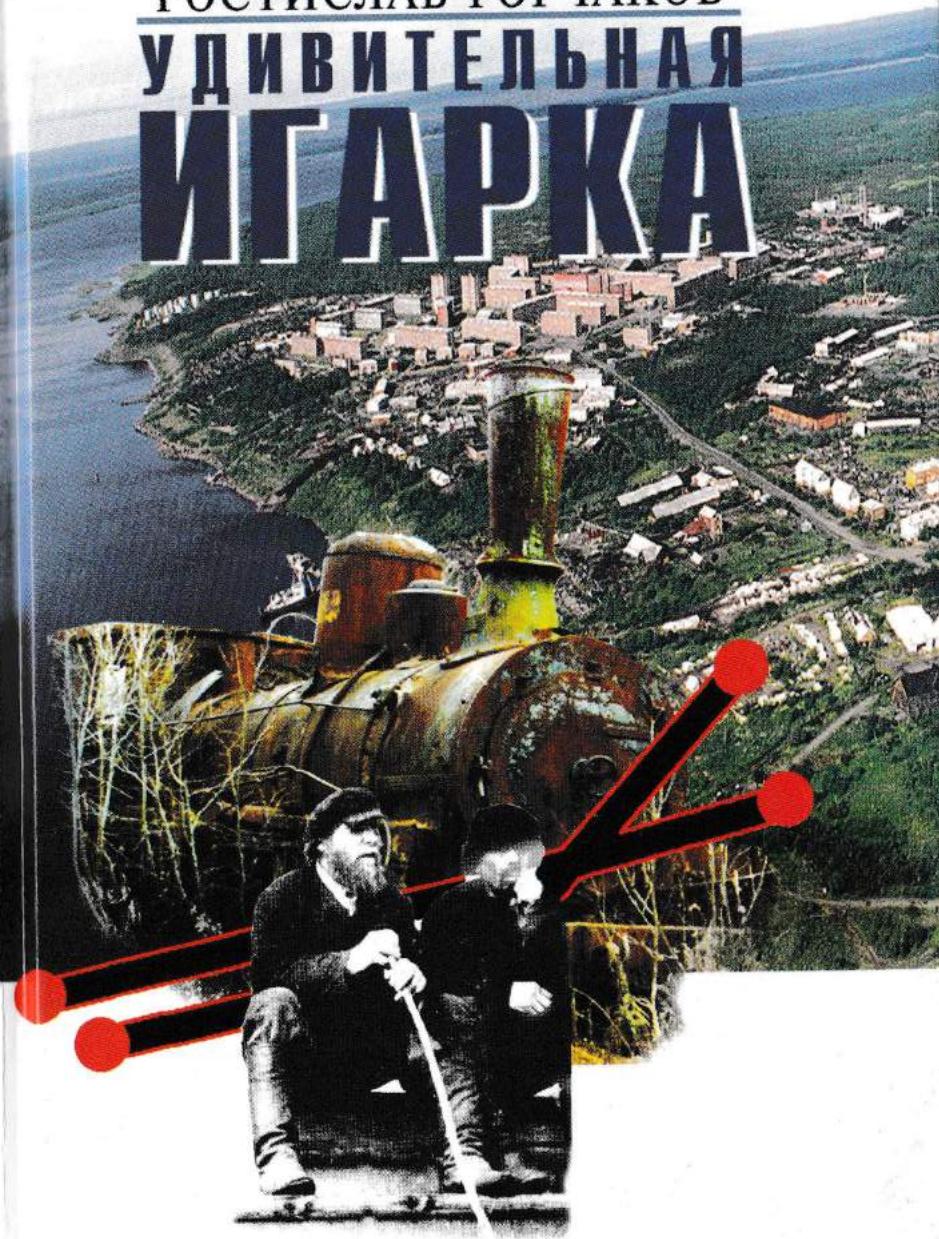

РОСТИСЛАВ ГОРЧАКОВ

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИГАРКА

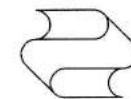

Хочу передать свою школу
студентам, которые не хотят погоду настроить
лических, потому что это погоды не всегда
такие, какими они хотят, а также
быть уверенными в том, что погода
в первые выходные.

В. Аксенов
14 февраля 1982.
Красноярск

РОСТИСЛАВ ГОРЧАКОВ

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИГАРКА

ИНКОМБУК
“МЕДВЕДЬ”

ISBN 5—88852—001—2

Ростислав Горчаков
Удивительная Игарка

Издательство
ООО “ИНКОМБУК”
лицензия № 063888
от 06.02.1995

объем 12,18 усл. печ. листов,
формат 84x108/32,
бумага мелованая 115 г/кв. м

Типография Младинска книга Тискарна д.д., Любляна
Словения

- © Р. Горчаков. Удивительная Игарка
- © Л. Резников, фото.
- © Е. Каунченко, гравюры
- © А. Шедченко, оформление
- © Т. Черкасова, форзацы
- В. Коморин, редактор
- © «Медведь», Красноярск

ОТ АВТОРА При виде заголовка этой книги многие недоверчиво улыбнутся: что такого уж удивительного в маленьком заполярном городке - вечная мерзлота? Северное сияние? Стужа за сорок? Так этого добра и в иных местах на Севере более, чем достаточно... Да и само слово “Игарка” чаще всего оживает в нашей памяти лишь как далекое эхо читанной когда-то в детстве книжки, не вызывая тех привычных и близких образов, какие сразу появляются у нас при упоминании, скажем, Архангельска или Мурманска. Чем среди них может выделиться еле видная точка на карте Сибири? И не прозвучит ли применительно к ней эпитет “удивительная” столь же грустной иронией, как сегодня звучит популярное некогда сочетание “белокаменная Игарка”, каким с четверть века назад одарили ее оптимистичные игарчане? Хочется верить, что последующие страницы ответят читателю на эти вопросы с той же прямотой и обстоятельностью, с какой отвечала мне на них сама Игарка на протяжении всех трех десятилетий прожитой вместе с нею жизни. И хотя мой родной Ленинград никак не отнесешь к заурядным городам, но даже и в этом сравнении Игарка казалась мне с годами все более и более удивительной. Не красотою архитектуры, разумеется, и не мощью промышленных гигантов. Игарку отличали совсем иные свойства - из тех, что, подобно упомянутому в “Войне и мире” духу войск, невидимы для стороннего наблюдателя, но навсегда остаются в истории народа. Понимая, сколь важно для потомков осознание причин, препятствующих либо способствующих возникновению подобных свойств, Лев Николаевич Толстой относился к этой теме с постоянным вниманием - и не только в “Войне и мире”, но и в “Казаках”, и в “Севастопольских рассказах”. Заслуживает ли такого внимания история Игарки? Несомненно! Впервые просмотрев вместе с одесскими моряками (тогда их суда еще не ходили в Игарку) комедию Рязанова о ленинградско-московской путанице, я вдруг услышал от соседа:
-В Одессе такого бы никогда не приключилось! Таки и в Игарке тоже!
-Это почему же? - заинтересовался я. - Стандартных кварталов нет?

-Ну, стандартных кварталов нам на всю страну наштамповали. А вот со стандартными людьми они, видать, промашку в двух местах дали. Одно у нас на юге, другое у вас на севере. Хоть глаза мне тут завяжи, все равно угадаю: в Игарке я! Потому что ни одесситов, ни игарчан в жизни ни с кем не спутаешь!

И ведь он был прав: Рязанов мог с тем же успехом снять свой фильм в Красноярске с Новокузнецком. Или в Холмске с Ванино. А вот Игарке и Одессе "пара" вряд ли бы приискалась - они принадлежат к тем редчайшим уже городам, что вопреки всеобщей обезличке сумели неутратить своей особенной человеческой неповторимости. На Руси же непреходящую, щадительно сберегаемую из поколения в поколение "изюминку" городской жизни испокон веку определяли именно особые привычки, особые нравы и особые традиции самих горожан. Стоило им изменить этой своей "изюминке", стать "как все", - и былое своеобразие их городов тут же исчезало, какими бы пышными соборами, дворцами и небоскребами не пытались они себя вознаградить за эту измену. Был, к примеру, Господин Великий Новгород - а стал административный областной центр. И никакие реформы, инвестиции и указы ничего уже тут не поделают: нет больше тех новгородцев, неповторимых в своем вольнолюбии, предпримчивости, презрении к отсиживанию на печи. Как все вернуть? Озабоченный той же опасностью утраты "человечности городов" американский поэт Уолт Уитмен еще в прошлом веке подсказывал своей юной республике надежный рецепт спасения от засилья всеобщего стандарта:

"Говорю всем Штатам, и каждому из них, и любому городу в Штатах:
"ПОБОЛЬШЕ ПРОТИВЬСЯ, ПОДЧИНЯЙСЯ
ПОМЕНЬШЕ".

Неразумное послушание - это полное рабство, А из полного рабства нация, штат или город не вернутся к свободе".
Эти строки, написанные, казалось бы, очень далеко от Игарки, дают ключ к пониманию нелегкой ее судьбы: как в лучшие свои времена, так и в худшие, она упорно отказывалась плыть по течению, всеми доступными ей способами стараясь оставаться сама собой. Случилось, что это сопротивление течению превращало город как бы в

одинокий островок среди бурной стихии, но и там, отчаянно противостояя ярости наступающих волн, люди вели себя словно на ушедших от земли судах, воспетых любимым игарчанами Владимиром Высоцким: "На них царят морские особые порядки, на них хранят законы и честь материка".

Как малая капля незамутненной воды, отразила история Игарки самый деятельный период освоения приенисейского Севера, девизом которого стало "открыть Сибирь для мира и мир для Сибири". В этой истории читатель встретится с мореплавателями и авантюристами, чекистами и ссылыми, учеными и бизнесменами, журналистами и писателями, царями и владельцами старой и новой России. Но главное - он встретится со многими поколениями игарчан, - тех самых, что во все времена упрямо хранили "законы и честь материка". Нет, их город не может не вызывать удивления! А у тех, кому выпадало трудное счастье жить в Игарке, она нередко вызывала и такие чувства, как уважение, признательность, любовь. Я рад, что не являюсь в этом плане исключением, - ведь еще Михаил Афанасьевич Булгаков однажды заметил: "Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую браться никому за перо". Будучи полностью согласен с Мастером, я берусь за перо с искренней любовью к Игарке.

Ростислав Горчаков.

ПОРТ! СИБИРИ НУЖЕН ПОРТ!

Природа, наделив Сибирь богатейшей системой рек, прямо указывает морской путь, как самый удобный и экономически самый выгодный для ее сношений с Европой, которые могут принять - и, вероятно, примут - самые обширные размеры.

(Из доклада капитана Виггинса в обединенном собрании Императорских обществ Санкт-Петербурга 14 января 1895 года)

Провоз пуда сибирского хлеба в Англию по железной дороге (через балтийские порты) обходится в 70 копеек серебром. Провоз того же пуда по Северному морскому пути обходится в 28 копеек. Даже если бы Северный морской путь удешевлял провоз всего лишь на 1 копейку, то при экспорте миллиарда пудов хлеба это давало бы экономию в 10 миллионов рублей.

(Из отчета государственной комиссии по торговле за 1909 год)

Для реализации общих задач культурного оживления края необходимо установление порто-франко в устье Енисея, ибо тогда только, при беспошлинном ввозе товаров, наши материалисты с обратными рейсами загра ничных пароходов попадут на иностранные рынки, занянутся оживленные сношения и природные богатства края найдут себе должное применение.

(Из доклада А. В. Байкарова на заседании Восточно-Сибирского торгово-промышленного общества 28 марта 1913 года)

1738 - 1917

«Ежели в котором прибрежном месте изобилие ценных товаров к торговле усматривается, а расположение его доступно к безопасному ходу судов, то при наличии оных беспременно в таковом месте морская гавань вскорости обустроится». Эта старинная поморская истина, по сути дела, представляет собой идеальную формулу возникновения любого морского порта: необходима, во-первых, хорошая гавань, во-вторых, безопасный фарватер, в-третьих, транспортный флот и, наконец, — товары для торговли. «Четыре четверти пути», как сказал бы все тот же Владимир Семенович Высоцкий. Когда и ком были пройдены первые шаги на долгом пути к созданию Игарского порта?

В начале восемнадцатого века на всем сибирском побережье восточнее Карских ворот Россия располагала лишь одним — единственным портом. Это был город Обдорск (ныне Салехард), основанный в 1539 году при Иоанне Грозном. Вместе с Архангельском и Березовом он послужил базой для последующего продвижения на Енисей и к «златокипящей» Мангазеи, которое в значительной степени прояснило ситуацию с «четвертой четвертью пути» — наличием в глубине Сибири изобилия товаров для выгодной торговли. Однако же, с изначальными тремя делом обстояло намного хуже. Плавание малых парусных судов завершалось в Обской губе, а дальнейший сухопутный «волок» к Турухану через тунду, болотные топи и каменистые взгорья часто оказывался гибельным даже для самых опытных путепроходцев. Крупных судов на русском Севере тогда еще не строили, иностранцев же отпугивало мелководье Обской губы, за которой начинались и вовсе неисследованные моря. Что отнюдь не подразумевало равнодушия европейцев к сибирской торговле: они были непременными участниками всех пушных ярмарок и с пристальным вниманием следили за каждой новой попыткой продвижения русских на восток. Стоило флотилии кочей из Обдорска успешно обогнуть Гыданский полуостров, впервые в истории войдя с моря в Енисей, как живший в Москве голландский купец Исаак Масса тотчас составил отчет о «плавании российского капитана Луки», приложив к ней поразительно подробную по тем временам карту Енисейского залива, созданную участниками плавания. Об искусстве и щитании первопроходцев сибирских морей говорит редкостная точность этой опубликованной в 1612 году карты, где правильно намечены даже очертания Ошмаринского мыса, у которого лоцманны Игарской гидографической базы теперь встречают заходящие в Енисей морские суда. Более детальные сведения дало современникам плавание к устью Енисея, совершенное в 1610 году промысловой артелью северодвинского купца Кондратия Курочкина. Это ему мы обязаны первым описанием нижнего течения великой сибирской реки: «Енисея де глубока, кораблями по ней ходить можно ж, и река угодна, боры и черный лес, и пашенные места есть, и рыба всякая в той

реке такова ж, что люди на той реке живут многие». Времена тогда на Руси стояли угрюмые — недаром историк С.М. Соловьев назвал их «непрерывным рядом смут и бедствий, когда охота за зверями сменилась охотою за людьми, а злого врага видели в каждом гражданине, живущем плодами честного труда». Среди подобных ужасов слова Кондратия Курочкина о благодатных, не знающих войн енисейских просторах звучали в разоренных городах и деревнях манившим зовом: в путь, немедля в путь! На тех бы словах Курочкину и остановиться, да добавил он к ним в своем докладе еще и такие: «А падает де Енисей в морскую губу Студеного моря, которым ходят немцы из своих земель ко Архангельскому устью». Этого оказалось достаточно, чтобы встревоженный перспективой немецкой (т.е. иностранной) пушной контрабанды царь Михаил Федорович издал в 1619 году указ, под страхом смертной казни запрещавший любые морские плавания по Енисею, «дабы немецкие люди от Пустозерска да от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили». Распахнувшиеся было ворота к сибирским сокровищам опять захлопнулись более чем на сто лет. Дула царевых мортир и единорогов подозрительно уставились в пустоту новоземельских проливов...

И тем не менее ошибется тот, кто решит, что царский указ отвратил тысячи «мирных граждан, живущих плодами честного труда» от намерения обосноваться как можно дальше от охоты за людьми и боярских смут. Ибо когда мореходы Великой Северной экспедиции во исполнение приказа Адмиралтейств-коллегии вновь распахнули запретные Карские ворота, то осенью 1737 года лейтенант российского флота Дмитрий Леонтьевич Овцын, двигаясь на своем боте «Объ-почтальон» вверх по Енисею, с изумлением обнаружил там немало селений, жителям которых, очевидно был, неведом страх перед царскими запретами и сторожевой артиллерией. Среди этих невесть откуда взявшихся «новоселов» впервые появилось на картах экспедиции Игарское зимовье. Была нанесена на карту и Игарская протока — правда, сделал это в 1738 году уже не лейтенант Овцын, арестованый по ложному доносу, а достойный его соплаватель, штурман Федор Алексеевич Минин. Другой штурман «Объ-почтальона» Дмитрий Васильевич Стрегалов, ведя точную съемку берегов в нижнем течении Енисея, прошел на собаках более чем тысячеверстный путь от низовьев Турухана и Игарского зимовья до западной оконечности Таймырского полуострова. Шел бы и далее — да помешала снежная слепота. Благодаря помощи и всеобщему сочувствию встречаемых на пути «местных людей и самояди» ему удалось весной 1740 года благополучно вернуться на свое судно. Ну, с «самоядью» все понятно, а вот «местные люди» — кто они?

Судя по официальной статистике, севернее Туруханска проживало великое множество... невидимок. Причем невидимками они

были исключительно для своего государства, и более ни для кого! Судите сами: еще Курочкин писал, что там «люди живут многие», — а в описях места эти значатся как «вельми безлюдныя». Овцын, Минин, Стрегалов видят на енисейских берегах деревни и зимовья — но на российских картах, в российских описях они почему-то отсутствуют. Возможно, кто-то возразит, что все материалы Великой Северной экспедиции были надолго засекречены и поэтому не могли учитываться в официально публикуемых сведениях. Допустим. Но и полтора века спустя, когда завеса секретности давно исчезла, сделав Енисей открытым для судов любых флагов, мы наблюдаем все те же загадочные противоречия в первоисточниках: британский орнитолог Генри Сибом пишет о «многочисленных дельных и дружных обитателях Игарского, немало способствовавших успеху моих изысканий» (и сведения эти подтверждают в том же 1877 году его соотечественник Джозеф Виггинс, которому игарчане «на паре дюжин остроносых лодок» помогали спасти груз с его «Темзы», севшей на мель как раз напротив Игарского), — губернские же описи того времени уныло констатируют, что в станке Игарское проживают всего-на-всего две семьи — семеро, считая вместе с тремя малыми детьми, Шадриных и двое Гнездиловых. Если принять такую опись на веру, то мы имеем дело с почти библейским чудом: шесть взрослых игарчан ухтились распределиться на паре дюжин лодок, за несколько часов перевезя на берег около 40 тонн графита!

Но на том игарские чудеса не кончаются. Годом позже капитан Виггинс решил нанести Игарку (вероятно, «Игарское» звучало для английского уха слишком экзотично) на британские адмиралтейские карты, будучи полностью уверен, что является ее первооткрывателем! И у него были к тому все основания: на русских морских картах, любезно предоставленных Виггинсу в Архангельске его другом, адмиралом Глазуновым, Курейка была, а вот на месте Игарского простиравшаяся девственная белизна! О плаваниях Овцына и Минина английский капитан ничего не знал и поэтому с чистой совестью записал в свой дневник после сильнейшего шторма на пути в Австралию: «Желая отдохнуть душою от обрушившихся на нас за последнюю неделю тягот, я решил сесть за порученное мне Адмиралтейством дело, к которому уже давно стремилось мое сердце: нанести на карту результаты прошлогоднего плавания на Енисей. Я начну с Игарки, добрым жителям которой я обязан столь многим».

Так сто с лишним лет назад, осенью 1879 года, на картах мира впервые появилась Игарка. На картах мира — но не на российских, где она по-прежнему отсутствовала. Губернские картографы не смогли заметить Игарку даже в 1915 году, когда она была описана в книге лондонской туристки Мод Хэвиленд «Лето на Енисее» как «типичное большое рыбачье селение». Примечательно, что на предвоенных картах Российской империи (составленных людьми весьма

знающими и добросовестными) «невидима» не одна только Игарка, но целый ряд иных описанных путешественниками сел в нижнем течении Енисея: Селиваниха, Потапово, Зверево и другие, которым суждено было «проявиться» лишь на картах советского периода. Составителей губернских карт понять можно: к чему засорять бумагу названиями диких мест, где, по описи, обитают две-три семьи? Гораздо труднее понять составителей губернских описей: они-то почему не замечали «типичных больших рыбачьих сел»?

Ключ к разгадке тайны «енисейских невидимок» нам предлагают исследователи предмета, на первый взгляд бесконечно далекого от загадок сибирской картографии: истории канадской эмиграции. При проведении в двадцатых годах нашего столетия общенациональной переписи канадцы столкнулись с аналогичным феноменом: оказалось, что к северу от центральных провинций Манитоба, Альберта и Саскачеван имеются десятки процветающих русских общин, о существовании которых канадские власти ранее не подозревали. Но больше всего государственных инспекторов поразила резкая перемена в отношении к ним, как только произносились слова «регистрация», «перепись», «правительство», — еще минуту назад гостеприимные и хлебосольные люди тут же вставали и молча выходили из-за стола, словно в их присутствии было сказано нечто непристойное. На лицах женщин и детей появлялось откровенное выражение страха, и если инспекторы, отчаявшись что-либо понять, покидали такое село, то на обратном пути нередко находили его пустым. Люди исчезали, бросая все, кроме скота. Кем они были до эмиграции — революционерами? Уголовниками? Но ни те, ни другие никогда бы не притронулись к плугу или подойнику. Да и северной глухи они неизменно предпочитали богатые и шумные города... Обратившись за разъяснениями к представителям русского землячества в Оттаве, правительственные чиновники получили мгновенный ответ: «Так это же раскольники! Для них любое сотрудничество с властью равносильно сговору с дьяволом: в армию не шли, податей не платили, паспорта рвали. Староверы, духоборы, другие ли кто — их лучше всего в покое оставить, с ними все равно никто ничего поделать не мог, они любой власти чурались, хоть царской, хоть большевистской...»

Со временем, однако, выяснилось, что русские «квакеры», как окрестила их заокеанская пресса, чураются не всякой власти, а лишь той, что тюрьмами и казнями пытается заставить их отречься от собственных убеждений. Ничего подобного в традиционно веротерпимой Канаде не существовало, и мало-помalu «оттаявшие» молокане, духоборы, беспоповцы, староверы стали все активнее участвовать в жизни своей новой родины, уже не отказываясь ни от регистрации, ни от уплаты налогов, ни от членства в профсоюзах. Популярный канадский автор Хью Грейт, посвятивший историю «русских квакеров» такие увлекательные книги, как «Надежда и обет», «Искатели

правды» и «Путь без остановок», подвел своим исследованиям весьма эмоциональный итог: «Они прибыли сюда с берегов Енисея, Кубани, Куры, поняв, что ни горы Кавказа, ни снега Сибири не спасают их от гонений. Это были поразительно трудолюбивые, честные и мужественные люди, которые смогли бы даже пустыню превратить в счастливый плодоносящий сад, потребовав взамен лишь одного — свободы. Куда бы судьба ни приводила этих неукротимых противников любых сделок с совестью, они всюду оставляли долгий и добрый след, укрепляя среди соседей веру в непременную победу добра над злом, в силу трудовых рук, в надежность данного слова, — поистине этим вечно гонимым мятежникам не было цены. К счастью, наша страна оказалась достаточно дальновидна, чтобы приютить преследуемых жестокими законами беглецов, чтобы не вмешиваться в их жизнь, чтобы дать им время залечить глубокие раны прошлого. Ныне мы пожинаем плоды своей дальновидности: канадцы вправе гордиться столицами замечательными согражданами!»

Канадцы вправе гордиться, а мы вправе предположить, что среди предков этих замечательных сограждан были и первые жители Игарки, охотно делившие свои угодья с православными, атеистами, язычниками, но не пожелавшие ни на йоту поступиться правом жить так, как подсказывает совесть. Участник известной енисейской экспедиции Бориса Андреевича Вилькицкого, боцман «Вайгача» (а в последствии лоцман Игарской гидробазы) Иван Павлович Костюченко так описывал впечатления от Игарки 1918 года: «Игарка после Потапово и Дудинки нам показалась почти городом — изб двадцать на левом берегу стояло, но как оказалось, все брошенные с пятого года, когда жившие тут староверы куда-то в иное место подались. А избы большие и добродетельные, я таких под Мезенью много встречал. Правый берег совсем диким был — думал ли я, что здесь возникает целый настоящий город...»

Остяки, с которыми беседовал тогда боцман «Вайгача», называли староверами всех отошедших от официального православия, да и в точности сообщенной ими Ивану Павловичу даты можно усомниться: о том, что Игарка оставалась населенной вплоть до самого начала Первой мировой, свидетельствует упоминавшаяся книга Мод Хэвиленд. И тем не менее сам факт внезапного «великого исхода игарчан» сомнения не вызывает. Вероятнее всего, он был вызван связанный с началом Первой мировой войны реальной угрозой оказаться в действующей армии: самая мысль об убийстве близких по чьему-то приказу была для староаветных христиан святотатственной. Беседовавшая в середине тридцатых годов со старожилами Игарки американская журналистка Рут Грубер также свидетельствует, что, судя по услышанным ею воспоминаниям, «антивоенная община» покинула Игарку. Но прежде чем навсегда уйти с берегов Енисея,

первым игарчанам посчастливилось стать свидетелями и участниками рождения одной из наиболее примечательных глав в истории своего края. Глава имела довольно длинное название: «Сибирская пароходная и торгово-промышленная компания», которое в быту нередко сокращалось просто до «Компании» или «Компании Лида» — по имени ее бессменного норвежского управляющего Йонаса Лида.

В наши дни о Йонасе Лиде есть смысл вспомнить не только в связи с ранним периодом «трудовой биографии» Игарки. Беспрецедентный взлет его компании заслуживает сегодня самого пристального внимания уже потому, что он происходил по испытанной во многих странах схеме развития отдаленного, но богатого ресурсами региона при помощи интенсивной морской торговли. Та же модель использовалась позднее во внутренних областях Таиланда, Канады, Южной Африки — и всюду себя полностью оправдала. Поэтому мы можем перефразировать говорухинский афоризм и, глядя на нынешние успехи Канады, со вздохом произнести: «Это Сибирь, которую мы потеряли...»

Следует сразу оговориться, что попытки вывозить сибирские товары морским путем делались местными купцами задолго до появления на енисейских берегах предпримчивого норвежца. Вспомним хотя бы почин красноярца Шарыпова, который летом 1897 года заключил с адмиралом Макаровым контракт на доставку крупной партии леса (1200 сосновых бревен) в английский порт Ньюкасл. Шарыпов свои контрактные обязательства выполнил, доставив на биржах весь лес в низовья Енисея, но «Ермак» так и не смог за них прийти. Вернувшись из Арктики в Ньюкасл, адмирал Макаров сообщил в Санкт-Петербург: «Прошел около 230 миль полярным льдом, но при разбивании одного тороса получена пробоина ниже ледяного пояса, где корпус не был подкреплен. Пришлось отказаться от дальнейшего следования». В результате шарыповский лес был брошен, и местные рыбаки распиливали его на дрова еще целое десятилетие. Столи же сокрушительными убытками оборачивались и подвижнические усилия таких пионеров енисейской морской торговли, как Сидоров, Трапезников, Сибиряков. И дело тут было не столько в отсутствии ледоколов или достаточно мореходных судов, сколько в активном противодействии использованию Севморпути со стороны крупных московских и петербургских промышленников, купцов, банкиров. Эти люди прекрасно понимали, что Сибирь богата не просто товарами: она богата ДЕШЕВЫМИ товарами, проникновению которых на российские и внешние рынки мешает только одно — дорогоизна транспортировки. Доставка этих товаров морем мгновенно положила бы конец московской монополии, и для ликвидации такой угрозы противники экономического развития Сибири были

всегда готовы использовать и обширные связи в правительстве, и многомиллионные капиталы.

Историки в качестве примера тупой ограниченности царской бюрократии с удовольствием цитируют документы, вроде печально знаменитой резолюции министра финансов Коковцева на ходатайстве А.М. Сибирякова о развитии мореплавания в целях установления экспорта леса из Сибири: «Континентальный климат Сибири губительно отзывается на росте древесины, от сильных морозов дерево трескается. Министерство финансов не решается возлагать надежды на экспорт сибирского леса за границу». Можно предположить, однако, что граф В.Н. Коковцов, один из образованнейших людей своего времени, надолго похоронил этой своей визой сибирскую лесопромышленность вовсе не по причине тупой ограниченности, а в силу довольно тесных контактов с «лесниками» из центральных русских губерний. Аналогично странные резолюции мы можем встретить и среди вполне современных документов, но на тупости их авторов никто уже не настаивает, справедливо используя для комментариев гораздо более уместный термин «лоббирование». Антисибирское лобби в описываемые времена было чрезвычайно мощным и опиралось на такие огромные деньги, о которых в Сибири не смели даже мечтать.

Выбор, стоявший перед сибиряками на пороге XX века, изрядно напоминает тот, что занимает умы красноярцев (да и россиян в целом) в наши дни: преодолевать вопиющую отсталость исключительно собственными скромными силами или совместно с иностранным капиталом, иностранными специалистами, иностранными технологиями? Тогда выбор был без колебаний сделан в пользу совместного развития. Вот что пишет о последствиях этого решения видный российский экономист А.Г. Донгаров: «Общим итогом работы иностранного капитала в России можно считать то, что из страны, еще в 1877 году ввозившей обычные мешки, в 1913 году она превратилась в страну, на 56 процентов удовлетворявшую свои потребности в станках и оборудовании за счет внутреннего производства. Сырая нефть практически не вывозилась. На экспорт шла продукция глубокой по тем временам переработки — осветительные и смазочные масла, бензин. Вывозилось лишь то, что не находило сбыта на внутреннем рынке (не больше 12 % общего объема). В Сибири иностранный капитал вкладывался в российские компании, так как деятельность чисто иностранных фирм в Енисейской губернии запрещалась. В 1913 году темпы промышленного роста традиционных отраслей составили 19 процентов, бурно шло и развитие новых отраслей — электротехнической, химической». Подобный экономический подъем живо напоминает прославленную эпоху послевоенного «западногерманского чуда»!

Обитатели енисейского Заполярья ни слухом, ни духом ни о каком таком экономическом чуде, естественно, не ведали, — они только знали, что гвозди и пилы подешевели втройне, что на Рождество семью можно побаловать сладостями из далекого Гамбурга, приработков же теперь при желании хватит даже на то, чтобы, справив детишкам новое платье, отправить их на ученье в Енисейск, а то и в сам Красноярск. Дел на сибирском Севере становилось все больше: хочешь, дрова для пароходов заготовливай, хочешь, рыбу по подряду копти, хочешь, в проводники к ученым людям подавайся или пристани под отгрузку графита строй, — за деньгами бегать уже не приходилось, они сами гонялись теперь за работниками, от Саян до Ледовитого океана. В Маклаково искали строителей на большой лесозавод, в Енисейске расширялась судоверфь, в устье Курейки паровые краны разгружали английское горнодобывающее оборудование, и даже в безлюдном некогда устье Енисея росла на Носоновских островах морская перевалочная база, а под Карапульным вооруженные теодолитами геодезисты высматривали место для самой крупной в мире консервной фабрики. Все это вместе взятое входило в емкое понятие «Компания», которое в свою очередь ассоциировалось на далеких северных станках и зимовых прежде всего с хорошо знакомыми на Енисее именами Ионаса Лида (в местном обиходе — Ионы Иваныча) и его постоянного делового партнера Степана Васильевича Востротина, удостоившегося лестной характеристики даже от обычно сдержанного Фриттофа Нансена:

«Востротин — золотопромышленник из Енисейска, бывший городской голова этого города, а в настоящее время член Государственной думы. Лучшего спутника по Сибири у нас и быть не могло. Карское море Востротин проехал во время своего свадебного путешествия в 1894 году, а вниз и вверх по Енисею плавал много раз. Свою родину и свое миллионное население он знал вдоль и поперек и являлся настоящим живым справочником по всем интересовавшим нас вопросам относительно условий местной жизни и труда. Кроме того, он и сам в девяностых годах долгое время состоял со-владельцем пароходства по Карскому морю и Енисею и даже приобрел для этого предприятия на собственные средства несколько пароходов».

Именно такие деятельные и многоопытные патриоты Сибири, как Востротин, Кытманов, Тонконогов, помогли тридцатилетнему норвежскому предпринимателю в считанные годы осуществить свой дерзкий план создания опирающегося на Северный морской путь акционерного общества, «в сравнении с которым потускнели бы даже пресловутые доходы компании Гудзонова залива». Как и все гениальные изобретения, план этот был предельно прост: исходя из того, что доставка тонны сибирских грузов морем обходилась втройне дешевле, чем по железной дороге, Лид намеревался приобщить к Сев-

морпути такую компанию, которая сама формировалась для себя свой будущий рынок, непрерывно расширяя его. Она ввозила бы по Енисею через сибирский Север различные станки, сельскохозяйственную и перерабатывающую технику, горные машины. Ту часть произведенной с помощью этой техники сибирской продукции, которую не смогут освоить местные рынки, компания отправляла бы на экспорт, используя зафрахтованные пароходы, а затем, по мере развития, и собственный морской и речной флот. Лид говорил: «Общий принцип нашей работы таков: чем больше товаров мы вывозим из Сибири, тем больше станем вкладывать в дальнейший рост ее промышленности. Но это обязательно должен быть вывоз достаточно технологически сложных товаров, чтобы уже на ранней стадии производства мы были бы способны получать высокую прибыль. В Сибири не может быть и речи о колониальном предприятии типа Ост-Индской компании. Не скорошельные спекулятивные сделки и легкая нажива, а долгосрочная политика взаимовыгодного всестороннего развития сибирского рынка — вот что должно стать нашей целью!»

Эти мысли впервые были сформулированы Лидом по прочтении вышедшей в 1907 году книги Генри Джонсона о сибирских плаваниях капитана Джозефа Виггинса — того «первооткрывателя» Игарки, что нанес ее на адмиралтейские карты. Описания Енисея, жителей Сибири, ее сказочных сокровищ настолько захватили воображение норвежца, что он, не колеблясь, принимает решение продолжить то, что покойный капитан почтит делом всей своей жизни: открыть Сибирь для мира и мир для Сибири. Виггинс так и не смог осуществить эту великую цель, ибо, будучи великоделным моряком, в коммерции он терпел частые неудачи, что не помешало современникам чрезвычайно высоко оценить усилия капитана на благо сближения Сибири с Европой. На церемонии похорон капитана в сентябре 1904 года жена русского посла в Лондоне Ольга Новикова почтила его память краткой взволнованной речью: «Для меня это был один из величайших людей в мире. Я всегда буду вспоминать о нем с почтительным уважением, как о святом. Мои соотечественники говорят о нем точно так же — с восхищением и глубочайшим уважением. Он умер в гордой бедности, но нет богатства больше того, что он нам завещал!» Теперь эстафету этого замечательного подвижника плаваний на Енисее принял человек, который, несмотря на молодость, уже пользовался славой одного из самых одаренных и энергичных предпринимателей Европы.

Убедительность доводов Лида, его статьи в европейской прессе и публичные выступления перед будущими акционерами Сибирской компании обеспечили ее достаточным стартовым капиталом, позволив уверенно приступить к исполнению намеченного уже весной 1910 года. Идеи Лида поддержали многие видные промышленники,

политики и финансисты того времени: чайный фабrikант сэр Томас Липтон, газетный магнат лорд Нортклифф, шведский банкир Маркус Валленберг, крупный лесопромышленник из Осло Элиас Кьяэр и даже... сам король Норвегии Хокон! В Петербурге, куда Лид, заручившись рекомендательными письмами от российского посла в Норвегии, прибыл 4 июня, когда его единомышленников пополнилась после ряда бесед такими влиятельными и могущественными людьми, как дядя царя великий князь Александр Михайлович, председательствовавший в Императорском обществе содействия мореплаванию и торговле, князь Всеволод Шаховской (впоследствии занявший пост директора Санкт-Петербургского отделения Сибирской компании), глава Ленской золотопромышленной компании Василий Иванович Тимирязев, крупнейший английский концессионер Лесли Уркварт, министр транспорта Рухлов, видные петербургские банкиры, экономисты, дипломаты.

Из Петербурга Лид отправляется транссибирским экспрессом в Красноярск, где 1 июля 1910 года впервые видит Енисей, поразивший его своим спокойным величием и прозрачностью глубоких вод. «Это как удар грома. Это любовь с первого взгляда и навсегда», — записывает в своем дневнике молодой норвежец. Чтобы как можно лучше узнать места будущих операций компании, Лид без промедления фрахтует пароход «Орел» для долгого плавания к енисейскому устью. Неустанно совершенствуя свой русский, он расспрашивает сибиряков о возможностях здешней торговли, заработках, характере реки в разное время года. Записи об очаровании первозданной природы перемежаются в его дневнике и письмах впечатлениями от бесед со встречными купцами, рыбаками, старителями. Особенно повезло Лиду в Енисейске, где он нанес визит «доброму гению капитана Виггинса» — Степану Васильевичу Востротину. Любознательный, откровенно восхищенный Сибирью норвежец пришелся Востротину по душе, и он решил сопровождать его до самого устья Енисея. Недели совместного плавания на «Орле» сблизили этих двух незаурядных людей, положив начало многолетней дружбе. И когда после революции Степан Васильевич в отчаянной бедности и одиночестве почувствует на чердаке парижской ночлежки приближение смерти, единственным из прежних знакомых, который по первому же зову примчится к нему (через два океана!), чтобы облегчить последние дни и часы, будет его старый и верный друг Ионас Лид... Но все это будет потом, а пока норвежец жадно впитывал рассказы Востротина, попутчиков и матросов «Орла». Береговой пейзаж уже не казался ему пустынным: его оживляли удивительные судьбы побывавших здесь людей. Казаки, оленеводы, православные миссионеры, предприимчивые купцы, золотоискатели, беглые крепостные, непокорные раскольники, ссыльные мятежники — «это та закваска, из которой делаются Америки», отмечает Лид под Курейкой, все более

ощущая, что отныне и его судьба будет прочно связана с величественной сибирской рекой. Сделанные в Туруханске и Монастырском, Игарке и Потапово, Дудинке и Гольчихе живые непосредственные наблюдения норвежца уже в ближайшем будущем должны были преобразоваться во вполне конкретные контракты, рейсы, биржевые котировки акций:

«Я бы сказал, что здешние купцы рассудительны, но совершенно не привыкли к конкуренции. Мысль о соперничестве приводит их в смущение. Они слегка оттывают только тогда, когда я убеждаю всех, что собираюсь ввозить сюда те товары, которые отсутствуют на здешнем рынке. Но мою главную мечту о морском пути в Сибирь они сумели оценить мгновенно. При всей своей патриархальной подозрительности они все же настоящие бизнесмены, и я уверен, что смогут отлично вести с ними дела».

«Какой здесь лес, какой лес! Как истый норвежец, я уже начинаю мечтать о лесопилке. Временами «Орел» останавливается у безлюдного берега, чтобы пополнить запасы дров для кочегарки. Когда матросы пилили в изобилии разбросанные после ледохода стволы, я тщательно ознакомился с опилками. Они великолепны! Из них, вне всякого сомнения, получится превосходная бумага».

«Мне говорят, что на Оби судоходство более интенсивно — следствие близости Урала, где промышленность существовала гораздо ранее, нежели в Сибири. Устье Оби мелко и практически непригодно для плавания крупных морских судов, но, оказывается, существует древний заброшенный канал между Енисеем и Обью — если это не легенда, то такая транспортная перемычка сразу решала бы множество проблем, даже при условии затраты больших средств на восстановление канала».

«Тысячи аборигенов — искусные в рыбной ловле остатки, выносившие кочевники тунды самоеды, гордые, мудрые долгане. Все они очень живописны. Все хранят неоценимые для исследователей сокровища северного фольклора и древних традиций, представляя собой, по всей вероятности, потомков некогда влиятельной специфически азиатской культуры».

«Русское население Сибири никогда не знало крепостного права, что в сочетании с суровым климатом и необозримыми дикими просторами превратило их в непревзойденно стойкий народ с высоким коэффициентом живучести. Наследники первых колонистов и изгнанников выглядят поразительно здоровыми и сильными людьми. Небольшое по численности население Сибири представляется мне самым жизнеспособным и крепким из всех виденных мною русских. Сибирь понятия не имеет, что такое меланхолия или культура страдания».

«Сколько этот район может предложить для торговли! Вот меха. Вот мамонтовая кость — хоть три тонны сразу. Вот волос с холки

оленя, за который мастера тончайших миниатюр в Японии и Китае готовы платить золотом. Вот кедровые орехи — клад для парижских кулинаров. Добавим к этому графит, асбест, медь, зерно, лен, копию, шерсть, шкуры... Причем я назвал только то, что лежит, так сказать, на поверхности».

«Финский шкипер «Орла» господин Отто Эльд трогательно заботится о моем русском языке, не уставая поправлять и наставлять меня. Но еще более неоценимы его сведения о льде на Енисее, о капризном фарватере этой могучей реки и постоянно сдвигающихся песчаных мелях. Он рекомендует мне создать порт для перевалки грузов с морских и речных судов там, где есть укрытие от ветров, а фарватер настолько широк, чтобы исключить возможность риска даже для весьма крупных судов».

Слово никогда не расходилось у Лида с делом, и, едва вернувшись в Красноярск из своего двухмесячного плавания, он приступает к организации работы компании. Из Осло и Лондона к берегам Енисея подтягиваются деловые партнеры, которые при виде Лида едва верят своим глазам: по одежде, медному загару и свободной русской речи норвежец мог бы запросто сойти за бывшего енисейского речника. Изумление их возрастает еще более при виде троекратно целившихся с их companionом красноярцев, которые уважительно зовут его Ионой Иванычем, наперебой приглашая к себе на свадьбы, крестины, именины и прочие семейные торжества. Восхитившись умением Лида столь быстро вживаться в сибирский быт, партнеры сообщают ему последние европейские новости: тамошние акционеры, вдохновленные петербургскими достижениями Лида, готовы срочно зафрахтовать целый флот для посылки его к енисейскому устью с любыми потребными там товарами!

Предвестником грядущих перемен становится организованная Лидом в Красноярске первая международная торгово-промышленная ярмарка. В город на Енисее доставляются образцы наиболее передовой техники того времени — американские жнейки «Интернейшил Харвестр», высокопроизводительные ткацкие станки из Бирмингема, мощная канадская драга, шведские сепараторы «Альфа-Леваль». Чтобы обеспечить ярмарке успех, Лид объездил не только Красноярье, но и Урал, Приангарье, Дальний Восток, пригласив на открытие купцов и предпринимателей из Челябинска, Златоуста, Томска, Иркутска и Владивостока. Среди заказанных ими через Лида товаров значились крупные партии кулинарных соусов и немецкое пиво, охотничьи «венчестеры» с оптическими прицелами и мощные французские камнедробилки, пишущие машинки «Ремингтон» и американские арифмометры «Берроуз». Последовательно и настойчиво добиваясь заключения контрактов на поставки техники Северным морским путем, норвежец вновь зарекомендовал себя в глазах сибиряков прекрасным коммерсантом.

В 1913 году великий полярный исследователь Фрицофф Нансен соглашается с предложением Лида участвовать в очередной сибирской морской навигации на пароходе «Коррект», который по просьбе русского правительства должен был доставить на Енисей стройматериалы и оборудование для будущей железной дороги Новониколаевск — Алтай. В обратный рейс вместе с графитом, коноплей и круглым лесом пароход вез экзотический груз: таежных медведей для лондонского зоопарка. Выгодный фрахт заметно упрочил финансовое положение новой компании, получившей, благодаря участию Нансена, широкую известность в мировой прессе. Навигацию 1914 года открыли на Енисее уже два приобретенных Компанией транспорта — «Рагна» и «Скуле». Кроме того, Лид, опять-таки по просьбе русского правительства, впервые в истории Северного морского пути перегнал в Сибирь 8 пассажирских и грузовых речных судов, построенных на германских верфях. Используя старые связи, ему удалось вывести этот флот из немецких вод буквально за несколько часов до начала Первой мировой войны.

Николай II считал справедливым отметить труды Лида присвоением ему звания почетного гражданина Российской империи. Русскую присягу Йонас Лид принимал вместе с Эммануэлем Нобелем, племянником основателя всемирно знаменитой премии. Беседа с Лидом о перспективах Севморпути настолько увлекла обычно пунктуального царя, что аграрному министру Кривошеину пришлось дожидаться аудиенции лишних полчаса — Николай совершенно позабыл о нем! «Непосредственный, дружелюбный, без тени напыщенности» — таковы были впечатления норвежца от встречи с русским императором. Кстати сказать, отец Николая — Александр III в свое время не менее увлеченно беседовал с капитаном Виггинсом о его плаваниях на Енисей, проявив особый интерес к обстоятельствам гибели «Темзы» на траперзе Игарки. Серебряный сервиз, подаренный Александром достойному капитану, и доныне украшает экспозицию Британского музея. Из Царского Села Лид сразу же вернулся на Енисей, приступив к детальной подготовке очередных рейсов. Все учитывалось им с точностью до часа, до пуда и до копейки: время пути речных и морских судов, заготовка топлива в Туруханске, Игарке, Дудинке и Гольчихе, премии капитанам за своевременное прибытие к месту перевалки у Носоновских островов, доставка туда паровых кранов и артели грузчиков из Енисейска, оплата сверхурочных за круглосуточную погрузку, оптовые цены в Европе и в Енисейске. Красноярская контора Компании на Воскресенской, 59, казалась в эти горячие дни совершенно пустой: под норвежским флагом с золотым львом обычно сидел лишь одинокий бухгалтер Прянишников, сводивший в одно целое донесения, счета и контракты от главы Компании и множества его агентов, работавших по всей Сибири. В дневнике Лида появилась в ту осень следующая при-

мечательная запись: «Пока ездил на катере в Игарку для оплаты заготовленных дров, на нашем пароходе, загружавшемся графитом в устье Курейки, побывал непрошеный гость: курейский политический ссылочный, который пытался зайцем выбраться из Сибири». Позднее, в опубликованной полвека спустя книге воспоминаний, Лид отметит, что беглец явно не был кавказцем, так что личность этого предположительного товарища И.В. Сталина по ссылке до сих пор остается загадкой.

Скрупулезная финансовая и организационная работа с каждой партией товара полностью себя оправдывала: обработка 12 тысяч тонн груза заняла на Носоновских островах менее двух недель, причем в обратный путь морские транспортеры впервые взяли промышленную сибирскую продукцию. Льняное полотно, сотканное на импортированных Лидом ткацких станках, вызвало на английском рынке настоящую сенсацию. Прочное и легкое, оно сразу завоевало признание у фабрикантов одежды и в авиационной промышленности. Прибыль от сибирских грузов превзошла самые смелые ожидания акционеров Компании. В ближайшие годы доходы обещали возрасти еще более: Первая мировая война резко ухудшила в Европе продовольственную ситуацию, а сибирские кооперативы располагали уже достаточно значительными излишками масла и сыра, поскольку завезенные сюда Компанией шведские сепараторы за три года прекрасно «прижились» на берегах Енисея. Предложение норвежца доставить эти излишки в Европу было воспринято с энтузиазмом, заказы на сибирские продукты поступали отовсюду. Наиболее выгодным оказался заказ шведской фирмы «Лунд ог Петерсен», которая заявила, что готова оплатить все расходы Сибирской компании, даже если качество масла окажется низким — в этом случае оно пойдет военному ведомству как ингредиент оружейной смазки. На Енисей тут же отправились два парохода Компании «Хаугастель» и «Эден». В устье реки они приняли в трюмы пять с половиной тысяч тонн различных грузов, в основном льняное полотно и молочные продукты, которые распорядительный Лид распорядился переложить льдом, заранее выдолбленным из вечной мерзлоты на Носоновском острове. На обратном пути оба судна попали в Баренцевом море в жестокий штурм, и Лиду, который был поистине мастером на все руки, пришлось подменять на мостике капитана «Хаугастеля», который ваился с ног от многодневной бессонницы. Груз был доставлен в порт назначения без потерь и сдан покупателю. Опасения Лида, что датчане испокон веку славившиеся собственным молочным хозяйством, окажутся излишне придирчивыми, не оправдались: в Копенгагене сибирские сыры и масло были признаны великолепными. Только на одной этой операции Компания заработала свыше трети миллиона фунтов стерлингов! Политика Лида, направленная на стимулирование сибирской промышленности, начала приносить реальные пло-

ды, и он намеревался всемирно расширять это взаимовыгодное сотрудничество с европейской экономикой.

Проекты Сибирской компании носили весьма разносторонний характер. От малоприбыльного экспорта круглого леса Лид намечает в ближайшие годы перейти к поставкам на европейский рынок пиломатериалов, а отходы лесопиления использовать на первом в Сибири целлюлозно-бумажном комбинате, который будет поставлять высококачественную бумагу для лондонской «Таймс» (соответствующий контракт с ее владельцем лордом Нортклиффом Лид заключил в 1916 году) и для сибирской периодики. Лид считал также абсолютно необходимым дальнейшее расширение плантаций льна: сибирское полотно пользовалось на западноевропейском рынке все большей популярностью. К сожалению, слова «сибирский лен» звучат в наши дни не более актуально, чем, скажем, «сибирский мамонт», и о былой славе енисейских льноводов никто уже не помнит... Впрочем — что Сибирь, если даже знаменитому некогда на весь мир вологодскому льну Виктор Петрович Астафьев посвятил в своих «Затесях» одну из самых горестных глав...

В 1916 году первоклассное лесопильное оборудование шведской фирмы «Болиндер» было доставлено судами Компании в Маклаково (позже часть этого оборудования станет ядром Игарского лесопильного комплекса). Местная строительная артельозвела новый завод за полгода, и уже весной 1918 года его пилорамы заработали на полную мощность. Кроме того, Лид приобрел под Красноярском участок земли для будущей судостроительной верфи — он был уверен, что Сибирь располагает достаточными ресурсами для постройки собственного речного флота. Проектирование этой верфи и разработку чертежей речных судов норвежец заказал нью-йоркской фирме «Киндлунд энд дрейк», накопившей богатый опыт создания прочных судов для американских Великих озер, где условия навигации приближались к морским. Говоря современным языком, Йонас Лид собирался строить суда смешанного плавания «река—море». Операции Сибирской компании развиваются настолько динамично, что ограниченные возможности маленькой гавани прежнего перевалочного пункта на Носоновских островах начинают сдерживать дальнейшее развитие экспортно-импортной торговли. «Порт! Сибири срочно нужен настоящий морской порт!» — пишет Лид своему младшему брату Яльмару, плававшему штурманским учеником на пароходах Компании.

Здесь необходимо отметить, что к этому времени Компания уже перестала быть преимущественно западноевропейской по источникам своих капиталов: дешевый морской путь в считанные годы «поставил на ноги» немало сибирских талантливых предпринимателей, кооперативов промышленников, деньги которых начали играть в операциях Компании все более значительную роль. Уже к 1917 году,

когда Сибирская компания вошла в число десяти крупнейших компаний мира, соотношение русской и иностранной доли в общем капитале изменилось самым кардинальным образом: вклад норвежцев составлял 8 миллионов крон, англичан — чуть менее полутора миллионов фунтов, русская же доля была самой внушительной: 10 миллионов золотых рублей! Зримым свидетельством изменившегося положения вещей стало открытие на столичном Невском проспекте российского филиала Компании. В еще большей степени эти отрадные для сибиряков перемены подтверждались неуклонным возрастанием влияния сибирских торговых и промышленных кругов в правительстве, Думе, даже среди членов царской фамилии. Великий князь Александр Михайлович санкционирует проведение на арктической трассе воздушной ледовой разведки (недаром этого выдающегося государственного деятеля называли отцом русской авиации!), министр торговли князь Шаховской работает над дальнейшим расширением сети северных радиостанций, граф Берг создает совместно с Лидом и сибирскими купцами Ветровым, Гадаловым и Корниловым дочернюю компанию по производству бумаги из отходов сибирского лесопиления. Активное содействие планам сибиряков оказывает даже председатель совета министров — тот самый граф Коковцов, который в свое время наложил вето на экспорт енисейской древесины. Сбываются многие мечты адмирала С.О. Макарова, который после плавания из Норвегии в Енисейск, совершенного на пароходе «Иоан Кронштадтский» летом 1897 года, тщетно добивался от правительства реальных мер по обеспечению сибирской морской торговли ледоколами, приводя в подтверждение своих мыслей данные о дудинском угле, не уступающем качеством английскому, и о курейском графите, вообще не знающем себе в мире равных. Тогда глава Морского министерства вице-адмирал Тыртов начертал на докладной записке Степана Осиповича: «Может быть, идея адмирала и осуществима, но так как она, по моему мнению, никоим образом не может служить на пользу флоту, то Морское министерство никоим образом не может оказать содействие адмиралу ни денежными средствами, ни тем более готовыми судами». Прошло полтора десятилетия — и с верфей для русского флота один за другим сходят могучие ледоколы «Петр Великий», «Царь Михаил Федорович», «Кузьма Минин», «Князь Пожарский», «Александр Невский», «Святогор», а члены совета министров принимаются хлопотать о закупке в Соединенных Штатах угледобывающего оборудования с целью последующего крупномасштабного экспорта угля из Сибири — времена явно меняются к лучшему!

Но обязательным условием дальнейшего наращивания сибирских производительных сил во благо всей России была еще и поощрительная таможенная политика, которая обеспечила бы Сибирь активным притоком новых капиталовложений, контрактов, торго-

вых партнеров. Сибиряки прекрасно это понимали: еще в 1908 году Степан Васильевич Востротин писал: «Да, правительство субсидирует частную инициативу на Северном морском пути. Но нужен беспошлинный ввоз товаров. Наши естественные, Богом дарованные пути, каких нет во всем мире, находятся почти в том же состоянии, как и в семнадцатом веке. Теперь, когда конституционные принципы должны осветить все сферы государственной жизни, эгоизм и беспечность местных и центральных бюрократов ни в коем случае не могут допускаться в вопросах народного хозяйства!». Поначалу подобные высказывания встречались за пределами Сибири в штыки, причем аргументы того времени почти дословно совпадают с логикой нынешних противников иностранных инвестиций: «Нельзя допускать иноземцев и иноверцев к национальным богатствам, которые будут безжалостно разграблены без малейшей выгоды для России».

Доказывая торговой практикой, что при наличии соответствующих законов иностранный капитал способствует не разорению, а становлению отечественной экономики, сибиряки упорно наращивали свое представительство в Думе, где их рупором стал именно С.В. Востротин, неоднократно избирающийся туда от Енисейского округа и сумевший добиться поддержки влиятельных депутатов: Милюкова, Некрасова, Шингарева, Винавера, Родичева и многих других. Настойчивое, последовательное и великолепно аргументированное отстаивание сибирскими делегатами интересов своих избирателей заставило Государственную Думу принять в 1912 году первое «просибирское» постановление: «Признавая в интересах колонизации и развития производительных сил Сибири крайне необходимым установление плавания Северным морским путем через Карское море с целью вывода на внешние рынки сельскохозяйственных, лесных и других продуктов, Государственная Дума выражает пожелание, чтобы Министерство торговли и промышленности в самом непролongительном времени озабочилось выработкой ряда практических выгод и льгот, при коих торговые плавания могли бы возникнуть, и внесло бы соответствующий проект в Государственную Думу».

Это постановление вызвало полное понимание у правительства, которое действительно вскоре установило ряд существенных льгот для торговых операций в устьях сибирских рек, но разработка нового таможенного законодательства всячески тормозилась «патриотами» черносотенного толка, продолжавшими на все голоса пугать российскую общественность жуткими перспективами грядущего опустошения Сибири европейскими хищниками. Достойную отповедь московским «доброжелателям» дал в докладе для Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли блестящий красноярский экономист А.В. Байкалов, под бурные аплодисменты зала заявивший:

«Пора, господа, нам, гражданам Сибири, громко сказать: ДОВОЛЬНО ОБЕРЕГАТЬ НАС ОТ ИНОСТРАНЦЕВ! Довольно обогащать за наш счет московских промышленников и российских аграриев! Мы не хотим быть евангельскими ленивыми рабами, держащими в земле свои богатства!»

И нескрываемая гордость докладчика за свой край, и эмоциональная поддержка красноярцев были вызваны в первую очередь разительными переменами, произошедшими в Сибири менее чем за десятилетие: морские пароходы стали на Енисее привычным зрелищем, целые колонки лондонских газет посвящались котировкам сибирских товаров, полмиллиона изголодавшихся по земле россиян, которые переселились в Енисейскую губернию благодаря столыпинским реформам, творили подлинные чудеса в сельском хозяйстве огромного края, лучшая современная техника — от паровых кранов в устье Енисея до локомобилей в приенисейских крестьянских кооперативах — преображала жизнь на протяжении сотен и тысяч верст. Неутомимо шагали сквозь степи, тайгу и приполярные топи столбы телеграфных линий: в 1912 году — до Ворогова, в 1914-м — до Монастырского, в 1916-м — до Дудинки, а навстречу им столь же неутомимо тянулась из Арктики сеть радиостанций: в 1912 — на Вайгач и Новую Землю, в 1913-м — на Марре-Сале, в 1915-м — на Диксоне. Износившиеся одежды «глухой окраины империи» становились теми для расправляемого плечи молодого сибирского гиганта, и поэтому наряду с требованиями торговых льгот в докладе Байкарова настойчиво повторялся страшный для московских монополий термин «ПОРТО-ФРАНКО», или, как это теперь зовется, свободная экономическая зона.

Собравшиеся в зале Восточно-Сибирского промышленно-торгового общества красноярские финансисты, купцы, администраторы полностью поддержали идею скорейшего создания в Сибири подобных свободных зон, а доклад Байкарова был издан на деньги Общества крупным тиражом. Эта отпечатанная в Красноярске весной 1913 года брошюра разошлась почти мгновенно — и неудивительно: в ней была впервые сформулирована четкая программа действий правительства и сибирской общественности, необходимых для того, чтобы в соответствии с пророчеством М.В. Ломоносова благосостояние России смогло бы наконец в полной мере «прирастать Сибирью». Вот что писал А.В. Байкалов:

«Московские мануфактуристы совершенно правильно рассудили, что если запертые за семью замками сибирские двери откроются для иностранных товаров, то придет конец их до сих пор неограниченному господству на сибирских рынках: как ни «просты» сибиряки, а уж наверняка поняли бы, что нет никакого расчета платить бешеные деньги за доставляемое отечественное гнилье и заваль, ког-

да великолепный по качеству иностранный товар можно иметь по дешевой цене.

Между тем для всякого хоть сколько-нибудь знакомого с Сибирью, мне думается, ясно, что для ее экономического прогресса вопрос о порто-франко в устьях Енисея и Оби — почти вопрос жизни и смерти. Было бы ошибочно думать, что только независимые сибирские общественные деятели, которым бросают упрек в их безответственности, говорят об этом, это же утверждают и лица, занимающие видные административные посты в сибирских губерниях. Приведу, как пример, решения Иркутского совещания о путях сообщения, состоявшегося еще осенью 1906 года под председательством бывшего иркутского генерал-губернатора Селиванова. В этом совещании принимали участие представители большинства городов Сибири, торгово-промышленников и отдельных ведомств: подавляющим большинством голосов совещание постановило, что открытие устьев сибирских рек для беспошлинной торговли безусловно необходимо в интересах развития края.

Сибирским товарам нужен близкий и дешевый путь на рынки, и у Сибири этот путь имеется — это большие и глубокие реки, Карское море, Северный Ледовитый океан. Конечно, этот путь довольно трудный и открытый два-два с половиной месяца в году. Поэтому-то и нужно создать для него особые условия, нужно обеспечить его особыми льготами. Северное порто-франко было бы живой водой, пробуждающей к жизни мертвые теперь богатства наших недр. Наши леса, наши рыбные богатства, графит, уголь, соль, железо и так далее — все это при разумной эксплуатации дало бы огромные и материальные и культурные блага нашему краю. Сказанного довольно, чтобы уяснить, насколько важно для Сибири иметь дешевый и удобный путь к рынкам. Должно повторять и повторять, что единственное средство, способное быстро оживить наш край, влить в него новые силы, — это полное и безусловное порто-франко для севера Сибири.

Целый ряд исторических примеров свидетельствует о благодетельности такой меры. Благодаря чему норвежский Финмаркен с его городами Гаммерфестом, Варде и Варле, лежащими за популярным кругом, в короткое время достиг высоких степеней развития? Главным образом, благодаря тому, что в перечисленных трех городах существует порто-франко. На беспошлинном ввозе товаров зиждется благополучие и Североамериканских городов Ситки и Нома на Аляске».

Пока сибирская фракция Государственной Думы рука об руку с правительством и сибирскими администрациями продолжала настойчиво добиваться «зеленой улицы» для следующих Севморпутем грузов, не теряя даром времени и человек, усилиями которого сибирская торговля была сдвинута с мертвой точки: Ионас Лид приступает к

заключительной «четвертой четверти пути» — изысканию места для строительства на Енисее морского перевалочного порта.

Исходными данными для этого поиска должны были послужить многолетние наблюдения енисейских капитанов, а также бесценные труды экспедиции выдающегося русского гидрографа Андрея Ипполитовича Вилькицкого, чьи составленные в конце прошлого столетия подробнейшие (от устья вплоть до Енисейска!) карты великой сибирской реки стали надежным подспорьем для многих поколений енисейских лоцманов и шкиперов. К работе над изысканиям Лид привлек человека сдали не столь же знаменитого, как и генерал-лейтенант Вилькицкий: автора проекта Одесского порта инженера А.М. Вихмана. Перед ним были поставлены достаточно жесткие условия: будущий порт должен иметь глубины не менее 6 метров, защищенный от ветров рейд, длинную, «на вырост», причальную линию и, наконец, безопасные подходы с моря. К этим сугубо морским условиям добавились и «сухопутные», предъявленные экономистами Компании: у нового порта обязательно предполагались глубокие «тылы» для размещения пакгаузов и складов, он должен был располагаться вблизи от угольных месторождений, с одной стороны, а с другой — не слишком далеко от устья (во избежание высоких сборов за лоцманскую проводку). Но наиболее сложные задачи перед проектировщиком ставил короткий навигационный период, который вынуждал порт работать «в режиме конденсатора», то накапливая грузы, то освобождаясь от них, что в свою очередь предполагало периодическое «распухание» рабочей силы с крайне нежелательными расходами на ее ввоз и вывоз, а это плохо согласовывалось с основным требованием заказчика: новый порт должен быть не просто самоокупаемым, но высокоприбыльным! Лид, однако же, не зря остановил свой выбор на Вихмане: как и в случае с Одессой, труднореализуемые цели лишь подстегивали творческую фантазию этого замечательного русского портостроителя. В качестве «пиши для ума» капитаны Компании предложили Вихману довольно обширный перечень частично использовавшихся ими стоянок, от Ангутики на юге до Луковой протоки на севере. Напутствуемый самыми сердечными пожеланиями красноярцев, инженер отбыл летом 1916 года в плавание по Енисею. Покинул свою сибирскую столицу и Лид: поскольку конца войны в Европе пока не предвиделось, деятельный норвежец решает перенести центр тяжести операций Сибирской компании на прямую торговлю Сибири с Америкой.

В Соединенные Штаты его приглашал не кто иной, как Генри Форд, с которым Лид познакомился в 1915 году, во время нашумевшего фордовского «плавания во имя мира» в Европу. Главе Сибирской компании пришлась тогда весьма по душе идея Форда революционизировать экономику Сибири с помощью дешевого ав-

транспорта и общедоступных тракторов. «Дайте людям достаточно пищи, дайте им познать вкус честной обеспеченной жизни — и никакие политики не смогут заставить их воевать друг с другом!» — эти слова американского автомобильного короля были во многом созвучны убеждениям самого Лида, которому глубоко претила продолжавшаяся в Европе война. Перед отбытием за океан он записывает в своем дневнике:

«Скорее бы кончилось это затянувшееся военное безумие. После военные перспективы, несомненно, колосальны. Теперь у России имеются все шансы стать интегральной частью Европы, с уверенностью в процветании экономики и социальном благосостоянии. Мне удалось благодаря званию почетного гражданина России уговорить премьера Протопопова и сельскохозяйственного министра графа Бобринского разрешить мне продажу 150 тысяч акров земли под Минусинском. Я не собираюсь извлекать из этого участка какой-либо доход или включать его в орбиту деятельности Компании — просто это моя идея персонального счастья: жить на своей сибирской земле. Пишу «своей» не столько в юридическом, сколько в сердечном смысле, ибо я люблю эту землю...»

Во время своего визита в Америку Лид обсуждает с Теодором Рузельтом создание прямой морской линии между портами Соединенных Штатов и Сибирию. Ради популяризации этой идеи Лид приглашает Рузельта (точно так же, как ранее он приглашал Нансена) совершить на приобретенной Компанией для туристских рейсов паровой яхте «Дороти» плавание на Енисей. Такой визит мог бы иметь для будущего огромное значение: Рузельт, хотя уже и не был президентом, по-прежнему пользовался в Конгрессе большим влиянием и, безусловно, мог бы способствовать расширению сибирско-американских связей. Экс-президент не возражал против посещения Сибири, но полагал, что плавание следует отложить до окончания войны, которая, по мнению Рузельта, делала опасным даже Северный морской путь.

Чтобы доказать обратное, Лид впервые в истории организует экспериментальный прямой рейс Нью-Йорк — Енисей, который предстояло совершить новейшему пароходу Компании «Оби». Груз (включая фордовские тракторы) собирался Лидом чуть ли не по всей Америке, которую он облезил, выступая перед американцами с лекциями о широчайших возможностях торговли с Сибирию. Незадолго до выхода из Нью-Йорка заполненной грузами «Оби» на имя Лида пришел толстый пакет с донесением Вихмана, после чего в качестве пункта назначения капитан судна слышит от хозяина ранее никому не известное название: Усть-Енисейск. Лид произносит его почти с благоговением, полностью отдавая себе отчет в торжественности этого момента. У Сибири появляется свой собственный морской port!

Объяснения, почему он остановил выбор на самой северной (всего в 170 милях от устья Енисея) из всех предложенных ему гаваней, Вихман сообщал, что «проходить южнее Дудинки является невыгодным для морских судов, так как это связано для них с потерей лишнего дорогостоящего времени, а суда обычно вынуждены торопиться возможно скорее совершить обратный рейс». На то же место указывал в 1913 году и Нансен, отметивший, что «прекрасная гавань эта хорошо защищена и имеет редкое преимущество, заключающееся в равной глубине до самого берега». Согласно расчетам Вихмана, Усть-Енисейск будет способен осуществлять перевалку 300 тысяч тонн грузов за навигацию при практически неограниченных резервах дальнейшего развития. Семиметровые глубины вкупе с 750-метровой причальной линией позволяют ему принимать суда любого тоннажа, а неисчислимые запасы цепной рыбы в окружающих реках и озерах делают вполне реальным строительство консервной фабрики для обеспечения жителей порта работой в межнавигационный период. На приложенных чертежах были обозначены элеваторы, пакгаузы, административные и жилые здания, корпуса радиостанции, пекарни, бани, просторной гостиницы. К приходу «Оби» в Усть-Енисейске уже готовились: было завершено строительство двух пакгаузов и подъездных путей к ним, возводился причал, к которому отбуксировали из Красноярска мощный паровой кран для перегрузки тяжеловесов.

Пока «Оби», преодолевая атлантические штормы, огибалась Исландию, Лид двигался навстречу ей через Тихий океан: верный своим правилам, он хотел лично проконтролировать подготовку обратных сибирских грузов для Америки. В Японии он получил неожиданное подтверждение растущего международного авторитета Сибирской компании: едва «Госпожа Романова» (бывшая «Императрица России») ошвартовалась в Иокогаме, как Лид был почтительно приглашен на встречу с правлением крупнейшего японского торгово-промышленного концерна «Мицуи». Члены правления проявили живейшую заинтересованность в подписании долгосрочных контрактов с Сибирской компанией, одновременно выразив некоторые опасения по поводу растущих в России революционных настроений.

В том, что опасения японских бизнесменов имели под собой вполне реальные основания, Лид смог убедиться уже в вагоне транссибирского экспресса: «Никогда я не видел в этом поезде столько пьяной, невесть откуда взывшейся солдатни, очень злобной и очень наглой», — записывает он с удивлением. Но поездка по Енисею укрепляет его несколько поколебавшийся оптимизм:

«Здесь все по-прежнему — люди вежливы, уважительны, полны спокойного достоинства. На будущей судоверфи под Красноярском полным ходом идет строительство шести сливов, на которых будет создаваться наш новый речной флот — суда от 500 до 1000 тонн. Сибирь сможет похвастаться собственной передовой судостроитель-

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

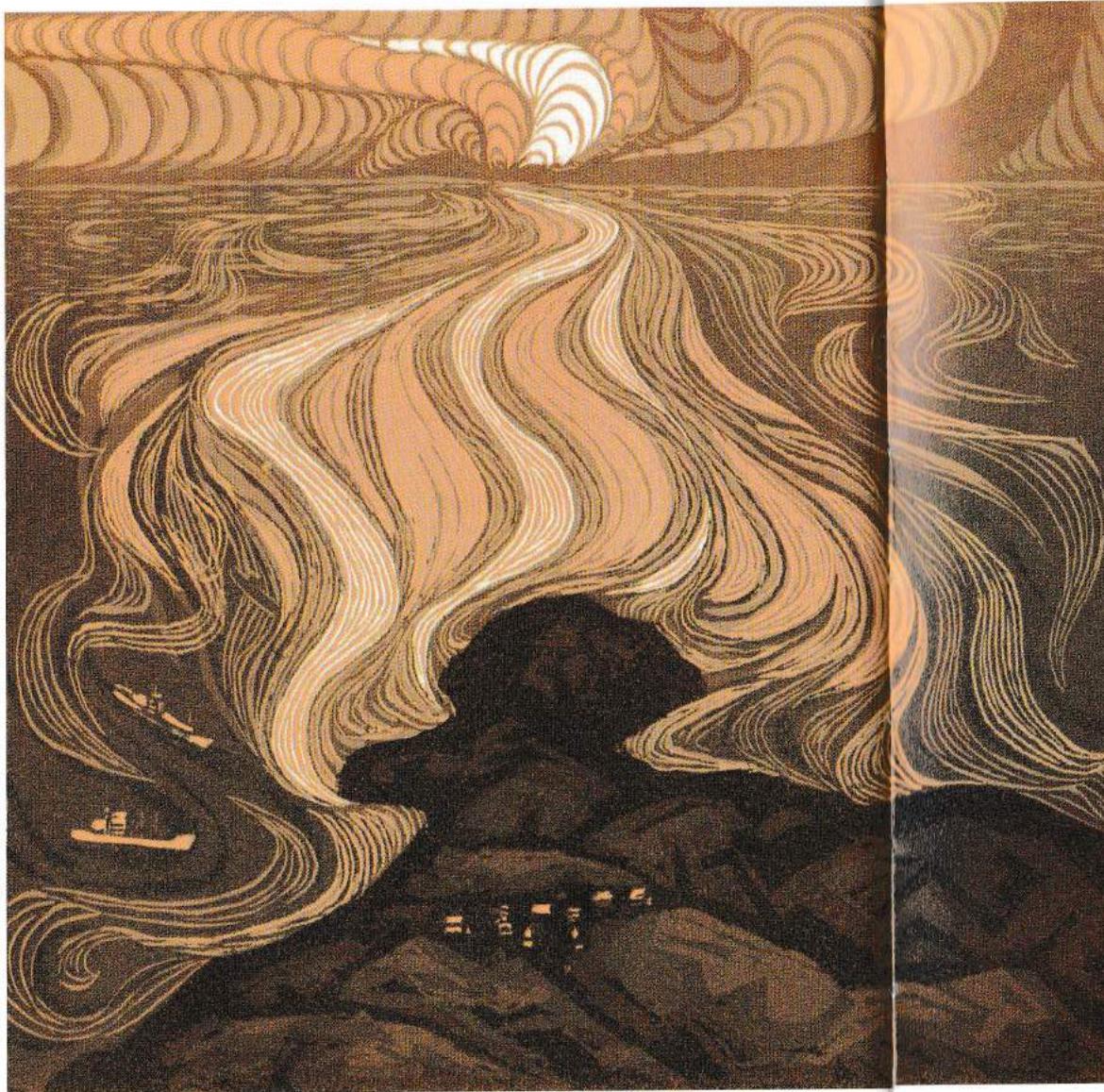
ной индустрией. Господин Рокко Кент из Нью-Йорка уже завершает укрытия над слипами для зимней работы. Был вместе с архиепископом на церемонии благословения флотилии, уходящей в низовья Енисея, — волнующее и радостное зрелище. Вообще, сибирские перспективы без преувеличений завораживают меня. Причем это не искусственно создаваемые «мыльные пузыри», а естественное здоровое процветание богатейшей страны, населенной сметливыми и трудолюбивыми людьми...»

Человеку не дано знать будущее. Записывая ровно за два месяца до залпа «Авроры» свои полные веры в завтрашний день мысли, Лид, конечно же, не мог предугадать, что груз «Оби» так никогда и не достигнет берегов Енисея, а сам пароход, торпедированный германской подлодкой, погибнет в Баренцевом море вместе со всем экипажем, самым молодым членом которого был 20-летний штурман Яльмар Лид. Не мог он знать и того, что революция и гражданская война обратят в прах все имущество еще недавно процветавшей Компании, что и его имя, и имена его сибирских единомышленников предадут полному забвению, что, наконец, его порт в устье Енисея будет объявлен «кабинетной капиталистической химерой».

Но в главном Ионас Лид оказался прав: олицетворенные в поразительных успехах Сибирской компании труды и вера бесчисленных поколений мореплавателей, первопроходцев, золотоискателей, землепашцев, охотников, купцов, дальновидных политиков и многих иных «сметливых и трудолюбивых людей» теперь уже не могли исчезнуть бесследно, ибо они явили зримые для каждого и действительно завораживающие перспективы родного всем им края. Сибирь открылась миру, и мир открыл Сибири — четыре четверти великого и многотрудного пути к созданию сибирского морского порта были пройдены. И уже в следующем десятилетии эстафету несостоявшегося усть-енисейского детища Ионаса Лида приняла, казалось бы, навсегда оставленная непокорными своими обитателями но все же вновь восставшая из небытия удивительная Игарка.

ИГАРСКИЙ ХРОНОГРАФ

- 1738 г. - В судовом журнале бота «Обь-почтальон» появляется запись штурмана Ф.А.Минина: «выйдя из Туруханска в июне, мы скоро достигли Игаркиной протоки».
- 1826 г. - Первые официальные сведения о населении Игарского станка: «Три добытчика, лошадей на станке нет».
- 1860 г. - Направленная М.К. Сидоровым поисковая партия обнаруживает у реки Курейки громадные залежи графита.
- 1877 г. - Игарчане спасают с аварийного парохода «Темза» груз первого курейского графита, отправляемого в Англию по Северному морскому пути.
- 1878 г. - Капитан Джозеф Виггинс нанести Игарку на адмиралтейские карты.
- 1895 г. - Гидрографическая экспедиция А.И.Вилькицкого производит уточнение глубин в районе Игарки.
- 1896 г. - Деревня Игарская отнесена при проведении Всеобщей переписи населения Российской империи к 7 счетному участку Туруханского края.
- 1897 г. - Адмирал С.О.Макаров во время плавания по Енисею на пароходе «Иоанн Кронштадский» заключает первый лесоэкспортный контракт на поставки древесины из Сибири в Англию Северным морским путем.
- 1905 г. - Император Николай II утверждает решение о крупнейшей в истории Северного морского пути транспортной экспедиции в Сибирь - из 14 судов, которая благополучно достигает цели.
- 1910 г. - На Енисее развертывает деятельность Сибирская пароходная торгово - промышленная компания.
- 1913 г. - Начало курейской ссылки И.В.Сталина.
- 1914 г. - Игарку впервые посещают на пароходе «Орел» зарубежные туристы, приглашенные Сибирской компанией.
- 1916 г. - Инженер А.М.Вихман приступает по заданию Ионаса Лида к изысканию места для строительства на Енисее перевалочного морского порта.
- 1917 г. - Из Нью-Йорка выходит в прямой рейс на Енисей пароход «Обь» с грузами для Сибири.

РОЖДЕНИЕ

И в котлованах узких, как в окопах,
Кайлом вгрызаясь в мерзлую кору,
По грудь в воде стояли землекопы,
И кровельщики стыши на ветру.
В землянках мерзли, черствый хлеб жевали,
Встречали грудью ливни и тургу,
Недосыпали и недоделяли,
Все испытывали, все перевидали,
Но заложили порт на берегу.

Казимир Лисовский, игарский поэт.

1919 - 1931

Первая послереволюционная навигация не отличалась на Енисее особо заметными изменениями: пришедшие с моря пароходы несли привычный российский флаг, а возглавлял очередное плавание «Таймыра» и «Вайгача» капитан I ранга Борис Андреевич Вилькицкий, сын хорошо известного сибирякам исследователя приполярных енисейских вод А.И. Вилькицкого. Экспедиция 1918 года была направлена из Архангельска в Дудинку с грузом продовольствия и оборудованием для строительства радиостанции. Поскольку советская власть в Сибири продержалась недолго и менее чем через год после Октябрьской революции хозяином положения на Енисее стал адмирал А.В. Колчак, то можно сказать, что оба пароходашли Северным морским путем на встречу со своим создателем: ведь идея строительства «Таймыра» и «Вайгача», предназначенных не для сокрушения льдов, а для успешного противостояния их давлению, принадлежала именно Александру Васильевичу, он же стал в 1909 году и первым командиром «Вайгача».

Не слишком изменилась с быльих лет и обычная для сентября речная суeta: спешили вверх и вниз по Енисью суда с последними грузами, берега были усеяны стойбищами долган и юраков, вышедших из тундры для закупки товаров на зиму, над дудинскими лабазами красовались подновленные вывески кооперативов и купеческих контор. Правда, как тогда подметил уже знакомый читателю моряк с «Таймыра» (и будущий лоцман Игарской гидробазы) Иван Павлович Костюченко, «дисциплинка у сибиряков изрядно упала»: колчаковцы так и не удосужились восстановить отмененное большевиками губернаторское постановление 1914 года «О запрещении продажи в Енисейской губернии крепких напитков». В Дудинке напитки эти лились рекой. Торопившиеся уйти до ледостава шкиперы тщетно отыскивали своих матросов, по причалам бродили потерявшие хозяев олени, а оба дудинских кабака были с утра до ночи набиты посетителями, от которых моряки смогли узнать немало живописных подробностей недавних смен властей, бунтов и сражений. Прерванная почтовая связь енисейского Севера с большой землей еще только-только восстанавливалась, и изголодавшиеся по новостям люди сходились на «дудинский огонек» со всех окрестных станков, деревень и зимовых.

Тем не менее игарчан Ивану Павловичу в Дудинке не повстречалось, хотя соседние с ними потаповцы и курейчане бывали там довольно частыми гостями. По их сведениям, Игарка почти совсем опустела, а самый известный ее житель Вася Турбов (за бескорыстие, охотничью удачу и таежные познания он удостоился от Мод Хэвиленд уважительного звания «Соколиного глаза») перебрался южнее, в Селиванихи, где с оружием помогал тамошним крестьянам отстаивать свои дворы и скот от шаставших под разными знаменами бандитов. Процветающая община селивановских скобцов,

восхитившая своей зажиточностью и образцовой чистотой еще капитана Виггинса, всегда притягивала в смутные времена жадные взоры разного рода «экспроприаторов», так что меткий карабин игарчанина оказался в Селиванихе как нельзя более кстати.

В тот богатый событиями год была востребована помощь и другого популярного на Севере человека, еще совсем недавно подписывавшего игарчанам и курейчанам счета за заготовку дров для его пароходов. Ряд видных акционеров Сибирской компании обратились к уехавшему после революции в Норвегию Йонасу Лиду с неожиданным предложением: срочно использовать его обширные связи в Сибири для организации побега царской семьи из Тобольска через Северный морской путь. Помнивший добро норвежец взялся за подготовку со всей ответственностью почетного гражданина России, вступив в контакт с лондонскими родственниками царя и заручившись поддержкой концерна «Виккерс», но, в отличие от успешно защитившего Селиванихи Васи Турбова, усилия Лида оказались напрасными. К его помощи прибегли слишком поздно: большевики уже переводили царя в удаленный от водных путей Екатеринбург, а вскоре наступил и роковой день 16 июля. Зафрахтованный для Лида директором «Виккерс» сэром Френсисом Бэйкером пароход так и не вышел в свой намеченный рейс к берегам Сибири...

«Таймыр» с «Вайгачом» остались единственными морскими судами, совершившими поход на Енисей за всю навигацию 1918 года (для «Таймыра», который распорол корпус о необозначенную подводную скалу, навигация эта стала последней), но зато на следующий год Северный морской путь заметно оживился. Его роль в снабжении отрезанного от сухопутных сообщений с Европой сибирского правительства становилась решающей, и А.В. Колчак предпринял все возможное, чтобы обеспечить в 1919 году предельно эффективную работу своей северной магистрали.

Речной флот пополняется отремонтированными и вновь спущенными на воду судами, в Усть-Енисейске возобновляется интенсивное строительство перевалочного морского порта, а в низовьях Енисея приступают к работе приведенные из Архангельска штурманом К.К. Неупокоевым четыре гидрографических судна («Шуя», «Иней», «Орлик» и «Полезный» — всем им была суждена долгая и славная трудовая жизнь в составе игарского гидрографического флота). Путь через Карские ворота преодолевают в эту навигацию уже 7 пароходов со снаряжением для армии, а еще 2 парохода (английский «Байминго» и шведский «Хальвар») выполнили рейсы за продукцией сибирских кооперативов — маслом, кожами и беличьими шкурками, доставив из Европы текстиль и сахар. Судов этих могло бы быть втрое больше, если бы наращиванию грузопотока в Сибирь не мешали причины, сугубо политического свойства, речь о которых пойдет чуть ниже.

Активизируя гидрографические работы на Енисее, адмирал Колчак намеревался сделать реку более обустроенной для прохода крупных морских судов не только к Усть-Енисейску, но и к другим морским портам, которые предполагалось создать в будущем выше по течению. К этой задаче сибирское правительство вновь привлекло находившегося в Красноярске А.М. Вихмана, но, к сожалению, инженер был отрезан от своих богатейших материалов, собранных на Енисее летом 1916 года, — они находились в его петроградской квартире и, как позднее выяснилось, бесследно исчезли во время питерских грабежей периода военного коммунизма. Тем не менее и к устным описаниям Вихмана адмирал отнесся с нескрываемым интересом, зарекомендовав себя в глазах портостроителя высокопрофессиональным гидрографом и дальновидным государственным деятелем. «Прогуливаясь» по карте Енисея вместе с Вихманом и штурманом Обь-Енисейского гидрографического отряда В.И. Албановым, адмирал предложил инженеру повнимательнее присмотреться к «золотой середине» реки — пространству между Дудинкой и Енисейском, где, по его мнению, тоже имелись условия для строительства хорошо защищенных перевалочных баз. Особо перспективной адмирал счел протоку у Ангутихи, в 250 километрах к югу от Игарки. Свидетельством неподдельной заинтересованности сибирских властей в развитии торговли по Севморпути стал изданный в 1919 году в Красноярске труд Вихмана «Морские сообщения Сибири», где вновь с убежденностью выдвигались идеи, воодушевлявшие сибирских экономистов, предпринимателей, депутатов в предвоенные годы:

«Помимо технических мер по благоустройству Северного морского пути необходимы меры поощрения финансового характера, которые привлекли бы на этот путь большое количество мореплавателей и упрочили бы его. Когда, благодаря поощрительным мерам, Северный морской путь займет прочное положение среди мировых морских путей, тогда в льготах надобность минует и их свободно можно будет упразднить». И далее:

«Вопрос вывоза сибирского сырья составляет первую задачу государственно-экономической политики, и поэтому в деле организации Севморпути главная роль должна принадлежать государству. При этих условиях, несомненно, в самое короткое время явятся капиталы, которые не без пользы для себя будут выполнять культурную цель экономического возрождения Сибири».

И капиталы эти действительно не замедлили явиться «в самое короткое время». В том же 1919 году поощрительная тарифная политика Колчака возвращает на Енисей одного из самых энергичных энтузиастов морской сибирской торговли: Йонас Лид приступает в партнерстве с норвежским мультилионером Кристофером Ханневигом к восстановлению прерванных революцией американо-сибирских связей. На Бродвее, в доме № 32, открывается фирма «Лид

Инкорпорейтед», предназначенная специально для ведения торговых операций с Сибирью. В марте 1919 года норвежец прибывает в Омск, где встречается с самим адмиралом и с членами созданного Колчаком Комитета Северного морского пути. Долгая доверительная беседа с Александром Васильевичем, который вручил Лиду ряд рекомендательных писем, оставила у него самые благоприятные впечатления: «...это чрезвычайно одаренный и разносторонний собеседник, на чье слово всегда можно положиться». Одновременно Лид достаточно трезво оценивал текущую сибирскую ситуацию: «Все, что я видел, находилось в запущенном состоянии, товарами распоряжались спекулянты, транспорт бездействовал, города были охвачены страхом. Все свидетельствовало о том, что понадобятся годы, прежде чем Сибирь снова станет страной с нормальной торговлей».

Однако же, Лид не был бы Лидом, если бы и в этом случае не поступил в соответствии с полюбившейся ему русской поговоркой «глаза боятся, а руки делают». Стارаясь как можно скорее вернуть Сибирь к состоянию «страны с нормальной торговлей» Лид вместе со многими своими прежними друзьями и деловыми партнерами, от соплавателя Нансена И.Г. Лорис-Меликова до главного инженера Маклаковского лесозавода Оле Вальстада, приступает к подготовке первых партий пароходных грузов, как экспортных, так и импортных. С находящейся в Ставангере норвежской фирмой «Конкорд» заключается договор о поставке в Усть-Енисейск современного оборудования для консервной фабрики, в Маклаково поступает большой заказ на изготовление шпал, шведский Красный крест делает предложение оплатить эвакуацию по Севморпути находящихся в Сибири чешских воинских соединений и немецких военнопленных. Герасим Иванович Гадалов, уже положивший немало трудов для восстановления своего речного пароходства, гарантирует Лиду своевременную подачу судов в Усть-Енисейск, а Ханневиг сообщает из Нью-Йорка о растущем интересе к торговле с антибольшевистским сибирским правительством — массовое детоубийство в Екатеринбурге надолго, вплоть до самой войны с нацистами, изменило настроения американского общества, поначалу принявшего демократические лозунги Ленина за чистую монету. Но в пестревшей забастовочными лозунгами Европе отношение союзных правительств к Колчаку оставалось по-прежнему сдержанным.

30 мая 1919 года в лондонской «Таймс» появляется краткосрочное сообщение: «Мистер Лид, уполномоченный адмирала Колчака, прибыл в Лондон с тем, чтобы обеспечить отправку Севморпутем 15 пароходов по 3500 тонн с грузами для сибирского населения. Из Нью-Йорка выйдет 5 судов и еще 10 — из британских портов. В обмен Сибирь поставит Англии 45 тысяч тонн ценных грузов, доход от которых составит 13 миллионов фунтов стерлингов. В устье Енисея уже дообрудуется к приходу судов крупный перевалочный порт».

Несомненно, что эту информацию приняли к сведению не только союзники Колчака, но и его злые враги, которые поспешили в полной мере использовать всю агентурную мощь «пролетарской солидарности трудящихся». Уинстон Черчилль ничуть не преувеличивал, когда заметил в беседе с Лидом, что отправка из Англии грузов для Сибири способна мгновенно поставить страну перед угрозой всеобщей стачки. Подобная вынужденная осторожность западных политиков во многом предопределила судьбу сибирского правительства: в ноябре 1919 года его войска оставили Омск, в январе 1920 года вновь перешла к большевикам власть в Красноярске, а еще месяцем позже преданный чехами А. В. Колчак был без суда расстрелян иркутскими чекистами.

Вместо распущенного колчаковского комитета Сибревком тут же учреждает собственный Комсевморпуть, весьма многочисленный по составу, но более не располагавший специалистами калибра Альбанова, Неупокоева или Востротина. В Усть-Енисейск за всю навигацию 1920 года заходят лишь маленькая «Маймакс» да проржавевший за долгие месяцы дрейфа «Соловей Будимирович», оба из состава так называемой «хлебной экспедиции», призванной спасти от голода население Архангельской области. Пришлось его спасать сибирикам (самим впервые тогда познавшим 400-граммовые хлебные пайки) и в следующем 1921 году, когда эти экспедиции были введены в ранг постоянных, получив название Карских. Западные исследователи называют Карские экспедиции двадцатых годов «печально знаменитыми», советские — «героическими». Правы и те и другие, потому что отважные ледовые рейсы слабосильных пароходов с лихтерами на буксире, будучи сплошь и рядом чисто конфискционными, не только не приносили Сибири ни малейшей выгоды, но и лишали ее жителей последних продовольственных запасов. И если кто-то возразит, что безнравственно говорить о выгоде во времена всеобщего голода и жесточайшей бедности правительства, то... То вот какой любопытный эпизод из эпохи «жесточайшей бедности правительства» припоминает, например, Айна Куусинен, жена генерального секретаря Коминтерна, снаряженного в Москве своего тайного курьера: «Куусинен неожиданно извлек из жилетного кармана четыре крупных алмаза и, показав их нам всем, сказал: «Каждый из них стоит сорок тысяч». Сейчас я уже не помню, о какой валюте шла речь. Затем он передал алмазы жене Пеккала и с улыбкой сказал: «Вот вам в дорогу»».

Поскольку теперь мы знаем, что финский большевик Сальме Пеккала направлялся разжигать пожар мировой революции в Лондон, то Куусинен, очевидно, имел в виду фунты стерлингов. Эта трагическая сцена из жизни старых большевиков происходила в том самом 1920 году, когда голодным архангельским морякам с величайшими трудностями удалось доставить своим бедствующим земля-

кам полмиллиона пудов реквизированного сибирского хлеба. Если бы этот хлеб закупить на лондонской зерновой бирже, то его тогдашая цена составила бы 135 тысяч фунтов стерлингов — самую малость больше того, что улыбчивый товарищ Куусинен выделил своему курьеру на заграничную подрывную деятельность. Чтобы покончить с темой нравственности, добавим, что таких курьеров у Коминтерна был не один десяток...

Карская экспедиция 1921 года принесла архангелогородцам еще 400 тысяч пудов зерна из Сибири, но при этом во льдах погибло два парохода с хлебом — «Объ» и «Енисей». В последующие два года ни одно морское судно в Усть-Енисейск вообще не пришло, объем вывозимых остатков льна, мехов и масла сократился до совершенно ничтожных величин, а в Комсевморпути после провальной навигации 1922 года начали все откровенное проявляются «ликвидаторские настроения».

«Относясь строго объективно к вопросу о Карской экспедиции, невольно приходим к заключению, что она коммерчески невыгодна, сопряжена с риском и не вызывается требованиями крайней необходимости. От Карских экспедиций, по крайней мере на ближайшие годы, необходимо отказаться».

Понятное дело, что Сибревком, головой отвечавший перед ЦК за наращивание экспорта, дал «ликвидаторам» из Комсевморпути сокрушительный отпор, и наставил их на путь истинный не кто иной, как сам председатель Западно-Сибирского исполнкома Роберт Индрикович Эйхе. В его пламенной речи на том историческом посленавигационном заседании Сибревкома впервые прозвучало определяющее для всех Карских экспедиций будущего (а заодно и для рождения Игарки) слово — «ЛЕС».

«Основное назначение Северного морского пути — массовый экспорт малотранспортабельных видов сибирской продукции, в первую очередь — леса. Это ставится в задачу ближайших операций. Дороговизна пути в первые годы работы — явление естественное, организационные задачи исправимы, а удешевление перевозок придется вместе с опытом и техникой. О прекращении Карских экспедиций не может быть и речи».

Сказано — сделано. Начиная с 1924 года, когда «Леонид Красин» загрузился в Усть-Енисейск первыми 757 стандартами (стандарт равен 4,6 кубометра) красноярских досок, морские лесовозы потянулись на Енисей за пиломатериалами и круглым лесом. Но хоть товарищ Эйхе и заверил всех, что удешевление придется вместе с опытом, опыт рос, а желанное удешевление все не приходило. Напротив того: вместе с опытом росли и суммы штрафов, выплачиваемых импортерам и судовладельцам за разного рода задержки. Не помогло даже срочное переименование «колчаковского» Усть-Енисейска в революционно краткий Усть-Порт: убытки от этого нимало не сократились.

Виновника всем бедам нашли быстро: конечно же, им оказался буржуазный специалист Вихман, бездарно спроектировавший порт в абсолютно неподходящем месте! Будь инженер поближе, он, вероятно, мог бы сказать, что его проект создавался в расчете на высокую степень механизации и предельную согласованность действий моряков и речников, что для операций с Усть-Енисейском в Америке были мощные специализированные суда, что экспорт круглого леса заказчиком вообще не предусматривался, а уж перегрузка бревен из плотов на открытом всем ветрам внешнем рейде вряд ли могла привидеться Йонасу Лиду даже в самом кошмарном сне. К счастью, А.М. Вихман вот уже несколько лет успешно строил свои новые порты вдали от РСФСР, и поэтому ему не пришлось давать Сибревкому письменных и устных объяснений по поводу собственной бездарности.

Начальник енисейских операций Сибирцев констатировал следующие основные недостатки Усть-Порта: «Хранение грузов непосредственно на берегу невозможно, их нужно поднимать высоко на гору, для чего потребовалась бы дорогая и сложная механизация. В районе Усть-Порта Енисей опасен для обычных речных судов. Местоположение порта требует огромного флота специальной постройки. На последних сотнях километров массовый сплав до порта сопряжен с определенным риском и требует крайне удороажающих работы особо прочных креплений и вязки плотов. Южный Енисей более спокоен и очень глубок, что позволяет значительно более южнее ввод в него судов большой осадки. Проект инж. Вихмана, по которому порт строился, свидетельствует о совершенном незнамстве с вопросом и полном презрении к экономической стороне дела». Вынесенный по результатам эксплуатации Усть-Порта вердикт Комсевморпути был окончательным и обжалованию не подлежал: «Пересмотреть полученную в наследство от капитализма практику работы Карских экспедиций на Енисее».

Выражаясь человеческим языком, это был приказ о строительстве нового порта. Строительстве там, где Енисей не представлялся бы опасности доля низкобортных колесных буксиров, где лесовозы могли бы спокойно отстаиваться в ожиданииечно опаздывающих плотов, а плоты — в ожиданииечно опаздывающих лесовозов. Словом, порт должен был возникнуть где-то намного южнее. Но — где именно?

Съемочно-промерная партия Комсевморпути во главе с инженером Л.И. Смирновым, несомненно, остановила бы свой выбор на достаточно известной гидрографии Ангутихе, если бы в эту же осень 1927 года севернее Ангутихи не работала на пароходе «Тобол» еще и разведка Сибводпути под командой опытнейшего енисейского речника капитана П.Ф. Очеретько. На «Тоболе» уже знали о поисках безопасной гавани для нового порта, но их задание было иным: после недавнего рейса небольшого немецкого судна «Вага», загрузившегося курейским графитом, Сибводпуть решил детально исследовать

фарватер между Дудинкой и Курейкой на случай возможной отправки за графитом более крупных судов. Завершив предписанные «Тоболу» промеры, капитан Очеретько судьбоносным, как теперь принято говорить, утром 20 сентября, вместо того чтобы спешить с докладом в Красноярск, неожиданно остановился у Игарки, куда по окончании гражданской войны их окрестных зимовок и сел вернулось уже около полуторы жителей.

Пригласив на судно несколько старожилов, Петр Филиппович посвятил обстоятельный беседе с ними более часа. После этого «совета ветеранов» капитан объявил экипажу, что их пароходу предстоит внеплановые промеры за Самоедским островом, выбрал якорь и решительно направил свое судно в спокойную широкую протоку у противоположного Игарке правого берега Енисея. Двести лет назад там побывал «Обь-Почтальон» штурмана Минина, в конце прошлого века береговые очертания Игарской протоки уточнил А. Вилькицкий, позднейшие же экспедиции обходили ее зеркальной гладью стороной. Экспедиции — но не капитан «Тобола», случайно открывший это отличное убежище в начале двадцатых годов и с тех пор неоднократно прятавший от енисейских штормов баржи с углем за надежной «спиной» Самоедского острова. Лот неизменно показывал здесь глубины, превышавшие пять саженей, и Петр Филиппович совершенно справедливо рассудил, что теперь для Игарской протоки настало время послужить не только «Тоболу», но и всей Сибири. Двухдневные промеры, выполненные после совета с игарскими стариками, окончательно утвердили капитана в его мнении: если южнее Усть-Енисейска и может возникнуть крупный морской порт, то лучшего места, чем Игарская протока, для него не найти. Вскоре на стол начальника Сибводпути легло подробное донесение с «Тобола», завершившееся фразой: «Берега протоки пригубы настолько, что в некоторых местах возможно вплотную подводить морские суда грузоподъемностью до пяти тысяч тонн».

С этого донесения и началась для протоки совершенно иная жизнь, жизнь, которой будущие «морские ворота Сибири» были обязаны дару предвидения и опыту замечательного енисейского капитана, Петра Филипповича Очеретько. Его донесение с приложенной картой глубин стало причиной многих бессонных ночей — вначале для молодого красноярского представителя Комсевморпути Каминского, а затем для его начальства в Новосибирске. Им предстояло выбрать между «своей» Ангутихой и обнаруженной «чужим» ведомством Игарской протокой. В конце концов здравый смысл возобладал, и Совет труда и обороны, рассмотрев предложения Комсевморпути, принимает 15 июня 1928 года решение начать строительство порта в Игарской протоке. Произведенная в навигацию этого же года опытная загрузка трех морских пароходов круглым лесом с плотов доказала полную правоту капитана Очеретько: более удобной и безопасной

перевалочной базы на Енисее («а может быть, и во всем мире», — добавлял пылкий Каминский) не существовало. После выполненных в 1928 году партией Смирнова дополнительных промеров протоки Новосибирск подводит официальный итог, который местами звучит почти поэтически:

«Игарская протока представляет собой идеальную, прекрасно защищенную от ветров всех румбов спокойную глубоководную гавань. Скорость течения не превышает одного километра в час. Морской корабль большого тоннажа, конечно, под проводкой опытного лоцмана, может свободно подняться до Игарки и войти в протоку через ее северный вход. Природа позаботилась здесь обо всем, что может потребоваться мореплавателю. Удаленность Игарки от устья реки на 725 километров сводит подъем воды при северных ветрах к величине практически малоощущительной и делает безопасным от затопления хранение грузов на берегу протоки в непосредственной близости от уреза воды. Наиболее южная доступная для глубокосидящих морских судов гавань на Енисее — Игарская протока одновременно является наиболее северным пунктом, допускающим достаточно безопасный сплав плотов в речной сплотке».

Последнее обстоятельство побудило новосибирское руководство Комсевморпути к еще одному революционному решению: перенести в Игарскую протоку не только погрузку с севера, но и лесопиление с юга! Усть-портовские штрафы свидетельствовали, что тянувшаяся неделями доставка даже незначительного количества пиломатериалов от красноярских лесозаводов до морских судов почти всегда сопровождалась ухудшением качества товара в результате неоднократных перегрузок, длительности рейсов и частых аварий в низовьях. Перенос лесопиления в новый порт свел бы все перегрузки к одной, наипростнейшей: с берега на пароход. Как полагал Комсевморпуть: «с перенесением производства пиломатериалов из южных районов на Север разрешаются одновременно три задачи:

1. Улучшается качество экспортруемой древесины.
2. Освобождаются для работы на внутренний рынок все заводы юга, расположенные у железной дороги.
3. Стимулируется вовлечение в эксплуатацию новых лесных массивов.

Кроме того, приближение морской погружочной базы к районам происхождения экспорта более чем на 400 километров, в комбинации с возможностью депонирования экспортных грузов на берегу, дает осуществимым двух-трехкратные рейсы речного тоннажа, позволяя наличными силами флота по меньшей мере удвоить вывоз из Центральной Сибири пиленого леса».

В Новосибирске, Красноярске, Канске, Минусинске, Ачинске приступают к набору рабочей силы для строительства порта за Полярным кругом. Специалистов искали через новосибирское управление Комсевморпути, неквалифицированных рабочих вербовали в южных районах Красноярья по оргнабору. Никаких трудностей с комплектованием заполярных бригад у вербовщиков не было, перед конторами Севморпути нередко выстраивались целые очереди желающих «законтрактоваться на Игарскую протоку». Такой энтузиазм показался чрезвычайно странным члену британского парламента Леонарду Мэттерсу, посетившему новый порт на заре его существования: «Беседуя с первостроителями, я убедился, что все они свободные люди и прибыли сюда добровольно, на основе годичных либо двухгодичных контрактов. Принудительный труд имел место только на существовавших сотней миль южнее графитных рудниках. В Игарке его нет. Здесь вспоминают самый тяжелый первый год на диком берегу без разочарования в своем выборе, а иногда даже с непонятным, но, я уверен, совершенно искренним удовольствием. Удивительны люди, способные не замечать окружающих тягот!» Удивления наши первостроители, несомненно, заслуживали, но по несколько иным причинам: Мэттерс видел условия, в которые «удивительные люди» приезжали, но ни разу не задумался над условиями, от которых они уезжали. А между тем условия эти заслуживают самого пристального внимания.

Конец двадцатых годов был отмечен в стране агонией НЭПа и зловещими показательными процессами над инженерами, проектировщиками, конструкторами. Самым знаменитым судилищем такого рода стало Шахтинское дело 1929 года. В центральных и местных газетах слово «специалист» надолго превращается в синоним слова «вредитель», помогая партийным верхам сваливать вину за собственную бездарность на «замаскировавшихся врагов». Начинает собирать свою кровавую жатву всеобъемлющая — от рабочей оппозиции до религиозных кружков — 58-я статья нового уголовного кодекса 1926 года. На состоявшемся в 1927 году пятнадцатом съезде ВКП (б) выдвигается требование перехода к коллективной обработке земли, а когда сибирские власти пытаются смягчить эту политику, то окрик следует незамедлительно. Выступление Сталина во время его инспекционной поездки по Сибири в начале 1929 года напоминает удар хлыста:

«Почему применение 107-й статьи о конфискации зерна у спекулянтов в других областях дало великолепные результаты, сплотило трудовое крестьянство вокруг советской власти и улучшило положение в деревне, а у вас в Сибири оно должно дать якобы плохие результаты и ухудшить положение? Почему, на каком основании?»

А теперь представим себе, что затягиваемому в воронку всей этой бредовой жути нормальному здравомыслящему человеку вдруг предлагаю ехать строить новый лесоэкспортный порт! И не куда-ни-

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

будь, а в далекое заснеженное Заполярье, где наверняка нет ни шизофренических процессов, ни бессмысленных каждодневных собраний, ни страха крестьян перед грозной фигурой фининспектора, ни страха горожан потерять грошовую опостылевшую работу! Где всем придется вкалывать до седьмого и даже десятого пота, но вкалывать на страну, на семью, на себя, а не на семерых бездельников с большой партийной ложкой! Вы бы отказались?

Уместно поэтому предположить, что выбор в пользу Игарки был естественным выбором нормальных здравомыслящих людей. Свободных людей, как отметил Леонард Мэттерс. И вот это-то поистине удивительно — что в Сибири 1929 года нашлось столько нормальных, здравомыслящих и свободных людей, которых затем собрали в одном месте! Из этого феномена обязательно должно было получиться нечто еще более удивительное — их город.

В шесть часов вечера 13 июня 1929 года капитан Михаил Ильич Смирнов привел в Игарскую протоку пароход «Полярный» с караулом барж. На них прибыли из Красноярска первые сотни строителей. Следующим стал 20 июня «Туруханец» с еще пятью баржами и новой партией рабочих. Третим, уже в июле, отдал в протоке якорь «Спартак», а затем пароходы пошли, что называется, косяком, выгружая на берег людей (вместе с сезонниками их набралось к осени свыше полутора тысяч!), продукты, кирпич, слегка закопченные после пожара в Маклаково шведские пилорамы фирмы «Болиндер», ящики со стеклом, гвоздями, инструментом, цемент в мешках, генераторы и — самое главное! — четыре ланкаширских котла для электростанции. Самое главное потому, что строительство началось именно с электростанции: она должна была дать ток на транспортеры, которые подняли бы от берега тяжеловесное лесопильное оборудование. Затем станции предстояло обеспечивать энергией монтаж и эксплуатацию пилорам. Подъем на крутое взгорье агрегатов самой электростанции, естественно, приходилось производить без всякой механизации, испытанным методом «Эй, ухнем!». Никаких кранов и стрел в протоке не было, поэтому одна лишь загрузка котлов на берег с доставившей их «Оби» заняла около месяца. А вот затащить все это громоздкое хозяйство наверх удалось гораздо быстрее — на помощь пришли игарчане, которые, понаблюдав некоторое время за происходящим, переправили на правый берег несколько своих оленей и таким образом обеспечили строительство первым тягловым транспортом. Обычно игарчане не часто жаловали вниманием правый берег из-за водившихся там в изрядном количестве медведей, но на сей раз посчитали за грех не выручить новичков. Самым дорогим гостем стройки стал игарчанин Родион Павлович Удагир, который, словно некий заполярный Фигаро, был буквально вездесущ, выручая своей оленевой упряжкой то бригады, трудившиеся на подъеме котлов, то цепочки тянувшихся вверх «фордовских конвейеров» по

подаче кирпича, а то и кухонную артель: как и положено эвенку, охотником Удагир был отменным, и его ружье вносило желанное разнообразие в нехитрое меню первостроителей.

Не чурались новоприбывших и другие игарчане — Салтыковы, Анциферовы, Токуреевы и многие иные из тогдашних 48 жителей Игарки. Они щедро делились своим опытом выживания на Севере, знанием долганских, ненецких, юрацких обычаяв, секретами енисейской рыбалки, святыми правилами заботы о путнике, для которого в лесных избушках всегда оставлялся съестной припас, горстка драгоценной соли и охапка сухих дров с берестой в печурке, — словом, делились всем тем, что накапливалось в Игарке из поколения в поколение, укрепляя людей в доверии к ближним и дальним соседям. Эта эстафета добра передавалась игарчанам безо всякой торжественности и как бы между делом, но скольким первостроителям спасли жизнь те неторопливые беседы со старожилами у костерка или за ухой! Иван Алексеевич Довыдов настойчиво советовал начальнику стройки Щукину отправить народ на сбор брусники и красной смородины — это в августе-то, в самую горячую для разгрузки пору! Но Николай Иванович Щукин понял всю важность этого совета, людей выделил — и за всю зиму не имел ни единого случая цинги. А семидесятичетырехлетней игарчанке Екатерине Федоровне Анциферовой так полюбились две ее молоденькие тезки-медсестрички, что старушка, посадив на весла внука, не раз с утра перебиралась через Енисей, чтобы порадовать своих «Катенек» собранными ею для аптеки целебными травами, горшочком меда с анциферовской пасеки, рецептами испытанных снадобий от ожогов и обморожений. «Северяне братством живы» — эти часто повторяемые Екатериной Федоровной слова помогали высадившимся на необжитой берег строителям постепенно обретать веру в то, что долгой предстоящей зимой они не останутся один на один с «великим белым безмолвием». Маленькая дружная община старожилов всегда была рядом, вместе с ними, всегда была готова подставить в трудную минуту свое верное плечо. Поэтому среди первостроителей не возникло и тени сомнения относительно названия их будущего города: Игарка, конечно же, Игарка! А переименование изначальной «прародительницы» порта в Старую Игарку было воспринято на левом берегу как законная дань уважения от новорожденного преемника игарских традиций.

Летом 1929 года этому новорожденному приходилось поспевать буквально всюду — корчевать лес, рыть котлованы, возводить цеха и склады, монтировать оборудование, ладить хотя бы временное жилье. В минувшую экспериментальную навигацию Комсевморпуть уже протянул в глубь берега «улицу» (разумеется, имени Сталина) из 26 каркасных баркасов, но предназначались они, за исключением медпункта на Сталина, 4, только для сезонных грузчиков, которых и в новую навигацию набралось полтысячу. Работы в порту было столько,

что к ней то и дело требовалось привлекать бригады со строительства: добрую половину иностранных пароходов и советский «Рабочий» до погрузки приходилось еще и разгружать. Из их трюмов за сезон было переправлено на берег 10 тысяч тонн стройматериалов, инструментов и техники. Круглосуточная обработка судов при незахождении северном солнце увенчалась абсолютным рекордом всех предыдущих енисейских операций — из Игарки ушло 13 морских судов с 30 тысячами кубометров круглого и пиленого леса. За один лишь год объем экспорта из нового порта возрос втрое по сравнению с экспериментальным 1928 годом.

Заслуживает упоминания и еще одно примечательное обстоятельство: несмотря на изрядно удлинившийся путь по реке, все морские суда прошли его в обоих направлениях без единой аварии! А ведь именно непредсказуемый характер енисейского фарватера всего лишь десятилетие назад заставил Йонаса Лида искать для порта максимально приближенное к морю место — вся история здешних плаваний, от погибшей в прошлом веке «Темзы» до «Ваги», с трудом снятой с мели в 1926 году, говорила о том, что гарантит безаварийных рейсов по Енисею не существует. Любые плавания южнее Усть-Порта требовали от считанных речных лоцманов из ряда вон выходящего профессионализма, а от капитанов, соответственно, — из ряда вон выходящих расходов на проводку. Решение о переносе морского порта в глубь материка бросало вызов сложившейся практике уникальных, дорогостоящих и рискованных рейсов с их непомерными страховыми премиями, намного увеличившими стоимость транспортировки. Начиная с 1928 года Комсевморпуть приступает к навигационному оборудованию фарватера для самой длинной в мире лоцманской проводки, мобилизовав весь гидрографический флот, приведенный на Енисей штурманом Неупокоевым, а также часть флота архангельского Убекосевера. За этим традиционно косноязычным сокращением двадцатых годов скрывалось Управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Севере — подвижническая организация, занимавшаяся гидрографическими и лоцмейстерскими работами на всем протяжении Севморпути. Небольшие старенькие пароходы и парусно-моторные шхуны Убекосевера в неслыханно короткий срок сделали на Енисее невозможное: полностью обставили морской путь в Игарку надежным навигационным оборудованием — вехами, буями, бакенами, береговыми створными знаками. Архангельская троица — «Циркуль», «Фарватер» и «Метель» — без устали и без выходных трудилась на реке, обеспечивая лоцвахту у Сопочной Карги своевременными данными обо всех изменениях енисейской обстановки. Вдобавок к своим прямым судовым обязанностям их экипажи каким-то непостижимым образом ухитрялись еще и выручать строителей Игарки с ремонтом и наладкой разного рода механизмов — благодарная память игарчан на протяжении многих

десятилетий хранила имена архангелогородцев Петра Смолина, Петра Гольма, Николая Вспрозванного и других судовых машинистов, чьи золотые руки не раз возвращали к жизни постоянно выходившую из строя «строймеханизацию».

Заметно изменилась в 1929 году обстановка и на самом Севморпути, где проводку судов во льдах впервые стали регулярно обеспечивать линейный ледокол «Красин» (переименованный «Святогор») и выполнявшие ледовую разведку гидросамолеты «Дорные-Валь». Маленький отряд енисейских лоцманов в этот же период пополняется судоводителями из кадрового резерва Архангельского пароходства. За их обучение принимается знаток Енисея лоцман Ефим Карпович Ямщик, водивший здесь суда еще во времена Сибирской компании. Заново оборудованный енисейский фарватер успешно осваивали «новички», располагавшие достаточным опытом плаваний по Белому морю и капризной Северной Двине, — К.Ф. Слюнин, А.Э. Эльзенгер, Ю.К. Алексеев и другие. Плодотворное сотрудничество архангелогородцев и сибиряков немало способствовало скорейшему укреплению доверия иностранных экипажей к безопасности пути в новый порт. Вот какого рода впечатления оставались на лесовозах от первого знакомства с зачинателями доброй славы игарской лоцманской службы:

«Это был чрезвычайно сердечный, симпатичный и компетентный образчик русской нации. Но более всего нашего шкипера ошеломил решительный отказ лоцмана расстить с ним после вахты бутылку старого рома. Выяснилось, что всем спиртным напиткам мира лоцман предпочитает чай. Шкипер едва верил собственным ушам — неспешный большевик не укладывается у него в сознании. Предложенный мной апельсин лоцман с удовольствием понюхал, но резать не стал: «Благодарю вас. Поберегу для жены и сына». Встав с наступлением сумерек на якорь, мы занялись взаимным обучением русскому и английскому, причем шкипер, усердно подливавший лоцману чай (сам он оставался верным роману), казался приятно ошарашенным постоянным лоцманским обращением «Товарищ капитан». Около полуночи «товарищ капитан», пожелав нам спокойной ночи, отправился спать. До этого он проблыкал на мостике вместе с лоцманом почти 17 часов кряду, но в два часа ночи он был разбужен ревом отходного гудка, приведенного в действие бестрепетной лоцманской рукой. Брань «товарища капитана» по поводу разницы цивилизованного времени с большевистским заставила покраснеть даже воду в Енисее (возможно, в этом был повинен и восход), однако лоцман и бровью не шевельнул. Он был так же ясен, сердечен и приветлив, отвечал на взрывы капитанской ярости понимающим «да-да» и готовился вести наш пароход далее в Игарку».

Этот забавный эпизод описан уже известным нам Леонардом Мэттерсоном. Британский парламентарий был не одинок в своем интересе

к феномену возникновения нового порта в сибирском Заполярье. Процитированная ранее фраза Мэттерса «здесь вспоминают первый самый тяжелый год без разочарования в своем выборе» неоднократно подтверждалась другими публикациями в советской и зарубежной прессе, для которой Игарка стала в те годы настоящей Меккой. Вот лишь немногие отрывки из таких свидетельств:

«Я сюда, милый человек, среди первых попал. В конце июня мы пристали. Тольк жуткая, лошадь вязла. Комарье хуже чумы. А все равно работали — как песню пели. Только зимой, как солнце зашло, в тоску впали. Доктор говорит: эта меланхолия у вас! А сейчас — культура вовсю! Поверишь, милый человек, я ведь когда по крестьянству был, никакой обуви кроме лаптей знать не знал. Теперь четыре костюма у меня, шесть сорочек, сапоги, валенки, само собой. Что валенки, патефон есть! Вон стоит. А ботинки? Они же у меня из настоящей кожи! Коле футбольный мяч купили. Галюшка у меня на погрузке, вместе прорва денег выходит, 1100 в месяц. На книжку кладем, будущим летом к землякам съездим». Так рассказывал лондонскому журналисту Питеру Смолке рабочий Захарий Егорович Гошков. Не расходились с ним и воспоминания плотника Ильи Леоновича Шарай, опубликованные журналом «Советская Арктика»:

«Трудно, да зато и весело жилось. Свар и драк не было. Днями работали, а ночи напролет проводили у костров. Кто плясал, кто пел. Не знаю, когда и спали. Такой хмельной подъем владел людьми, будто все время под музыку работали и жили. Партийцев было у нас тогда немного, человек 7-8, но это был крепкий народ, душевые были люди. Лес к концу июня повырубили от протоки до нынешней Рабочей улицы. Лес высился на холме, как потрепанное в боях, но все еще грозное войско. На расчищенной полянке пылали громадные костры и дотлевали последние пни и корни. Тяжелый белый дым стлался по земле пологом. Мы смотрели на дело рук своих и отдыхали. А начальник строительства товарищ Щукин рассказывал, какое большое значение для Крайнего Севера будет иметь Игарка — город с лесопильными и многими другими заводами, больницами, школами, радио, электрическим освещением, с населением во много тысяч человек. До чего же было интересно слышать обо всем этом здесь, среди костров и шалашей. Будто чудесную сказку рассказывал нам товарищ Щукин. Лестно было сознавать, что ты являешься строителем большого города. Все одной мыслью жили — построить завод образцово. И построили. В последних числах октября я уже заканчивал остекление последних рам фонаря».

Немецкого публициста Отто Хеллера, которому посчастливилось добраться до Игарки на одном из морских судов в первый год ее жизни, поразило то обстоятельство, что «здесь каждый рабочий точно знает свои перспективы. Ему досконально известны все цифры. Он имеет представление о всех возможных препятствиях и прекрас-

но осведомлен, как и когда именно эти препятствия будут преодолены». Отметил Хеллер и то, что Игарка 1929 года не знала никаких преступлений, кроме одного, осуждаемого не прокурорами, а самими же первостроителями. Преступление это называлось плохой работой. Продажа спиртного отсутствовала, и никто не ощущал в нем особой потребности. Зато продовольственное снабжение стройки было на высоте — кооперативная торговля старалась ни в чем не уступать частникам, которые и в это последнее лето НЭПа отказывались сдаться на Енисее без боя: наблюдательный Хеллер приметил даже плавучий рестораник, которым владел... перс из Баку. Статьи Хеллера об Игарке пользовались такой популярностью, что на их основе он издал в Берлине книгу «Сибирь, другая Америка», положившую начало международной книжной «Игаркиане». Ни об одном другом советском городе не издавалось (и переиздавалось!) в тридцатых годах столько зарубежных книг, сколько об Игарке. К причинам неожиданно массового паломничества иностранных авторов на берега Енисея мы еще вернемся, пока же стоит отметить, что общим девизом всех этих книг вполне могло бы стать восклицание, которым Отто Хеллер завершил свое восторженное повествование: «Port Igarka wird sein! Kein Zweifel: es wird leben!» Что в переводе означало: «Порт Игарка состоится! Никакого сомнения: он будет жить!»

Последний загруженный лесовоз десятой Карской (и первой Игарской) навигации покинул протоку 26 сентября, а днем позже, при обильном снегопаде, отбыли на «Спартаке» с «Яном Рудзутаком» в Красноярск и сезонные рабочие. В Игарке остались на зимовку только 253 строителя, которым, благодаря солидному летнему заделу, удалось уже в октябре запустить паросиловую электростанцию, а в ноябре и лесозавод, удостоенный почетного номера «Первый». За оставшиеся недели 1929 года Первый лесозавод успел напилить полторы тысячи кубометров лесоэкспорта для будущей навигации, основательно распугав своим выбиравшим низким гудком всю живность в окрестных лесах. Завод был примитивным, не имел отопления, подававшись к двум пилорамам бревна приходилось в жестокий мороз выкалывать прямо из льда на протоке. И все же гордость людей была безмерна.

«Помню, сижу я на крыше завода, — вспоминал Илья Леонович Шарай, — сверху-то вся Игарка передо мной, как на ладони. Сижу и дивлюсь сам себе, сколько же мы понастроили за четыре месяца. Приехали в лес, а теперь здесь хоть и плохонькие, но все же улицы, дороги; на месте прежних шалашей, в которых кочевали летом, — жилые дома, да и сам вот на готовом заводе сижу. Чем нас только не пугали, когда мы ехали из Красноярска! И цинга-то, мол, вас сожрет, и морозы подушат. Всю длинную полярную ночь, в пургу, в пятидесятиградусные морозы, продолжали мы метр за метром отрывывать у лесотундры землю для стройки новых лесозаводов, строй-

ли дома, выкалывали замерзший в протоке лес. А в начале 1930 года ко всему этому организовали курсы по ликвидации безграмотности. Когда же, спрашивается, тут было болеть и мерзнуть? Учились мы в холодном срубе, урывками, в свободное от работы время. Учитель наш, счетный работник товарищ Кретер, относился к своему делу с энтузиазмом, и к маю многие из нас выучились читать, писать, познакомились с арифметикой. А первого мая мы порадовали зимовщиков спектаклем. Ставили своими силами пьесу «Доктор Домбровский». 52 года прожил я на свете, и нигде мне не хотелось так жить, как теперь в Игарке!»

К началу навигации 1930 года игарчане напилили почти 10 тысяч кубометров, выкатав из протоки весь запас леса до последнего бревенышка. Такая «прожорливость» новорожденного предприятия одновременно радовала и тревожила красноярское лесоэкспортное управление Комсевморпути: ведь в ближайшие годы предстояло наращивать заполярные производственные мощности, а при существующих скромных масштабах лесозаготовок появление даже одного игарского завода сразу ставило его под дамоклов меч постоянного сырьевого голода. Расширению же этих масштабов препятствовали как недостаток бухсирующего флота, так и низкие заработки лесозаготовителей, скорее отпугивавшие, чем привлекавшие людей к тяжелой работе на лесоповале.

Что касается до лесозаготовок, то в ОГПУ встревоженных экспертов обнаружили: леса будет столько, сколько нужно. Слов на ветер чекисты не бросали: еще 26 марта 1928 года Совнарком принял постановление «считать в дальнейшем необходимым расширение емкости трудовых колоний», поставив в них принудительные работы таким образом, чтобы они были выгодны государству (то есть, чтобы об оплате труда заключенных не могло бы идти и речи). На практике это социалистическое новшество начало широко применяться именно с 1930 года, так что чекисты были твердо уверены — их лесоповал обеспечит бревнами хоть десять Игарок, сколько бы заводов там ни строили. Проблема сырья, таким образом, могла считаться практически решенной — известной истине «Не было бы счастья, да несчастье помогло» еще не раз предстояло выручать Игарку.

А вот сплавной тупик разрешился благодаря счастью. Самому настоящему: совпавшему по времени с рождением Игарки появление во главе Комсевморпути человека талантливого, смелого и целеустремленного иначе, как самым настоящим счастьем, не назовешь. Переведенный на эту работу весной 1929 года из торгпредства в Афганистане, Б.В. Лавров был как раз таким человеком. Во многом он напоминал Йонаса Лида — своим умением видеть вещи во взаимосвязи, вниманием к мелочам, способностью в любом деле определять главное направление его развития. Как и Лид, он прекрасно разбирался в людях, всегда умел находить с ними общий язык, был

готов понять чужую ошибку или минутную слабость, но не выносил болтовни, подлости и воинствующей бездарности. И наконец, он был блестящим организатором с чрезвычайно высокой и разносторонней эрудицией. Можно сказать, что в лице Бориса Васильевича Лаврова судьба предоставляла сибирякам второй шанс «открыть Сибирь для мира и мир для Сибири». Лично знавший Лаврова журналист Савва Морозов оставил потомкам следующий его портрет:

«Было в этом человеке что-то от землепроходцев — Ермака, Дежнева, Хабарова... Не во внешнем облике — в сущности. Конечно, не было ни дремучей бороды, ни одежды из звериных шкур, ни высоченных сапог. Гладко выбритый, в легком пиджаке и рубахе с открытым воротом, с непрестанно дымившей трубкой в углу рта, он производил впечатление типичного горожанина, делового человека, даже сухаря. Поморы, сибиряки поверили в него, — да и как было не поверить, если с плотами ангарского леса через бурные пороги он, председатель Комсевморпути, шел, как рядовой сплавщик, первым появлялся на скользких от ранних заморозков еще недостроенных причалах Игарки, на летающей лодке «Дорные-Валь», служившей ему штаб-квартирой, поспевал всюду. И везде появлялись у него друзья.

Всей своей кряжистой фигурой, резкими чертами обветвленного, иссеченного морщинами лица, зорким прищуром темных, близко посаженных глаз Лавров органически вписывался в полярный пейзаж. Свой человек в Арктике, ничего не скажешь!»

Родившийся на Волге Лавров сплавное дело знал, наблюдая за ним с детства. Он понимал, что маломощному бусирному флоту Енисея с обеспечением Игарки сырьем не справиться, и принял дерзкое решение: перейти на самосплав крупных маточных плотов волжского типа. На Вятке им персонально отбираются для Ангары и Енисея наиболее квалифицированные сплавщики, прорабы и десятники, там же закупается совершенно отсутствовавший в Сибири та-калах — плотовые якоря, цепи канаты и скрепы. Вятчанам предстояло проводить трехрядные плоты по 3-5 тысяч кубометров леса в каждом, через грозный Осиновский порог на Енисее — это не говоря о предварительном сплаве по притокам, где опасностей тоже хватало: на одной лишь Ангаре насчитывалось 15 порогов! Никакой связи между участками сплава не существовало, фарватер сибирских рек был вятычам, естественно, незнаком, к тому же весенние дни изобиливали драматическими сообщениями с исходных точек сплава:

«Река Кокуй: ледоходом выбросило на берег две матки и два середыша, производится перегрузка».

«На реке Муре подъемом воды сорвало гавань, унесло до 2500 бревен, из них 500 поймано, остальное разнесло по берегам».

«Река Каменка: унесло девять «глухарей», из них три поймано на Ангаре, три на Енисее, остальные неизвестно».

«Река Подкаменная Тунгуска: ледоходом разбило часть зимовавшего плота, 48 челеньев оторвало от плота и растаскало по берегу. Пятнадцать челеньев унесло, пять из них пойманы в Ново-Туруханске».

Ценой колоссальных усилий разбитые плоты собирали вновь, и один за другим выходили на енисейский простор, предстояла наиболее сложная задача: спустить самосплавом через узкий извилистый ход Осиновского порога. Первые три партии леса доставили по прошлогоднему методу — расчаленными, на буксире у пароходов. Находившиеся на пароходах вятычи-лоцмани, промеряли реку, знакомились с фарватером, изучали пороги и характер течений. Буксировка этих трех плотов в Игарку оказалась полезной не только в плане приобретения сплавщиками енисейского опыта. Она подтвердила, что даже при полной мобилизации красноярского баксирного флота он способен доставить в Заполярье не более 20 плотов за навигацию. Остальная часть леса для Игарки (около 30 плотов) не успеет попасть туда до ледостава, вмерзнет в лед и неминуемо погибнет при вскрытии реки. Теперь жизнь или смерть Игарки зависели от искусства и удачи вятских сплавщиков. Лето 1930 года подтвердило, что в своем безграничном к ним доверии Лавров не ошибся.

Всего за навигацию предстояло провести 49 плотов, по величине ранее на Енисее невиданных. До порогов на первом плоту, помогая вятычам, шел практически весь руководящий состав Комсевморпути во главе с самим Лавровым — такого на Енисее опять-таки никогда доселе не было. Перед порогами на плоту остался только рабочий состав, руководимый начальником лесоуправления Комсевморпути Ф.П. Тetenъкиным (позднее был назначен Лавровым первым управляющим сибирским отделением «Экспортлеса»). Остальные, затаив дыхание, следили с берега за разыгрывающейся на их глазах драмой первый плот разбил, до нитки вымокшие люди с трудом выбрались на борт спасательного катера. Плот, пошедший на следующий день с теми же сплавщиками и неустранимым Федором Петровичем на головной сплотке, жестоко пострадал, но пороги преодолел. Третий прошел стремнину без повреждений, из четвертого выбило лишь несколько бревен, пятый был сплавлен благополучно — точно так же, как и оставшиеся сорок четыре. Два первых аварийных плота собрали ниже порогов и тоже отправили к месту назначения. Всего за навигацию 1930 года из 264 тысяч кубометров отправленного сырья достигла цели 245 тысяч. В последующие несколько лет самосплав стал на Енисее привычным явлением — до тех пор, пока в июне 1934 года Осиновский порог не был взорван и по спокойной ени-

сейской глади не отправился вниз первый гигантский плот в 35 тысяч кубометров леса. Игарчане могли вздохнуть с облегчением.

В самой Игарке тем временем происходили не менее волнующие события: город «поплыл». Начало злоключениям положил высокий (порядка 18 метров) уровень разлива, который за считанные дни смыв в реку почти все прибрежные склады. Всеобщий круглосуточный аврал помог спасти их содержимое, но большую часть построек пришлось возводить заново, уже на более высоком месте. Половодье 1930 года оказалось достаточно жестким уроком на будущее, но «распоясавшаяся» с наступлением жарких дней вечная мерзлота преподнесла игарчанам и вовсе неприятные сюрпризы.

То, что земля в Игарке «устроена не по-материковски», перво строители отметили уже в первые месяцы пребывания в Заполярье: «Задумали устроить ледник для скропортающихся продуктов возле первого магазина на улице Сталина. Начали копать котлован. Взяли два метра земли, а под ней лед в метр толщины. Да крепкий! Удалиша кайлом — дым идет. Подо льдом оказался мерзлый песок. Пришло сруб ставить. Еще хуже пришлось при копке котлована для силовой станции. Здесь сверху была земля, под ней лед, а дальше плывун. И уже не лопатами, а черпаками пришлось вычерпывать его. Только на восьмом метре дошли до твердого грунта. Следы наших первых неумелых схваток с вечной мерзлотой остались в Игарке надолго. Это перекошенные и осевшие здания — общежитие на углу Сталина и Портовой, контора лесокомбината и другие». К счастью, площадка под строительство Первого завода была выбрана удачно, на идеально твердом грунте, но непредсказуемые «фокусы» вечной мерзлоты то и дело давали о себе знать даже полвека спустя, когда созданная (в том же 1930 году) в Игарке научно-исследовательская мерзлотная станция уже разработала для Севера вполне надежные методы свайного строительства.

Ни наводнение, ни капризы вечной мерзлоты не заставили игарчан снизить темпы строительства. «Работали — как песню пели» — это распространное чувство первостроителей быстро передалось и тем полутора тысячам специалистов и рабочих, что пополнили летом население Игарки. За 1930 год ими были возведены еще два лесозавода. Четыре новейших пилорамы большого Второго завода, оборудованного бассейном и спортплощадкой, вышли на проектную мощность спустя год, когда была введена в строй дополнительная паросиловая станция, а двухрамный Третий завод отгрузил свою первую экспортную продукцию уже в навигацию 1930 года. Первый же завод успел в ту навигацию поработать и на заграницу, и на свой собственный город, напилив для строителей свыше 2 тысяч кубометров высококачественных пиломатериалов. Спрос на них был велик: Игарка строилась. До ледостава были открыты первые ясли, рабочий клуб, метеостанция, конный двор, радиоузел и даже начавшая пе-

чаться раз в пятидневку газета «Северная стройка» с тиражом в 700 экземпляров. У не был самый молодой редактор в Сибири — двадцатилетний Миша Вигалок, который, по выражению «откопавшего» его Лаврова, не боялся ни черта, ни дьявола, ни даже парткомиссии. Его газетой зачитывались не только игарчане, но и иностранные моряки, для которых все знатный Миша во время навигации печатал специальные страницы на немецком и английском языке — такой газеты, как в Игарке, не было даже в Москве!

Лаврова, неделями не покидавшего новый порт, радовало там все, кроме одного: жилья. Рабочий поселок приводил председателя Комсевморпути в самое настоящее бешенство. Разбросанные как попало среди прогалин и невыкорчеванных пней покосившиеся, тонущие в болотной грязи бараки выглядели так, словно их строили специально для контраста к аккуратным производственным корпушам, мастерским и хозяйственным помещениям. Даже конный двор и тот смотрелся по сравнению с жилыми зданиями княжеским теремом. И когда ведавший рабочим строительством инженер Никольский принимался объяснять, что все это времянки, а настоящее жилье появится позже, «когда город окрепнет», Лавров жестко отвечал: «Раз люди не живут по-человечески, крепнуть тут будет нечему. Учтите: без нормального жилья завод у вас не примет». И не принял — пока на спланированных «по ниточки» Трудовой, Рабочей и Экспортной улицах не вытянулись аккуратные линии утепленных обшитых рабочего поселка. Правда, при виде отsekов с двухъярусными нарами Лавров оторопел и заявил директору лесокомбината Стерэ, что «у вашего Никольского о жилье, очевидно, сугубо лагерное представление», но делать было нечего — в новые бараки уже вселились десятки людей. Тем не менее Борис Васильевич прилюдно поклялся, что любителей казенщины вернет на материк, где уже в скромном времени станут завидовать квартирам игарского рабочего люда. Слово свое он сдержал — хотя избавиться от Никольского и ему подобных временников оказалось куда труднее, чем возвести первые рабочие квартиры, об уюте которых действительно стали писать не только на нашем, но даже и на американском материке.

— У нас люди не привередливые, — выкладывал Лавров свое житейское кредо Питеру Смолке, — но это вовсе не значит, что их можно путать со скотом. Дайте им на деле понять, что вы цените их труд, что их зарплата для вас так же важна, как ваша собственная, что трудности не вечны и каждый новый год у них обязательно будет пусть немного, но лучше предыдущего, — да они горы свернут!

Краснобайством Борис Васильевич никогда не грешил: слава о «крепких заработках на Игарке» вскоре пошла по всей Сибири, внезапно обернувшись для отчаянно нуждавшегося в специалистах города проблемой... безработицы. В надежде на легкие большие деньги к игарским берегам подалась масса случайных людей, а то и просто

откровенных проходимцев. У контор лесокомбината, порта, СевЕнстрой по утрам толпились десятки новоприбывших, важно представлявшихся «агентами», «заготовителями», «ответработниками» и наотрез отказывавшихся от каких бы то ни было должностей, кроме руководящих. Но легких денег Игарка не знала, и, в соответствии с краткой табличкой на двери капитана порта Пестова «Лодырей — вон!», каждую осень последние красноярские пароходы увозили очередную партию недовольных, на все лады проклинающих Игарку «ответработников». Да, здесь можно было заработать совершенно фантастические для материка суммы: до трехсот-пятисот рублей в месяц, а на погрузке даже и больше, — но заработать, и заработки были тем выше, чем тяжелее был труд. Много и честно трудившиеся игарчане, не испытывая нехватки денег, встретились здесь с иной проблемой: из-за скучности завозимых товаров деньги эти было практически не на что тратить. Упомянутый Хеллером «перс из Баку» и прочие энтузиасты заполярной честной торговли ушли в прошлое вместе с эпохой НЭПа, государственные же снабженцы забивали трюмы идущих на Игарку барж прежде всего стройматериалами, а уж потом, если оставалось место, — «товарами народного потребления», причем баржи с ними отправлялись, как правило, в последнюю очередь, замерзая при ледоставе у Туруханска или Горошихи и требуя неимоверных усилий по последующему их спасению. Поэтому в воспоминаниях получавших вполне приличные зарплаты ветеранов игарского лесопиления нередко встречаются фразы наподобие «За хорошую работу жену премировали парой теплых галош», или «К Новому году нашей бригаде выдали шерстяные отрезы» — такие события не забывались даже полвека спустя!

Считая нищету игарских прилавков позором, Лавров намечал примерно тот же путь исправления этой ситуации, что и Йонас Лид: завозить качественные товары для сибиряков морским путем с попутными судами. У этой идеи было множество сторонников в Игарке, но еще больше противников в Красноярске и Новосибирске, где полагали, что привычные схемы снабжения менять решительно ни к чему, а премирование теплыми галошами должно и впредь оставаться пределом мечтаний заполярного труженика. Упорное сопротивление чиновников множества полусамостоятельных ведомств Комсевморпути любым идеям, выходящим за рамки столичных широкуляров, Лавров встречал не только по «торговому вопросу»: столь же недоуменные взгляды вызывали и его предложения обеспечивать Игарку собственными сельскохозяйственными продуктами или разводить в Заполярье свою научно-исследовательскую базу, а уж одобренное Лавровым ходатайство женсовета Игарки о кредитах на приобретение скота для будущих индивидуальных хозяйств было и подавно воспринято как «попустительство отсталым настроениям». Равнодущие и косность бюрократии, прочно окопавшейся в сотнях

начальственных кабинетов, все более становились для Игарки камнем на шею — дальнейшее развитие самого необычного порта мира постоянно требовало неординарных же решений, на которые Комсевморпуть с его громоздкой многоступенчатой структурой был явно не способен. Изменить жизнь Севера к лучшему можно было, только изменив сам Комсевморпуть — и Лавров, опираясь на единомышленников в морских, научных и внешнеторговых учреждениях, приступает к упорной работе над реорганизацией Комсевморпути как над главнейшей «задачей текущего момента».

Начала этой реорганизации Игарка ждет с надеждой и оптимизмом: Стерз, готовясь к приемке грузов с морских судов, даже переключает две бригады лесокомбинатовских строителей на сооружение просторных, хорошо утепленных складов, где уже вскоре предполагается размещение грузов не только из Красноярска, но и из далекой Англии. Закупку партии консервированных соков и высококалорийных продуктов для заполярных строителей берет на себя старый друг Лаврова — советский торгренд в Англии Орловский, который собирается лично доставить этот груз в Игарку на первом же пароходе 1931 года.

«Рованбэрн» с Орловским на борту отдал якорь на внешнем рейде Игарки 8 августа, день в день согласно намеченному сроку прибытия, но далее события разворачиваются совсем не так, как планировали Лавров и Стерз. Вместо закупленных для Игарки овощей и продовольствия красноярские баржи начинают принимать в свои трюмы совсем иной груз. Он доставлялся на Север вне всякой очереди, ибо шел по разнарядкам ОГПУ, свежим же овощам и продовольствию пришлось дожидаться освобождения речного тоннажа до глубокой осени, когда на Енисее уже начинался ледостав. В Игарку значительная часть этих необходимейших для спасения от цинги продуктов так и не попала, вмерзнув в лед за Вороговым. Погибла под открытым небом и немалая доля того, что Лавров с Орловским сумели в порядке внеплановых закупок срочно доставить по Севморпути из Англии и Мурманска на пароходе «Ванцетти»: обстоятельства заставили игарчан использовать заблаговременно подготовленное овощехранилище в качестве... общежития. Все это явилось следствием обрушившегося на город в ту навигацию страшного удара — удара, какого не наносили ему ни пятидесятагодичные морозы его первой зимы, ни оползни и наводнения следующего лета. Удар этот ничего общего с северной природой не имел и назывался раскулачиванием.

За неделю до начала навигации 1931 года в Красноярск пришло из Москвы секретное постановление, в безоговорочном порядке обязывавшее тамошние власти перевезти в Игарку до сентября две тысячи семей раскулаченных спецпоселенцев. Тем самым население города удваивалось, но — без выделения каких бы то ни было дополнительных средств на обеспечение новоприбывших жильем и питанием. Бол-

лее того: эти новоприбывшие заранее обрекались на роль балласта, не способного принести игарчанам ни малейшей пользы. В принципе, каждая лишняя пара трудовых рук (особенно в период навигации) ценилась в Игарке если не на вес золота, то уж во всяком случае, на вес отгруженного этими руками лесоэкспорта, но как раз на работе с экспортом ссыльных крестьян категорически запрещалось использовать специальной инструкцией ОГПУ. Дело в том, что после побега морем нескольких заключенных Соловецких лесозаготовок из Кеми (один бежал на иностранном лесовозе) английский парламент, ознакомившись с их показаниями, не рекомендовал импортерам приобретать советский лес, отгружаемый либо производимый при помощи принудительного труда. ОГПУ отреагировало, как теперь модно выражаться, адекватно, надежно изолировав своих подопечных как от чужих наблюдателей, так и от соблазна новых побегов. Но даже если бы и не было той «лесоэкспортной инструкции», Игарка, находясь в системе Комсевморпути, все равно не имела права занять раскулаченных на любой, даже самой далекой от экспортной работе. Потому что на этот счет в мае 1931 года было издано решение комиссии ЦК ВКП (б) «передать целиком в ОГПУ хозяйственное, административное и организационное управление по переселенцам». Проще говоря, переселенцев предписывалось направлять прямо в концлагерь. Которых в Игорке не строили и строить не собирались. Таким образом, выходило, что знаменитый вопрос «Куда крестьянину податься?» на заполярных берегах звучал несколько абстрактно: податься ему здесь было решительно некуда.

Впрочем, вполне определенный ответ на этот вопрос имелся у только что отпраздновавшего свое пятидесятилетие товарища Сталина: «Наступать на кулачество — это значит ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением». Слово вождя, как известно, было непреложным законом для всей страны. Теперь городам страны предстояло этот закон исполнить. Что они и сделали. Все, кроме одного.

Игарка оказалась абсолютно уникальной и в этой жесткой «пропверке на прочность». Начиная хотя бы с того, что ни в каких других городах чекисты не оставили собственноручных письменных мемуаров о своих действиях в пору ликвидации кулачества как класса. А в Игарке такие мемуары есть! И написал их сам тогдашний уполномоченный Игарского ОГПУ по Карским операциям (впоследствии — полковник госбезопасности в отставке) М.Н. Шорохов. В игарской городской газете они были опубликованы летом 1989 года. Но, поскольку истина познается в сравнениях, прежде чем цитировать Михаила Николаевича, мне хотелось бы привести одно из многих хранящихся в Государственном архиве писем ко «всесоюзному старосте» Калинину:

«Прошение переселенцев города Котласа. Мы просим вас разобрать наши дела, за какую беду нас здесь мучат и издеваются над нами? За то, что мы хлеба много засевали и государству пользу приносили, а теперь негодны стали. Если мы негодны, то, пожалуйста, просим вас выслать нас за границы, чем здесь нам грозят голодом и каждый день револьвер к груди приставят и расстрелять грозят. Одну женщину закололи штыком и двух мужчин расстреляли, а тысячу шестьсот в землю зарыли за какие-нибудь полтора месяца. Нет ничего: ни дров для бараков, ни кипятку, ни приварки, ни бани для чистоты, а только дают по 300 грамм хлеба, да и все. Народ мрет, оттаскиваем по 30 гробов в день, так мучатся безвинных людей». Отдав должное котласским чекистам, свято выполнившим волю вождя, посмотрим теперь, что говорит М.Н. Шорохов об игарской обстановке.

«Пошли мы с Лавровым и Никольским выбирать участки для двух «спецпоселков». Один выбрали за Медвежьим логом, другой — по другую сторону от центра Игарки. Выделили рабочих. За неделю расчистили участки от кустарника и мелкого леса, подвезли бревна, выкопали ямы и уложили венцы под строительство бараков, начали возить брусья.

Вскоре в Игарку начали прибывать на пароходах и баржах спецпоселенцы. Встречали мы их с Никольским и председателем рабочего комитета Березиным. Объяснили, что зима на пороге, приступайте к строительству жилья на подготовленных участках. Поживите пока неделю на баржах.

Работа закипела в две смены. Через неделю возвели два барака за Медвежьим логом и один возле строящейся радиостанции Наркомата связи. Строители разместились в бараках, а семьи, имеющие малолетних детей, поселили в здании кинотеатра, где скамейки для зрителей превратились в кровати. Сооружали по две бани на каждый «спецпоселок», мужскую и женскую, дома для медпункта и медперсонала, пекарню и при ней хлебный магазин. Вот таким жильем обеспечили всех прибывших. Дети ходили в школу на центральном поселке.

Постепенно спецпоселенцы осваивались, приводили в порядок бараки, которые летом 1932 года начали давать осадку. Лесозаводы работали зимой в две смены, летом в три. На всех участках вербованные рабочие и спецпоселенцы трудились слаженно, дружно, без прогулов. Не было разделения как в труде, так и в зарплате. Заработки были хорошие. Не случайно к спецпоселенцам приезжали родственники и оставались на постоянную работу. Лавров следил за работой игарчан. Никольский постоянно докладывал ему по радиостанции Комсевморпути, а потом направлял подробные отчеты».

Согласитесь, что по сравнению с Котласом и другими такими же «городами уничтожения» положение раскулаченных в Игарке выглядит, мягко говоря, нетипичным. Но, возможно, память подвела пол-

ковника Шорохова, и он вспомнил не совсем то, что было в действительности? Или даже — совсем не то?

Первым откликом на публикацию мемуаров М.Н. Шорохова стала помещенная городской газетой заметка Г. Демьяненко: «Давайте не искажать факты. Старые люди все помнят. Как отмечалось в комендатуре, как высчитывали, вплоть до 1954 года, деньги из заработка платы. Моя мать, Ульяна Степановна Демьяненко, приехав в 1932 году к сосланным родителям, вынуждена была стать бесправной за то, что хотела жить под одной крышей с родителями. Свободному человеку запрещалось жить с бесправным. Неужели до наших дней не дошла песня, сложенная ссылыми:

В тридцать первом году все случилось,
нас сослали с родной стороны.

Плыли мы по реке Енисею, незнакомые были места,
вот виднеется город Игарка, где навеки сослали меня...»

Это мнение разделил в интервью игарской журналистке Тамаре Годдиной и Виктор Петрович Астафьев, знавший быт игарских спецпоселенцев отнюдь не понаслышке: «Первые зимы были страшные. Огепеушник пишет, что брусы подготовили, настроили все, приезжайте, спецпереселенцы дорогие. Неправда это. Наших, допустим, поселили под Медвежьим логом, кирпичный завод там был. В сущийных цехах зимовали они первые зимы, там и поумирали в большинстве своем, померзли. Где-то, чуть повыше, и кладбище первое было. Там уж ничего не найдешь, ни крестов, ни могил...»

Располагаем мы и достоверным свидетельством с «вольной стороны»: воспоминаниями почетной полярницы Агнии Алексеевны Краснопевковой, которая прибыла на работу в Игарку как раз в ту «раскулаченную навигацию» 1931 года:

«Войдя в Игарскую протоку, пароход стал давать долгие гудки, возвращающие подход к берегу. Я очень испугалась, подумав, что это уже место, куда мы едем. Но оказалось, что место зовется Медвежий лог. Комаров и мошки было такое множество, что солнца не было видно, хотя день стоял безоблачный. И вдруг пароход, пристав к берегу, стал спускать трапы, а из открытых люков стали выводить женщин с детьми на руках и трясущихся стариков. Этот их плач и стон до сих пор у меня в ушах. Это был такой страх, который прошел со мной всю мою жизнь, а мне ведь тогда фактически и 17 лет не было. Начальником строительства в Севморпути был Николай Петрович Прокофьев, и мы с ним потом часто ходили в Медвежий лог, чтобы привлечь их к работе. Они сами строили себе жилье, умирая с голода и от цинги. Мы с Николаем Петровичем помогали им, чем могли».

Агния Алексеевне можно верить: живущая ныне в Москве самая юная в истории Игарского горисполкома «завкадрами и управдела-

ми сразу» оставила по себе в заполярном порту долгую и хорошую память кристально честного человека, ни разу не солгавшего и ни разу не отказавшего людям в помощи. «Наша Ага» звали ее в Игарке, и даже много лет спустя одно лишь упоминание ее имени сразу вызывало на лицах старожилов добрую улыбку.

В снятом осенью 1988 года свердловскими документалистами фильм «И прошлое кажется сном» одна преклонных лет бывшая спецпоселенка вспоминала: «Приехали в Игарку — у нас ничего не было. Бани полгода нет, болел народ. Помирало много. Пойдешь ночью до туалету из землянки, за покойника подцепишился и перейдешь его. Отец у меня там помер, брат, племянника два и племянница. Дочка была и тоже там померла у меня... Комендантские высчитывали: если сотню заработкаешь — двадцать пять им отдаешь. Нам по десять метров давали — снег соскести и лед долбить. Задание... Чижало жили».

Что же было потом? Повинился полковник Шорохов перед лицом всех этих свидетельских показаний во лжи, путано оправдывался или трусливо молчал? Ничуть не бывало! Ознакомившись с мнением оппонентов, он прислал в Игарку из своего Иркутска статью, которую озаглавил просто: «Писал, что видел».

«За чужие грехи держать ответ не могу. Я в своих воспоминаниях хотел подчеркнуть, какими заботливыми были Борис Васильевич Лавров и торгрепд СССР в Англии Орловский, который с первым пароходом доставил в Игарку соки, сгущенное молоко, шоколад для рабочих. И больные цингой действительно получали это без различия, спецпоселенец ты или вербованный рабочий.

Летом 1932 и 1933 года я рисковал и отпускал на время к родственникам в деревни красноярских спецпоселенцев. Надо сказать, никто из отпущеных не подводил. Ни одного ареста спецпоселенца при мне не было. Мне оправдываться не в чем, написал все, как было, что видел сам».

По-моему, вышеприведенные свидетельства не столько опровергают друг друга, сколько дополняют. М.Н. Шорохов нигде не пишет, что именно делалось в весьма ограниченных условиях заполярной стройки, чтобы смертей этих было как можно меньше. А его оппоненты нигде не настаивают, что в Игарке велось целенаправленное уничтожение крестьян, наподобие котласского, подтверждая, что спецпоселенцев брали здесь на работу (конечно, кроме погрузки), платили им деньги и уж, во всяком случае, никто не закальвал здесь штыками женщин и не расстреливал сосланных мужчин. Правдивы упоминания о высокой смертности от цинги, которая действительно свирепствовала в Игарке на протяжении трех зим (904 случая в 1931 г., 1805 в 1932 г. и 3555 в самом страшном 1933 г.), но косила она в оставшемся на скучном витаминном пайке городе всех подряд, и чаще всего людей пассивных, с малоподвижным образом занятий. Если уровень смертности среди больных спецпоселенцев был напо-

ловину выше, чем среди «свободных цинготников», то причины тому следует искать вне Игарки. Сотни ссыльных, продолжавших прибывать в эти годы в Заполярье, попадали сюда уже ослабленными и изнуренными после многомесячных скитаний по тюрьмам, пересылкам и сборным пунктам. У многих в результате обрушившейся на них чудовищной несправедливости пропадала всякая воля к жизни. Другие избирали категорический отказ от любой работы на власть в качестве единственно доступной им формы протesta. Но цинги не признавала политики, считая «своим» всякого сутками лежащего на нарах. Наконец, немало ссыльных предпочитало селиться вне тесноты набитых бараков, обзаводясь хоть каким-то подобием собственного жилья — землянками, хибарами из обломков досок, шаткими пристройками к подсобным цехам. Зимой в этих просвистывающих вы沟ой, плохо отапливаемых «хуторах» умирали целыми семьями...

И все же большинство сосланных в Игарку — выжило. Ни гибель близких, ни муки цинги, ни тяжкий труд на выколке леса из льда не смогли вернуть им звания полноправных граждан рабоче-крестьянского государства, но зато — и это было главным — они стали полноправными игарчанами. Поэтому на лесокомбинатовском собрании спецпоселенческой молодежи монтер третьего завода Коля Шламов ничуть не стеснялся корреспондента городской газеты, говоря: «В тридцать первом нас раскулачили и выслали. Это вызвало во мне ненависть к советской власти. Сейчас — другое дело! В Игарке работаю как все, живу не хуже других, учусь в 9 классе».

Сосланный одновременно с Колей Михаил Козулин за три года в Игарке сделал еще более головокружительную «карьеру»: «Сначала поступил на СевЕнстрой, затем перешел на слесарную работу. Было у меня еще в детстве пристрастие к машинам, а в Игарке осуществилось. В 32-м году пошел на курсы судовых механиков, а после курсов поступил сюда на паросиловую помощником машиниста. Сейчас сдал техминимум на машиниста с отметкой «хорошо», стал работать машинистом».

В любом другом городе самая мысль о том, что раскулаченный спецпоселенец способен без всякой опаски давать интервью иностранному журналисту, показалась бы дикой, из Игарки же вышли в тридцатых годах десятки таких интервью, печатавшихся в европейских и американских газетах! Вот, например, какими мыслями совершенно открыто делился с Питером Смолкой спецпоселенец Григорий Анатольевич Стреляков: «Что я насчет возвращения думаю? А ничего не лумаю. Даже если разрешат, не поеду. В Игарке сейчас лучше. Я вон паспорт получил, на собрании если что не помоему — спорю, и слушают меня. И здесь я зла ни на кого не держу. А вернулся бы, да увидел, как всякая пьянь мое потом нажитое хозяйство по миру пускает, — наверное, не сдержался бы... Так что, уж лучше здесь, в Игарке».

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

Нет, приказ Иосифа Виссарионовича игарчанами выполнен не был, причем почти демонстративно: вместо того чтобы всем до одного вымереть в поселках для отверженных, ссыльных крестьяне стали деятельными участниками игарской жизни, работали бок о бок с «гражданами первого сорта», вместе играли в клубных спектаклях, не таясь, давали в Игарке интервью иностранным и городским журналистам (пугливые москвичи шарахались от раскулаченных как от чумы), фамилии ссыльных красовались на цеховых досках почета, а дети их мало того, что учились в одних школах с «вольными», так еще и стали соавторами прогремевшей на весь мир ребячей книжки «Мы из Игарки! Уникальность происходившего в новорожденном заполярном порту отражена и Виктором Петровичем Астафьевым в лучшей книге изо всех, когда-либо написанных об Игарке, — в «Краже»:

«Так и не отнимая рук от лица, Ступинский заговорил, как будто и не прерывался:

— Стаемся помогать людям, спасать их. Спасать здесь, где сделать это не так уж просто. Кое-что все же удается сделать. Не все, но многое. Вы, надеюсь, заметили, что нет у нас в населении особого разделения? Они живут, работают, учатся вместе. Все это не само собою получилось. Были и есть тут настоящие руководители. Они понимали и понимают, что без людей мы дырка без калача...

Валериан Иванович не раз слышал от переселенцев, что «хозяин на им бог послал за все грехи и страдания ихние». Побольше бы таких начальников, как он, — не оскорбит, не выгонит: в ночь, полночь приди, выслушает тебя, как человека, и по-человечески отзовется...» «По-человечески» — это очень и очень умели ценить жители города».

Игарка выдержала сталинский удар. Во многом и благодаря тому, что «умела очень и очень ценить» отмеченный Виктором Петровичем человечность. Никакие ужасы трех цинготных зим не смогли поколебать обретенной первостроителями веры в поддержку соседа, в силу добра, в таких людей, как Борис Васильевич Лавров. Маленькое северное братство, вопреки всем обрушившимся на него бедствиям, выстояло и окрепло. Подобно молодому боксеру, упрямо поднимающемуся на ноги после коварного нокаута, город не поддался отчаянию и продолжал смотреть в будущее с надеждой.

ИГАРСКИЙ ХРОНОГРАФ

1919 г. — А.В. Колчак форсирует строительство морской перевалочной базы в Усть-Порту.

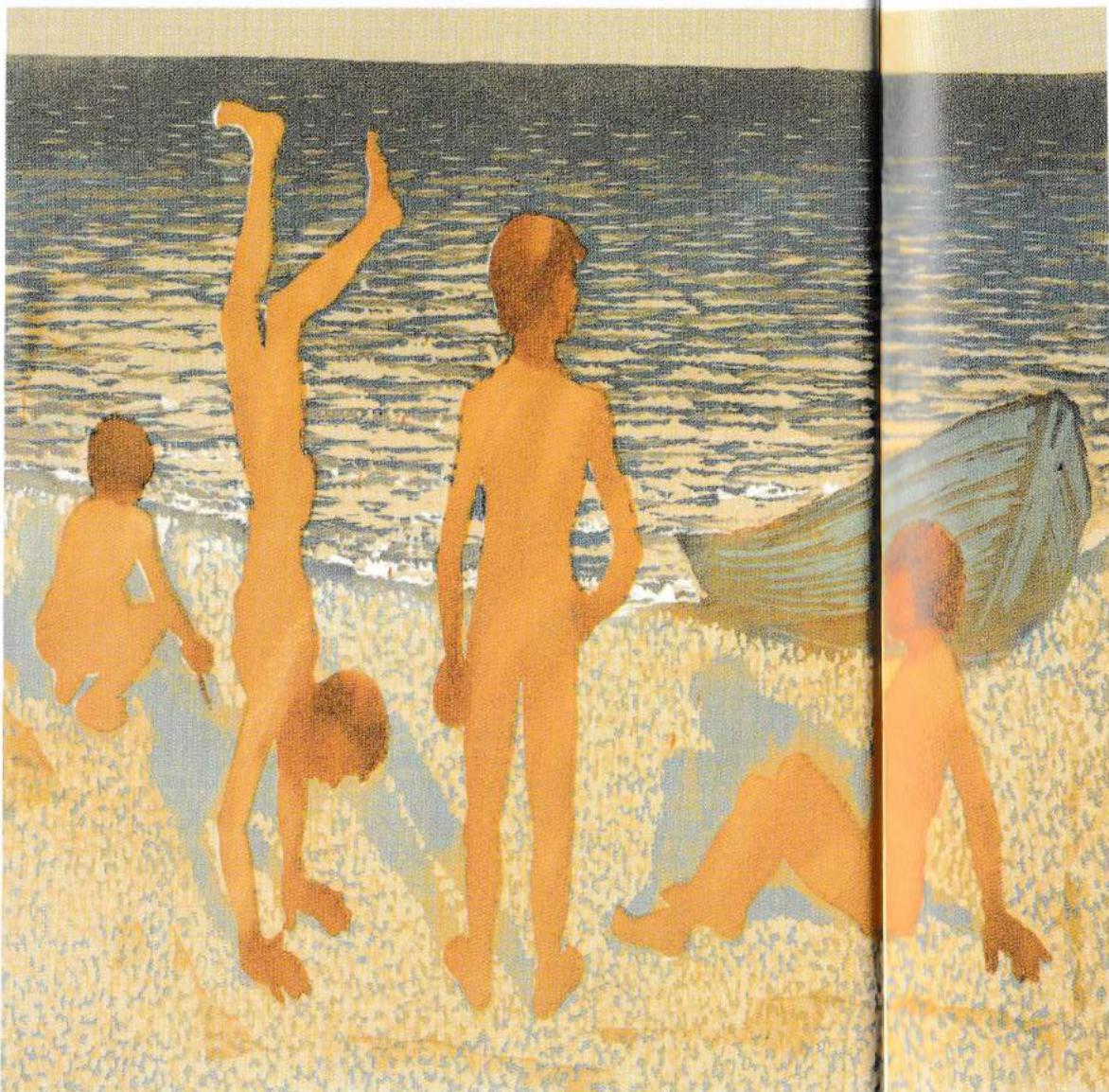
— К.К. Неупокоев приводит на Енисей флотилию исследовательских судов, позднее ставших ядром гидрографического отряда Игарки.

1920 г. — «Хлебный поход» архангельских транспортов в Усть-Порт.

1921 г. — Начало Карских товарообменных экспедиций в Сибирь.

- 1922 г. — Председатель Сибревкома Р. Эйхе переориентирует сибирские экспортные операции на лес.
- 1924 г. — Первый лесоэкспортный рейс из Усть-Порта на п/х «Красин».
- 1926 г. — Комсевморпуть приходит к выводу о необходимости поисков на Енисее более удобной базы для Карских операций.
- Немецкое судно «Вага» берет в устье Курейки груз графита.
- 1927 г. — Капитан п/х «Тобол» П.Ф. Очеретько сообщает в Комсевморпуть о пригодности Игарской протоки к использованию в качестве морской гавани.
- 1928 г. — Решение СТО о строительстве в Игарской протоке лесоэкспортного порта.
- Суда Убексосевера приступают к оборудованию фарватера до Игарки.
- Успешная опытная отгрузка круглого леса в Игарской протоке на 3 судна — «Гунгнер», «Гронхейм» и «Сен-Жозеф».
- 1929 г. — Председателем Комсевморпути становится Б.В. Лавров.
- Начало строительства Игарского порта.
- С 19 августа по 28 сентября загружено круглым лесом и пиломатериалами красноярских заводов 13 лесовозов.
- Вступают в строй электростанция и двухрамный игарский лесозавод.
- 1930 г. — Первая операция по доставке в Игарку плотов самосвалом.
- Наряду с верхнеенисейской продукцией из Игарки впервые отправлено на экспорт 9500 куб.м собственных пиломатериалов. Всего из нового порта с 5 августа по 6 октября уходит 12 морских судов.
- Население Игарки возрастает до полутора тысяч жителей.
- Приступает к работе второй двухрамный лесозавод.
- В Игарке начинает издаваться своя газета.
- Создана станция по научному исследованию вечной мерзлоты.
- 1931 г. — В Берлине публикуется книга Отто Хеллера о строительстве Игарки.
- Строительство спецпоселков для двух тысяч крестьянских семей, начинаяющих прибывать в заполярную ссылку.
- Количество отгруженных за навигацию игарских пиломатериалов увеличивается до 36800 куб.м.
- Начало массовых заболеваний цингой.
- Решением ВЦИК Игарскому горсовету подчиняется прилегающая территория от реки Курейка на юге до реки Хантайка на севере общей площадью в 14 500 кв. километров.

ВЗЛЕТ

"Игарка дала очень много и мне, и другим детям темных мужиков, которые попали в этот город из глухих деревень. Я впервые узнал, что такое велосипед, духовой оркестр, пианино. Впервые увидел полярное сияние, оленей, нарты; прокатился на собачьей упряжке. На детской олимпиаде премировали меня настоящими финскими лыжами. И наконец, именно в Игарке написал свой первый рассказ «Жив».

Если бы дано мне было повторить жизнь сначала, я бы выбрал ту же самую, насыщенную событиями, радостями, победами и поражениями. Они помогают обостренней видеть мир и глубоко чувствовать доброту".

В.П.Астафьев

* * *

"За 20 дней моего пребывания в Игарке я не только познакомилась с игарским зрителем, но и горячо его полюбила. Нигде и никогда я не ощущала такого творческого подъема, как здесь!"

Народная артистка Вера Пашенская.

* * *

"Игарка открывает свое сердце только тем, кто приходит к ней без высокомерия и без предвзятости. Она ведет их к сказочным охотничим угольям, к местам неописуемой красоты. Она дает им услышать зов Арктики, с которым не сравняться ни зов тропиков, ни прелести теплых морей. Этот зов помогает человечку вырасти во весь рост, познать в борьбе с Севером безграничность собственных возможностей, очиститься от мелочной суеты. Мне было дано услышать этот зов - и я поняла Игарку. Больше того: я влюбилась в нее!"

Рут-Грубер, корреспондент «Нью-Йорк Геральд Трибьюн».

1932 - 1937

Пока партия не щадила ни сил, ни штыков, ни патронов на скорейшую ликвидацию кулачества как класса, Игарка с той же энергией занималась ликвидацией последствий раскулачивания. Делать это ей, понятно, удавалось лишь в пределах тех малых возможностей, какие были доступны только-только появившемуся на свет, оторванному от Большой земли городу. Впрочем, удаленность Игарки в данном случае (и во многих подобных) скорее облегчала, нежели затрудняла проведение ее «антипартийного курса».

Строялся новый порт где-нибудь на Каме или на Двине, можно не сомневаться, что от сосланных крестьян там и следа бы не осталось, а любые попытки местных властей смягчить их участь повлекли бы за собой незамедлительные «огрвыводы», — достаточно вспомнить мгновенное появление сталинского поезда в Сибири при первых же признаках «мягкотелости сибирских товарищ». В синеское Заполярье, к счастью, железной дороги еще не прокладывали, тратить время на неспешный речной транспорт партийному руководству было не с руки, а полярная авиация по праву считалась тогда уделом сильных и отважных, к которым ни Кленков, ни Каганович, ни прочие цепные псы вождя мировой революции не принадлежали. Их визиты то и дело до основания сотрясали Магнитку, Кузнецк, Ленинград (в колыбель революции сталинские посланцы наведывались особенно часто, так что высокую степень тамошних репрессий можно напрямую увязать с высокой степенью комфорта «Красной стрелы»), в Игарку же время от времени заглядывал из Красноярска лишь секретарь Красноярского крайкома Акулинушкин. Ни малейшего трепета у игарчан эти прилеты не вызывали, поскольку человек он был весьма здравомыслящий и советы его приносили только пользу. Хотя не видеть, что в Игарке открыто не выполняются решения ЦК о «дебивании остатков умирающих классов», Акулинушкин просто не мог. И все же ничего не предпринял. Почему?

Благодаря фильму Стивена Спилберга люди узнают о благородном немецком предпринимателе, избавившем от нацистского концлагеря сотни обреченных узников под предлогом их крайней необходимости для военного производства. Названный именем этого человека «Список Шиндлера» стал знаменит на весь мир. Но кто за пределами Игарки слышал о списках Пестова, Краснопевковой, Прокофьева, спасших от верной гибели не сотни, а тысячи людей? Задолго до возникновения Освенцима руководители заполярного строительства прибегли к той же приземленной деловой логике, что и Оскар Шиндлер: спецпоселенцы крайне необходимы для борьбы с угрожающей городу цингой именно в своем профессиональном крестьянском качестве. А поскольку угроза цинги и впрямь была вполне реальной, то возражать против такой постановки вопроса не стал ни Акулинушкин, ни даже сам уполномоченный ОГПУ Шорохов, подтвердивший в своих мемуарах, что «осенью 1932 года из-за неразво-

ротливости красноярского отделения «Комсевморпути» картофель и другие овощи были доставлены в Игарку подмороженными и очень поздно. Они стали быстро портиться, гнить. И в городе стала свирепствовать цинга, настоящая эпидемия». Не способствовало улучшению здоровья горожан и исчезновение свежего оленьего мяса, которым Игарка до сих пор в изобилии снабжалась. Это тоже было прямым следствием безумия массовой коллективизации: оленеводы таймырской тундры, доведенные до отчаяния попытками дудинских энтузиастов «раскулачить» их стада, подняли весной 1932 года восстание, на подавление которого Шорохову по телеграмме из Красноярска пришлось мобилизовать весь немногочисленный партийно-комсомольский актив Игарки (из четырех с лишним тысяч игарчан в карательный отряд с трудом удалось наскрести лишь около пятидесяти человек — это вместе со штатными сотрудниками милиции и ОГПУ). Восстание подавили, но мяса от этого в городе, естественно, не прибавилось.

Городские власти вновь смогли по достоинству оценить не раз уже выручавшее их присловье: «Не было бы счастья, да несчастье помогло» — ведь в «Пробуждении» и «Полярном», двух игарских «спецпоселках», оказался собранным цвет сибирского крестьянства, лучшие из лучших знатоков земледелия и разведения скота, — грех было бы не воспользоваться такой «щедростью» материковских чекистов! И Игарка воспользовалась ею сполна.

Сначала иностранные, а затем и советские издания начинают писать о поразительной опытной ферме «Агроарктика», созданной за Полярным кругом, в Игарке, где северяне ухитряются успешно выращивать на вечной мерзлоте капусту, лук, огурцы, морковь, петрушку и клубнику. Спецкоры московских журналов поспешили сразу же объявить игарские достижения несомненным результатом внедрения сталинских методов хозяйствования — и, в общем-то, оказались при этом не так уж далеки от истины.

Без активного содействия Иосифа Виссарионовича игарчане и впрямь не смогли бы заполучить таких кудесников «Агроарктики», как Жариковы, Невинные, Чупровы или Полуэктовы. Зарубежным журналистам эти фамилии ничего не говорили, а для столичных гостей «Агроарктика», по причине мудрой скромности ее директора М.М. Хренниковой, оставалась просто «спящим коллективом передовиков заполярного сельского хозяйства». Мария Митрофановна, приглашенная Лавровым в Игарку из Ленинградского института растениеводства, ревниво оберегала свой уединившийся на Самоедском острове «спящий коллектив» от слишком назойливого любопытства известинцев и огоньковцев. Она понимала, что «Нью-Йорк геральд трибюн» в Красноярске никто читать не станет, а вот «Известия» прочтут обязательно и какой-нибудь памятливый читатель при виде фамилии, скажем, Чупровых вполне может намор

щить лоб: «Постойте-ка, да уж не те ли это Чупровы, которых мы в тридцатом...»

Те! Обратившись за справками в ОГПУ, наморщивший лоб читатель без труда обнаружил бы, что в «Списке кулацких хозяйств, подлежащих выселению по третьей категории» среди крестьян, отправляемых в Игарку из села Устюг Сухобузимского района, значатся:

1. Чупров Илья Васильевич — глава, 39 лет.
2. Чупров Василий — отец, 53 года.
3. Чупрова Евдокия — мать, 82 года.
4. Чупрова Елизавета — жена, 39 лет.
5. Чупров Александр — сын, 2 года.
6. Чупрова Екатерина — дочь, 6 лет.
7. Чупрова Нина — дочь, 4 года.

О, эти Чупровы несомненно были опаснейшими кулаками и мироседами! В описи конфискованного у них 4 февраля 1930 года имущества значилась такая непозволительная крестьянину роскошь, как швейная машина «Зингер», три венских стула и, страшно вымолвить, часы настенные с боем! Новые владельцы этих полезных вещей могли бы ужасно взъеваться, узнав, что их прежние хозяева не пропали пропадом среди вечной мерзлоты, а ко всеобщему изумлению вырастают на этой мерзлоте клубнику, — и Мария Митрофановна Хренникова была твердо намерена не давать повода к подобному волнению.

Сами крестьяне «Аргоарктики» (в Игарке ее чаще называли Опорным пунктом растениеводства или, ради краткости, Опорой) к газетной славе и подавно не рвались. Для ссыльных возможность возврата к прежнему крестьянскому труду действительно стала нежданной опорой в потерявшей было всякий смысл жизни — пусть даже опора эта и обреталась дорогой ценой изначальных мученических месяцев на расчистке и вспашке делянок среди первозданной глупи Самоедского острова. Нет, они ничего не забыли и ничего не простили, но «Аргоарктика» спасла их от гибельной, разъедающей душу ненависти ко всему белому свету. А они спасли город от цинги. Причем спасли так, что об игарских огурцах стали писать едва ли не больше, чем об игарских пиломатериалах.

«Огуречная популярность» была вполне заслуженной: на 90 гектарах своего опытного поля Игарка получала с гектара по 136 центнеров картофеля и по 68 центнеров капусты, а теплицы и парники начали давать городу все больше лука, огурцов, помидоров, цветной капусты. В этих драгоценных для Севера свежих овощах воплотились и сибирская крестьянская смекалка, и талант прирожденного экспериментатора М.М. Хренниковой, и опыт коренных игарчан, охотно

делившихся с «Аргоарктикой» главным сельскохозяйственным секретом здешних мест: не заходящее 24 часа в сутки летнее солнце способно творить на грядках истинные чудеса!

Призрак цинги покинул город, чтобы уже не появляться там на протяжении всех тридцатых годов. А породившая этот призрак «неразворотливость красноярского отделения «Комсевморпути» стала той последней соломинкой, которая дала Б. В. Лаврову возможность окончательно сломить сопротивление своим планам реорганизации: постановлением Совета труда и обороны от 11 марта 1933 года Комсевморпуть был ликвидирован, уступив место совершению новой структуре — Главному управлению Северного морского пути при Совете Народных Комиссаров (ГУСМП). ГУСМП отличалось от предшественника четкой организацией, жесткой схемой ответственности и (пожалуй, самое главное) поразительной для тех времен степенью автономности.

По сути дела, это было настоящее «королевство в королевстве», чём-то напоминавшее Сибирскую компанию Йонаса Лида. Как и эта компания, ГУСМП располагало собственными судами, собственной промышленностью, собственной торговлей и собственными представителями за рубежом. Оно располагало даже тем, чего у Лида не было, — своей полярной авиацией. От вмешательства местных партийных всезнаек ГУСМП предусмотрительно застраховалось созданием «Северного ЦК» — собственного политического управления, чьи решения считались обязательными для всех городов и районов, входивших в сферу деятельности ГУСМП. Начальники политотделов ГУСМП фактически выполняли на местах функции секретарей горкомов, подчиняясь в первую очередь собственному «Северному ЦК», а уж потом любым иным партийным органам. Правда, формального статуса отдельного наркомата (т.е. министерства) ГУСМП не имело, но на деле такой независимостью, как «северное министерство», не мог тогда похвастаться ни один другой наркомат, включая оборонные. Сибирская компания отчитывалась раз в год только перед собранием своих акционеров, принимая от него общие задачи развития операций на следующий год. В выборе конкретных способов решения этих задач Йонас Лид имел полную свободу. Точно так же имело полную свободу и ГУСМП, раз в год отчитывавшееся о выполнении поставленных перед ним задач по экспортну и промышленно-экономическому развитию Севера только перед Советом Народных Комиссаров. Разумеется, в ГУСМП понимали и принимали те правила игры, которые были обязательны для всех: почти каждое решение сопровождалось положенной дозой словесных реверансов по поводу мудрой политики партии и ее вождя, но ценности самих решений такие реверансы ничуть не умаляли. Возросшее значение ГУСМП подчеркивалось и перенесением его штаб-квартиры из Новосибирска в Москву. А «столицей Арктики» газетчики предпочли окрестить Игар-

ку, где рождалась и проверялась практикой вся стратегия освоения Севера.

Учитывая кардинальное изменение масштабов деятельности новой организации, подбор соответствующих новым масштабам кадров становился для ГУСМП вопросом номер один. То, как «северное министерство» справилось с этой задачей, не может не вызвать чувства самого искреннего уважения у современных специалистов по подбору кадров. На фоне же малограмотных сталинских наркомов с незаконченным школьным образованием «звездная команда» ГУСМП воспринимается как явление с другой планеты. Возглавил эту команду академик с мировым именем — Отто Юльевич Шмидт, человек, в равной степени наделенный талантом ученого и талантом незаурядного организатора. Он привлекает к своей работе таких выдающихся исследователей и знатоков Севера, как академики В. Ю. Визе и Б. П. Мультановский, профессор Н.Н. Зубов, ряд членов-корреспондентов Академии наук — экономистов, геологов, почвоведов. Имея за спиной столб основательный «мозговой центр», Е.В. Лавров, возглавивший в ГУСМП управление по развитию хозяйства, мог полностью сконцентрировать свои многообразные способности на выполнении конкретных задач строительства северной промышленности и транспорта.

Руководство «Северным ЦК» было поручено пользовавшемуся у северян непрекаемым авторитетом архангелогородцу С.А.Бергавинову, чье умение «находить правильных людей на правильное место» быстро превратило Политуправление ГУСМП в подлинную кузницу высокопрофессиональных кадров. Если на личном деле штурмана, врача, повара или инженера стояла знаменитая бергавиновская виза с тремя восклицательными знаками «Годен!!!», то никто не сомневался: отыскать лучшего специалиста не смог бы и сам господь. Пристрастное отношение Бергавинова к отбору северных кадров вовсе не подразумевало поголовного «перетряхивания» ранее существовавших учреждений и организаций. В Игарке, например, остались уже знакомый читателю капитан порта Пестов, главный инженер порта Рыбин, гидограф Смирнов, главный врач Токарев, хозяйственник Стукатер, директор «Агроарктики» Хренникова — все те, кто свое право руководить людьми доказывал знаниями и делом, а не ударами кулака по столу.

Зато бывшему латышскому стрелку Стерэ пришлось покинуть оказавшийся ему явно «не по размеру» пост директора лесокомбината. Уехал из Игарки на лагерное строительство БАМа инженер Никольский, в котором Лавров правильно угадал крупного специалиста по возведению общежитий с нарами. С видимым чувством облегчения распрошлся город и с женой Никольского, работавшей секретарем горисполкома, — эту истеричную, любившую повсюду совать свой нос «активистку» игарчане, что называется, на дух не перено-

сили. Вскоре сдал свои дела первый секретарь Игарского горкома Шабалов, по непонятным для Лаврова причинам покровительствовавший Никольскому. На его место Bergavinov сумел «выграть» из Москвы В. П. Остроумову — женщину, без которой стремительный взлет Игарки середины тридцатых годов так же трудно представить, как расцвет Тбилиси — без Давида-строителя, а рождение Петербурга — без Петра.

Внешне Валентина Петровна ничем этих великих царей, конечно же, не напоминала. Игарчане нередко звали ее просто Валентиной, однако тут не было ни панибратства, ни грубости — лишь подтверждение общности того дела, которым в Игарке занимались все, от коновозчика на причале до начальника политотдела ГУСМП. «Учи, к Валентине пойду», «А Валентина считает по-другому», «Валентина им верит» — ее имя звучало в Игарке как своего рода пароль взаимопонимания между людьми. Что-то вроде киплинговского «Мы одной крови, ты и я!». Мы не знаем, ставил ли С. А. Бергавинов на личном деле Остроумовой свою визу, но если ставил — она вполне могла бы усиливаться не только обычными тремя, а и всеми шестью восклицательными знаками. Участница первых послевоенных международных конференций, непревзойденный организатор, «редкостная умница, делающая честь уровню русского образования» (по определению Питера Смолки) и «всесокрушающий бульдозер» (по определению мятежного ирландского кочегара Патрика Кейзи, о котором читатель еще услышит), эта хрупкая сероглазая женщина запомнилась всем знатившим ее людям и еще одним редким для партработника тех лет качеством: сочетанием неподдельной человечности с высочайшей требовательностью к окружающим. И требовательностью к самой себе — никто из тех, кому выпало счастье работать с ней, не смог припомнить, чтобы Валентина Петровна хоть раз не сдержала данного ею слова, бросила на полдороги порученное ей дело или опоздала на назначенную встречу. Не меньше поражала впервые видевших Остроумову людей и ее полная раскованность. Вот, например, как вспоминает свою первую встречу с ней американская журналистка Рут Грубер:

«Знаете что, милочка, — сказала она мне после мгновенного размышления, — про Игарку я вам ничего рассказывать не стану. Вы лучше поработайте у нас в газете. И тогда все увидите сами.

— Как я могу работать в газете?! — изумилась я.
— То есть как это «как», — в свою очередь поразилась Остроумова.
— Вы же только что утверждали, что являетесь журналисткой!
— Являюсь. Но я американская журналистка. По-русски не пишу.
— А никто и не просит, чтобы вы писали по-русски. В нашей газете есть постоянная страница на английском для иностранных моряков. Так что идите, милочка, и поработайте!»

В своих статьях, написанных для нью-йоркской прессы, Рут то и дело поминала Валентину Петровну добрым словом, а в книге «Я была в Советской Арктике» посвятила ей целую восторженную главу, которую издатель неосторожно озаглавил «В Игарке Сталин — женского пола». Итог своим наблюдениям Рут Грубер подвела так:

«В этой женщине как бы воплощается вся безустанная и неуемная деятельность Игарки. Смелость и энергия, с которыми она вдохновляет город и борется за решение стоящих перед ним задач, вызывают к ней уважение и ее противников, и ее друзей».

Сходное впечатление произвела Остроумова и на преподавательницу Игарской национальной совпартшколы (предшественницы нынешнего педучилища народов Севера) Е.Г. Пятницкую:

«Валентина Петровна была очень строга к себе и к окружающим. Даже в своей одежде она соблюдала строгость до пунктуальности: темный, английского покроя костюм, светлая блузка, темный галстук. Другого костюма я на ней не видела».

Жена Бухарина А.М. Ларина отметила в своих воспоминаниях прямо-таки сверхъестественную по московским понятиям независимость взглядов гостей из Игарки:

«Летом Валентина Петровна прилетела в отпуск в Москву и зашла на квартиру к М. И. Калинину, поскольку была дружна с его женой Екатериной Ивановной. Встретились и поговорили — отвели душу. Сталину дали заслуженную характеристику: “Тиран, садист, уничтоживший миллионы невинных людей”».

А Питер Смолка, тоже обративший внимание на отвращение Остроговой к фальши и лицемерию, рассказал и еще об одной примечательной черте Валентины Петровны:

«У нее была удивительная способность находить единственно верную манеру общения с каждой аудиторией. Она всегда умела обернуться к собеседнику именно той гранью своей богатой натуры, которая точно соответствовала настроению и цели данной встречи. Помню, как у себя в кабинете она ровным бесцветным голосом давала чиновникам с толстыми портфелями властные приказы изменить порядок оплаты строительства причалов. А час спустя я застал ее в порту, где она говорила на ту же тему с грузчиками, хохоча и перебрасываясь острыми словечками в компании здоровенных мужиков, каждый из которых был как минимум втрое громаднее ее. В первом случае она выглядела надменной английской леди, во втором — обаятельной «своей девчонкой» из припортового лондонского кабачка. Но и там и тут она осталась сама собой! Такой женщины я уже более нигде не смог встретить».

С чего же начала свою работу эта пришедшая к руководству Севером уникальная команда? О.Ю. Шмидт, не переносящий высоко-

парной риторики, поставил перед своим «королевством в королевстве» задачу, доступную пониманию каждого: «Сделаем Северный морской путь нормально действующим путем мореплавания, а Север — нормально развивающейся и обжитой частью нашей богатой Родины!». С. А. Бергавинов в свойственной ему ненавязчивой манере так конкретизировал первый этап выполнения этой общей для всех задачи: «Разумно и своевременно делают Обдорский и Игарский полиготделы, которые начали свою работу с подбора и расстановки людей».

Люди! С первых же своих дней «на Игарке» Остроумова поняла, что главным богатством заполярного порта является не лес и не графит, а сами игарчане. «Такой бесценный здесь народ подобрался, — говорила Валентина Петровна Рут Грубер, — сердечный, дружный, работящий. Москвичей тоже люблю, но Игарка это Игарка, второй такой нет». Понимала она и то, что без коренных перемен в городской жизни Игарка вскоре перестанет быть Игаркой, превратившись в обычное для дальних строк случайное сбощище вербованных сезонников и залетных «халифов на час». А кого еще мог привлечь жуткий барабанный быт рабочего поселка с провалившимися в глубь мерзлоты печами или сомнительные прелести «индивидуально застроенного» скопища лачут под метким прозвищем Таракановка?

Прежнего директора лесокомбината интересовало только одно: план распиловки. На все требования дать молодым семьям отдельное жилье или навести порядок в рабочей торговле «железный латыш» реагировал одинаково: «В окопах было хуже, и ничего — жив, как видите». Остроумова почти с ужасом читала накопившуюся при Шабалове, Никольском и Стерэ кипу жалоб:

«Мы, рабочие, не видим и не слышим руководства комбината. Они безобразно относятся к нашим нуждам. Плохо с жилищами, с бельем, не налажено питание. Палец о палец не ударят, пока им сверху не укажут».

«Председатель Игарсоюза не удосужился завезти от рыбаков свежую рыбу, начальник ОРСа — совершенно не занимался заготовками дичи. Город 20 дней жил без керосина, а 28 бочек, оказывается, валялись в снегу на складе бездельника Пилюгина».

«Я в Игарке живу почти с самого ее основания и за все это время не съел ни одного свежего яблока. А страшно хочется его съесть!»

«Пьянство, круговая порука, семейственность, жульничество, — вот стиль работы торговли. По отбору Полухова в Игарку завезли массу воров с судимостями. За год в ОРСе сменилось 5 начальников».

«В небольшой комнате 5 на 2,5 метра нас помещается 12 человек. Рядом с нашей комнатой находится большая, где живет всего лишь 6 человек. Мы предлагали переселить туда часть жильцов и тем самым разгрузить маленькую комнату, но завхоз тов. Носков только обещает и понять нас не хочет».

Расчисткой всех этих авгиевых конюшен Остроумова, новый председатель исполкома Ерилинский, капитан порта Пестов и главный хозяйственник города Стукатер занялись по трем основным направлениям. Во-первых, начали строительство восьми шестнадцатиквартирных домов с паровым отоплением и электрическим освещением. Во-вторых, приступили к благоустройству и озеленению городской территории и, наконец, полностью реорганизовали торговлю, сведя к жестко контролируемому минимуму число расплодившихся в Игарке торговых и снабженческих организаций. У руководства ГУСМП такая тактика нашла полное понимание. И Шмидт, и Бергавинов разделяли мнение Остроумовой: дальнейшее наращивание экономического потенциала Севера немыслимо без создания там людям нормальных условий для постоянного проживания. Все поступающие к Лаврову и Шмидту заявки игарчан на развитие жилищного и культурного строительства финансировались ГУСМП в первоочередном порядке, что уже к середине 1935 года позволило Остроумовой сообщить Красноярской партконференции о первых заметных сдвигах к лучшему:

«Каждую весну перед приходом пароходов в Дудинке, Игарке, Усть-Порту и на всем побережье Севера начинается лихорадка. Не гриппозная, а пароходная:

- Ах, идет пароход! Я прожил год на Севере и надо немедленно выезжать.

А спрашивается, почему? Начинаем разбираться, и оказывается: один рабочий жалуется на то, что не по специальности его используют, другой жалуется, что питание плохое, третий — ударник, отличник, — говорит, что два года прожил, а квартиры не получил. Когда мы взялись за исправление этих далеко не специфически северных недостатков, то основная масса лучших, нужных для нас людей осталась, а лодыри — те пусть уезжают. И кроме того: я вот сделала выписку, кого завозили в прошлую навигацию по вербовке Теруправления: машинистки, секретари, наблюдатели метео, завмаги, водители моторных лодок. Их нужно готовить на месте, в Игарке. Мы сохраним миллионы, которые затрачиваются из года в год на контрактацию!»

ГУСМП было хозяином, прямо скажем, не бедным, причем его кредитные ресурсы подкреплялись еще и возможностью доставлять стройматериалы, теплотехнику и электрооборудование непосредственно на судах, идущих в Игарку за лесом. Но игарчане, стремясь избавиться от позора Таракановки и Карских бараков как можно скорее, не

ограничивали свои созидательные цели сугубо ведомственными рамками. В июле 1935 года кремлевские стены становятся свидетелями события, не имевшего precedента за всю историю Российской империи и ССР: перед правительством огромной страны отчитывается делегация... крохотного заполярного городка, население которого едва-едва перевалило за 12 тысяч! Столицей редкостное «смещение масштабов» было подготовлено настойчивостью Шмидта и Остроумовой, дав Игарке возможность рассказать Москве как о своих достижениях, так и о своих нуждах. Последнее, само собой, было главной задачей приезда в столицу игарской делегации. Вот какую информацию довели игарчане до сведения своих высокопоставленных слушателей:

В. Сафонов, сменный мастер первого лесозавода: «В 1929 году я приехал в Игарку. По улице нельзя было тогда пройти. Людям и коням воды было по колена. За лето выстроили один дом. Потом привезли еще два дома утепленных и три барака тесовых. В 1930 году уже грузили лес с первого завода. В настоящее время имеем три завода. Имеем и графитную фабрику. Имеем химический завод для удовлетворения своих потребностей; угля не покупаем. Когда приехал, культурных развлечений никаких не было, всюду грязь и вода. А теперь выстроен хороший клуб. Только в этом клубе кое-чего не хватает. Например, переменных картин для кино. Я приехал из Красноярска, где работал ассенизатором. Неграмотным приехал. Тут меня обучили. Сейчас стал сменным мастером, получил квартиру в 45 метров. И уезжать теперь с Игарки не хочется».

М. Вигалок, редактор газеты: «Я редактирую газету четыре года. Сначала она выходила раз в пятидневку, потом два раза, а с 1 июля этого года стала ежедневной. Типография богатая — имеем плоскую машину и «американку». Во время Карской экспедиции выпускаем страницу для иностранных моряков на английском и немецком языках. Тираж газеты 2300 экземпляров. Это единственная ежедневная газета на всем Крайнем Севере».

В. Остроумова, начальник Политотдела ГУСМП: «С водой у нас тяжело, имеется лишь одна башня для подачи технической воды. Вода очень плохая. Мы хотим просить на это дело кредит с погашением его в рассрочку».

И. Брилинский, председатель горисполкома: «Закрепление рабочих кадров достигнуто, но текучесть среди служащих есть. Город строительством не закончен. Фактически он еще имеет, за исключением капитального жилищного строительства, временный, баочный вид. Имеется 26 бараков, построенных еще в 1928 году для сезонных рабочих. Они были переданы в жилой фонд города от бывшего общества «Комсевморпуть». Эти временные бараки не только непригодны для жилья, но являются пожароопасными для лесозаводов. Имеются сотни актов на их снос, но средства не позволяют этого сделать».

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

Все наши дороги являются дорогами временного типа. На грунт, зачастую глинистый и болотный, набросаны жерди, и на них насыпаны опилки. По таким дорогам ходить можно, но ездить очень трудно. Пожарная команда подпрыгивает на них, как на рессорах.

В этом году мы начали строить тротуары и озеленять город, ведь лес был в 1929 и 1930 году вырублен. Сажаем кусты ягод, которые у нас очень хорошо прививаются и дают прекрасные плоды. Основные улицы замостили и вокруг усадеб начинаем устраивать цветники, развивать посадку кустов.

Жилой наш фонд не докончен, его нужно штукатурить. Деревянные дома продувает зимой. Лесной материал надо покупать. Все, что пригодно для экспорта, идет на экспорт, чуть-чуть отбракованное — едет в местные пиломатериалы. Для того чтобы закрепить кадры на Севере, дать им возможность жить культурно, нужен большой капитальный ремонт».

Игарчан выслушали со вниманием, а Михаил Иванович Калинин даже дал им ряд крайне ценных советов по части утепления домов: «Надо по крайней мере сантиметров на 35—40 обложить дом мхом, можно также для этого использовать опилки. То, что каменные дома у вас не выдержат морозов, это понятно; если вы будете строить каменные дома хоть в два кирпича, они все равно не устоят против морозов».

Трудно сказать, пригодились ли игарчанам познания дедушки Калинина в строительном деле, но зато совершенно точно известно, что принятые по результатам встречи в Кремле постановление Совнаркома за номером 764 было воспринято в Игарке с величайшим энтузиазмом. Постановление, озаглавленное «О работе Игарского городского совета в области хозяйственного и культурного строительства», убедило горожан, что их земляки не зря съездили в столицу. Оно предусматривало, в частности, следующие правительственные обязательства перед Игаркой:

1. Отпуск 500 тысяч рублей из госбюджета РСФСР на проведение неотложных работ по улучшению водоснабжения населения, ремонту и утеплению жилых домов, школ, больниц и клуба, на приобретение для городского транспорта лошадей и на строительство моста через Медвежий лог.
2. Отпуск Наркомздравом 50 тысяч рублей на ремонт и утепление больниц и еще 50 тысяч из централизованного фонда Соцстраха на оборудование больниц, амбулаторий, детских яслей, молочной кухни.
3. Отпуск из эпидемического фонда передвижной инфекционной дезкамеры, лабораторного оборудования, медикаментов и 100 комплектов белья.

4. Выделение Наркомфином долгосрочной ссуды в 100 тысяч рублей на индивидуальное строительство трудящихся.

Кроме строительства таких важных объектов, как Северный техникум, механизированный хлебозавод с ежесуточной производительностью в 9 тонн, театр, стадион и Дом народностей Севера, правительственное постановление предусматривало также общее усиление финансовой базы городского Совета с последующим выделением Игарки в самостоятельно единицу бюджета РСФСР. Неудивительно, что дома участников поездки встречали как победителей!

Игарка 1935—1937 годов преображалась буквально на глазах: вечная слякоть сменилась сетью сухих и чистых улиц из идеально пригнанных лиственничных досок, по утрам мальчишки-газетчики, заманивая покупателей, звонко выкрикивали наиболее сенсационные заголовки очередного выпуска городской газеты, у алое куста шиповника перед отделением сберкассы ее седоусый управляющий Иван Николаевич Прянишников — да-да, тот самый, что служил бухгалтером еще у Йонаса Лида! — неторопливо пояснял обступившим гнутую чугунную скамеечку вкладчикам, что такое золотой заем, а к нарядному резному крыльцу новенького восьмиквартирного краевца прибиралась сквозь череду груженных мебелью и узлами телег первая в городе «эмка» с Остроумовым за рулем.

— Валентина Петровна, чтоб следующий дом был с ванной! — кричали наперебой зазывавшие ее к себе новоселы.

— L' appétit vient le mange! — невозмутимо парировала Остроумова.

— Господи, Валентина, это еще что такое?

— А для кого я кружки иностранного открываю? Аппетит приходит во время еды — вот что это такое!

К людям постепенно возвращалось то легкое и хмельное ощущение счастья, о котором («будто под музыку жили!») вспоминал плотник Илья Шарай. Только теперь оно было рождено уже не общими победами над «белым безмолвием» Крайнего Севера. Сейчас люди были счастливы по иным причинам: они поняли, что от подвига первостроителей не собираются откупиться газетной трескотней, что их верность построенному городу не будет «вознаграждена» теснотой душного барака, а главное, — что все они снова вместе, как и той дождливой, холодной осенью двадцати девятого, когда начальник строительства Щукин среди шалаши и дымных костров рисовал им будущее их порта. Одним из самых первых впечатлений Рут Грубер от Игарки 1936 года было: «Город на взлете, где всегда чему-то рады».

Игарка поражала Рут не только своей жизнерадостностью. В Заполярье она прилетела из Москвы, где скрупулезно записала стоимость основных товаров в столичных магазинах. В Игарке все оказалось на 15-20 %... дешевле! Поинтересовавшись у сопровождавшего ее ре-

портера городской газеты Малобитского, чем объяснить такую дешевизну, она услышала:

«Шмидт на северянах никогда наживаться не станет. Мы же свои люди, всегда сочтемся — не лесом, так никелем, не никелем, так золотом. Или еще каким добром. В Арктике всего хватает, было бы желание работать. Можно, конечно, продать нам зубную щетку втрое дороже московской. Только тогда и желания здесь работать убавится тоже ровно втрое. Шмидт это понимает».

Будучи истинной женщиной, Рут не обошла вниманием и ассортимент игарских прилавков. В своей книге она даже посвятила парфюмерному отделу Игарторга отдельный снимок под названием «Вам «Нюи де Ноэль» или «Принтами?» — заботами Бергавинова партия французских духов попала тогда в Игарку прямо по Севморпути. По сравнению с Москвой, задыхавшейся от товарного голода, маленький заполярный порт показался Грубер «большевистским раем». Причем не только в части импортной парфюмерии.

«Дома в Америке все убеждали меня, что показные банкеты не дадут мне разобраться, голодают русские или нет. О, в Игарке я прекрасно в этом разобралась! Меня никто никуда не водил, я сама постепенно настолько вошла во вкус местного гостеприимства, что без всяких провожатых заходила пообедать в первый попавшийся дом, где меня сразу сажали к столу. Не стану лгать: ни коктейлей, ни устриц мне не предлагали, но горячий борщ и котлеты были всюду необычайно аппетитны, зелень, рыба и соленья всех сортов — в изобилии, а воспоминания о незабываемом вкусе игарского хлеба исторгнут у меня ностальгический вздох на смертном одре. Меня смущала только громадность порций, они же сочувственно принимались махать руками, словно крыльями. Потом я поняла — они давали мне понять, что я ем, как птичка. Нет, игарчане не просто хорошо едят, они обживаются. И обживаются свежей, качественной едой! Совершенно очевидно, что здесь могут это себе позволить».

Рут Грубер не преувеличила: игарчане действительно могли себе позволить и хорошую еду, и добротные костюмы из ленинградского шевиота, и завозимые Севморпутем американские винтажи «Колумбия» (правда, пластинки к ним продавались только отечественные, но покупатели и сами предпочитали Утесова и Шульженко любым заморским знаменитостям). Сформулированный Лавровым в конце двадцатых годов принцип «Дайте людям понять, что вы цените их труд, — они для вас горы свернут» последовательно продолжал воплощаться в жизнь и при Остроумовой. Работавшая на лесокомбинатовском складе сырья бригада, отвечая на вопрос Питера Смолки о месячных заработках, заспорила: у одних выходило 320, у других «набегало» до 435 рублей в месяц. Узнав, что за трехразовое питание в цеховой столовой с них ежемесячно вычитается 35 рублей, англичанин ахнул: «Вы живете лучше лондонских докеров!» Рабочие высокой квалификации, опытные строители, мастера участков могли заработать в Игарке 1932-1937 годов и больше — порядка 500 рублей. Эта сумма дополнялась ежемесячной премией, которая в успешно работавших цехах могла составлять 400-500 рублей. Чрезвычайно ценился в ГУСМП учительский труд: хорошие учителя получали в Игарке до 600 рублей, с обширной системой льгот и поощрений. Заработок же таких специалистов, как лоцманы, рамщики, пилоты полярной авиации, геологи, мог уходить далеко за тысячу. Был и низший предел: та знакомая читателю по горестному свердловскому фильму ссылочная крестьянка, что отдавала комендатуре 15 рублей из сотни, зарабатывала эту сотню на самой низкооплачиваемой в Игарке работе — выколке леса из льда протоки.

На материке в это время, как известно, тоже «живь стало лучше, жить стало веселей». Чтобы понять, чем игарская жизнь отличалась от материковского «веселья», откроем 13-й том сочинений И. В. Сталина, где вождь с гордостью указывает в своем отчетном докладе семнадцатому съезду партии величину достигнутой под его руководством к 1933 году среднегодовой рабочей зарплаты в промышленности: 1519 рублей. Что составляет 126 рублей в месяц. Была ли эта цифра достоверной?

Согласно данным, опубликованным полвека спустя в сборнике «Народное хозяйство СССР за 70 лет», действительная средняя зарплата не дотягивала тогда и до ста рублей, а рабочие и служащие, занятые в сельском хозяйстве, зарабатывали даже в самом благополучном 1940 году не более 35-40 рублей в месяц. Еще более откровенный слепок с «веселой» сталинской реальности того времени мы находим у такого авторитетного свидетеля, как расстрелянный впоследствии за «антипартийную платформу» бывший глава Иркутского обкома ВКП(б) М. Н. Рютин:

«Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, рост цен и падение стоимости червонца привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревнях, так и в городах. Производительность голодного рабочего сильно упала, зарплата в провинции зачастую не выплачивается по нескольку месяцев».

Конечно, зарплата сама по себе — величина немалая. Она способна обрести голос лишь при условии, что нам известна ее покупательная способность. Побывавший в СССР в 1937 году французский писатель Андрэ Жид характеризует ее так: «Обычный костюм стоит 800 рублей, хорошие туфли — от 200 до 300 рублей, килограмм хлеба — 1 рубль 90 копеек, хорошая московская комната стоит 50 рублей в месяц. Кроме того, до 1936 года нужно было в обязательном порядке ежегодно отдавать государству в виде займа месячную зарплату». Сообщив, что дневной заработок квалифицированного рабо-

чего не превышает пяти рублей, Жид приходит к тому же выводу, что и Рютин: «Этот минимум и доводит до крайней нищеты большинство трудящихся».

Как мы видим, веселого во всем этом было мало. Но даже если принять липовые 126 рублей за непреложную истину, — все равно выходит, что в Игарке даже самый низкооплачиваемый ссыльный чернорабочий получал почти столько же, сколько Сталин предназначал своему «вольному» рабочему средней квалификации. А с учетом низких игарских цен — и намного больше его. Единственным, на что северянам приходилось подкапливать деньги, были поездки в отпуск, но и здесь тарифы не находились за пределами доступного: проезд от Москвы до Красноярска в самом дорогом спальном вагоне стоил 500 рублей, билет до Игарки в каюте «люкс» обходился в 190, а верх роскоши — перелет от Красноярска на шестиместном пассажирском аэроплане — в 800 рублей. К тому же с 1934 года всем, кто заключал стандартные двухгодичные контракты, ежегодный проезд в отпуск оплачивался работодателем.

Поэтому, когда под новый, 1936 год советскому народу, наконец, подарили отмену введенных еще на закате НЭПа продуктовых карточек, никакого особого ликования это событие в Игарке не вызвало: солидные заработки помогли большинству игарчан достаточно безболезненно пережить «карточную пятилетку». Весенние городские очереди за «отоваркой» карточек Игарке были практически неизвестны — у людей всегда хватало денег на приобретение продуктов в коммерческих отделах. На карточки игарчане брали лишь хлеб, сахар и папиросы. Не обременяла кошельки северян и квартплата, жестко контролируемая горсоветом и политотделом ГУСМП. Только раз старожилы увидели Остроумову потерявшей самообладание: это случилось, когда в апреле 1936-го на сессии горсовета она обнаружила, что при себестоимости киловатт-часа в 18 копеек лесокомбинат берет за этот час с жилого сектора по одному рублю. «Вы это кого же грабите?! Рабочих обирать взялись?! Не сметь!!! Вы как понимаете свою политическую задачу в Игарке?? Я вам... — тут гнев окончательно перехватил ей дыхание, и она закончила почти змеиным шипом: — ...я вам покажу коммерцию!» Вид неизменно спокойной и уравновешенной главы политотдела, внезапно превратившейся в разъяренно кобру, произвел на директора комбината Варакина такое глубокое впечатление, что «показывать коммерцию» никому не пришлося — на следующий же день плата за электроэнергию (она составляла львиную долю квартплаты) была сокращена втрое. Но — что квартплата? У командированных в Игарку москвичей глаза на лоб лезли уже от одних газетных объявлений, вроде «Всех желающих включиться в новую телефонную сеть просят принести заявление в почтово-телефрафный узел»: в столице можно было обзавестись телефоном, только имея знакомства как минимум на уровне Моссовета.

В общем, когда по радио впервые прозвучала мгновенно ставшая

популярной песенка «Есть на севере хороший городок», игарчане сразу решили, что она написана про их Игарку. Лучшего городка, как они полагали, на севере просто и быть не может — да, пожалуй, и не только на севере! И они были правы: все дальше и дальше уходил их хороший северный городок от угрюмой Большой земли, поглощенной в то время совсем иными занятиями: поисками убийц Кирова, смычкой пролетариата с деревней, перековкой отсталых элементов, чистотой рядов партии и прочими увлекательными, но совершенно потусторонними (в том смысле, что они находились по ту сторону нормальной жизни) вещами...

Нельзя сказать, чтобы на Большой земле этого не замечали. Но благодаря щиту ГУСМП судьба хранила Игарку: ее далеких берегов достигали лишь отдельные раскаленные брызги кровавого варева, уже закипавшего в адском сталинском котле, — наподобие постановления бюро Красноярского крайкома от 8 сентября 1936 года: «Учитывая, что Игарка является крупным хозяйственным и культурным центром Крайнего Севера Красноярского края, имеющим связь с Заграницей, что привлекает много случайных, а порой и враждебных элементов, крайком требует от игарских коммунистов повышенной классовой революционной бдительности и беспощадной борьбы со всякими чужаками, особенно с последышами контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды». Причем это было далеко не первым предупреждением. Весной 1935 года игарская газета удостоилась от столичных цензоров оценки, для любого другого издания оказавшейся бы последней: «Редакция печатала статьи и заметки, которые грубо искажают смысл партийных решений». Тем же трафаретным стилем игарским партийцам грозно указывалось, что «все указания партии об организации и проведении партийных собраний были в Игарке грубо искажены».

Что же на это игарчане? Да ничего! По-прежнему сдавали жилье дома, пилили лес, грузили пароходы. Нет чтобы газете срочно перестроиться на «беспощадную борьбу со всякими чужаками» — Миша Вигалок как ни в чем не бывало продолжал «беспощадно бороться» лишь за погрузку каждого судна сразу с двух бортов, не забывая попутно ругать переводчицу Милу Геринг за «слабое привлечение иностранных моряков к работе газеты». На партийных собраниях, которые как были открытыми для всех с самого основания города, так открытыми и остались, игарчане продолжали с прежней увлеченностью обсуждать не письма в поддержку смертных казней, а пути дальнейшего снижения внутрисменных простоеv. Сама же Игарка вместо того, чтобы десятью заборами отгородить своих жителей от коварной «заграницы», продолжала оставаться Меккой для зарубежных журналистов, охотно публикующих у себя в газете рассказы иностранных моряков о заморском житье и восторженные игарские впечатления гостей («Мы обязаны самой сердечной благодарностью

жителям вашего города за их добродетель и гостеприимство во время нашей стоянки у вас», — писал в газету экипаж английского парохода «Стилвилл». Стали традицией дружеские международные футбольные матчи, на которые сходился весь город, неистово болевший за свою сборную. К восторгу игарчан, ей нередко удавалось обыгрывать даже английских «прапорителей» футбола, а уж немцев, голландцев и латышей носившиеся, как черти, игарские спортсмены «делали только так». Главными героями у болельщиков были центр-форвард — обладатель «пушечного удара» милиционер Федя Перестов и непривычный вратарь-плотник «Агроарктики» Володя Беспрованных. Володю в Игарке звали не иначе, как «Спец» (несомненно за профессиональную игру, а не по причине принадлежности к спецоселенцам). Мало того! Вдобавок ко всей этой полнейшей утрате «классовой революционной бдительности» игарский горсовет торжественно открывает в августе 1936 года большой и уютный интернациональный клуб, где «хозяйством» заправлял недавний австралийский моряк Джордж Норейкс. Две навигации подряд он приходил за лесом в сибирское Заполярье, и игарчане настолько ему полюбились, что он решил остаться в их городе навсегда.

Ну, а если сверху начинали уж вовсе с ножом к горлу требовать непременного участия северного рабочего класса в очередной всеобщей травле, то игарчане откликались на эти призывы с наивностью, которая была хуже всяского издевательства: «...сейчас мы раньше срока заканчиваем погрузку парохода «Хопден». Вчера грузчики меня не отпустили из круга, пока я не прочел им все материалы о суде над Зиновьевым. Прежде всего мы хотели бы слышать о процессе над троцкистско-зиновьевской сворой, чтобы рассказали с самого начала их гнусного предательства. Еще грузчики хотят знать хотя бы в кратких чертах историю партии. Бригадир грузчиков Г. Кубекин».

В то время как вся печать страны содрогалась в едином пароксизме любви к верному сталину товарищу Ежову, вскрывавшему на теле партии один вредительский гнойник за другим, игарчане, раскрыв свою газету, с удовольствием узнавали совсем иного рода новости:

«У ОГУРЦОВ В ТЕПЛИЦЕ ОРСА ПОЯВИЛИСЬ ЧЕТВЕРТЫЕ ЛИСТИКИ!»

«В ГОРКОМХОЗЕ ЗАРАБОТАЛА ХИМЧИСТКА!»

«ИГАРСКОМУ АЭРОКЛУБУ НА ПАРОХОДЕ «ИСКРА» ДОСТАВЛЕН

САМОЛЕТ!»

И уж коль скоро сами игарчане откровенно заявляли о своей слабой осведомленности в вопросах истории партии, то весело шумевший на улицах Игарки «иностранный пролетариат» и подавно разочаровывал командированных политработников. Питер Смолка запечатлел такой фрагмент выступления прибывшей на открытие интерклуба активистки красноярского комсомола:

«Дорогие товарищи иностранные моряки! Хочу сказать вам прямо: вот если бы здесь, в одном зале с вами, уселись Каменев с Зиновьевым, то я передушла бы эту сволочь своими собственными руками! Кто такие Зиновьев и Каменев? Да вы что?! Смотрите, они не знают, кто такие Зиновьев и Каменев!!! Вот странно... совсем политически неграмотные. Мила, вы переведите им про них! Долго? Ну, тогда я кончаю. Да здравствует советский комсомол! Да здравствует советское правительство! Да здравствует наш любимый вождь, отец, брат и учитель товарищ Сталин!»

Причину такого равнодушия гостей и хозяев Игарки к «высокой политике» угадать нетрудно: им по горло хватало своих собственных дел. Не исключено, что при этом игарчане руководствовались мудрым советом из популярной брошюры «Памятка будущему пилоту», отпечатанной в городской типографии для аэроклуба: «Во время взлета все внимание — только взлету».

Чем объяснить стремительный взлет Игарки тех лет? Быть может, влиянием привычного для нашей истории перераспределения общих бюджетных средств в пользу одного «отдельно взятого образцово-показательного объекта»? Но вполне сопоставимые средства выделялись тогда и другим городам! А вот со столь последовательно «человеческими» приоритетами, как в Игарке, средства эти более не расходовались нигде. Они не оказались выброшеными на ветер: порт сторицей вернул стране то немногое, что было затрачено на улучшение качества жизни его тружеников. Тем более что ни завоз грузов дешевым морским путем, ни выращивание собственных овощей, ни замена чиновного воряя на работавших с высокой отдачей профессионалов никаких лишних трат не потребовали. Напротив того — это была чистейшей воды экономия. Внимание же к людям, как и предвидел Борис Васильевич Лавров, в кратчайшие сроки обернулось резким увеличением объемов отгруженного пилотэкспорта при одновременном снижении его себестоимости. Само собой разумеется, что трудовой энтузиазм был важной, но далеко не единственной причиной игарского взлета.

«Эпоха ГУСМП» отмечена появлением в городе новых экономистов, бухгалтеров, снабженцев, с профессионализмом и настойчивостью воплощавших в жизнь требование Остроумовой «Мы обязаны выучиться считать деньги». Среди них были такие незаурядные специалисты, как имевший два европейских университетских образования главный хозяйственник города А.А. Стукатер, лесокомбинатовский «экспортный бог» А.П. Регина, старший бухгалтер-ревизор краевого теруправления ГУСМП Е.И. Афонский, заведующий Игарторгом Г. И. Шибайло и многие другие. Они объявили самую настоящую войну любым непроизводительным расходам. У этой войны имелись свои фронты, свои атаки и свои победы.

Зимой 1934 года лесокомбинат начал строить постоянную причальную линию вместо ежегодно уносимых ледоходом громоздких временных пирсов. К концу навигации 1936 года протяженность нового причала достигла 800 метров, что дало порту возможность увеличить число одновременно обрабатываемых пароходов до пяти и намного сократить штрафы за простой морских судов в ожидании погрузки. Эта причальная линия верой и правдой служила порту на протяжении двух десятков лет! На вооружение комбината в те же годы поступили первые лесовозы «Орегон», «Валмет» и «Соломбалаец». Подготовка погружочных бригад из местных жителей позволила сэкономить в навигацию 1937 года полтора миллиона рублей на перевозке сезонных рабочих. Кропотливое исследование процессов, происходящих заполярной зимой при сушке пиломатериалов на открытом воздухе, приводило к созданию совершенно оригинальной конструкции штабелей, отличной от первоначально принятой для Игарки архангельской модели. Качество высушенных новым способом досок обеспечивало игарским пиломатериалам дополнительный спрос на лондонской лесной бирже при более высоких ценах продаж. Успех этой массированной «атаки на себестоимость» увенчала краткая телеграфная похвала Бергавинова: «Так держать, игарчане!»

К 1937 году барский лесокомбинат выходит на первое место в стране по рентабельности, добившись рекордного для страны 52-процентного использования сырья на экспорт. Отходы от экспорта заботят игарчан ничуть не меньше. На комбинате появляется оснащенный высокопроизводительными станками из США цех экспортной мелочи, который постоянно наращивает прибыль от выпуска паркета, яичных комплектов, тарной дощечки. Ввод цеха — это результат усилий В.П. Остроумовой по возвращению в Игарку американского оборудования, отправленного лесокомбинату в... самом начале тридцатых годов! Валентина Петровна не скрывала своего недовольства по поводу упущеных за это время возможностей: «Для того чтобы использовать отходы экспортной древесины, позаботились достать ценнейшие импортные машины для подсобных предприятий. По головотяпству не сумели эти машины пустить в ход и придумали отправить их... куда же вы думаете? На мебельную фабрику в Свердловск! Понадобилось личное вмешательство секретаря крайкома товарища Акулинушкина, чтобы прекратить это».

Не забывал Игарку и строящий Нордвикский порт Б.В. Лавров. Постоянно заботившийся об игарчанах Орловский знакомит его с опытом канадцев по переработке отходов древесины в спирт, который затем используется в качестве горючего для транспортной техники. Последующая оживленная переписка с советскими торговыми представителями оживляет поручение Лаврова экономистам ГУСМП начать проработку деталей закупки для Игарки канадского гидролизного завода с ежегодной производительностью в 12 млн.

литров и партии автолесовозов, оборудованных соответствующими двигателями. Проектом предусматривалось дальнейшее расширение завода за счет цехов по производству пластмасс и кормового сахара для скота. «У нас нет права выбрасывать на ветер половину труда людей, в тяжелейших условиях добывающих этот лес и доставляющих его на Север. Игарка обязана сделать свое экспортное производство полностью безотходным!» — неустанно повторяла Остроумова.

Подготовка ко всем этим качественным изменениям происходила на фоне еще более впечатляющих количественных сдвигов: если в 1933 году из Игарки на 25 судах было вывезено 89,6 тысяч тонн лесных грузов, то за навигацию 1936 года на 41 пароход было погружено уже 139,7 тысяч тонн!

В эти годы расширяется не только игарское производство, но и география сбыта произведенных за Полярным кругом пиломатериалов. Потребность в них была вызвана успехом стратегии ГУСМП, направленной на динамичное развитие всех тяготеющих к Северному морскому пути районов страны. Начиная с 1934 года, новостройки Мурманского побережья во все возрастающих объемах снабжаются сибирским лесом, доставленным из Игарки. В одном только 1935 году туда приходит три загруженных на Енисее лесовоза. Значительное количество пиломатериалов поступает из Игарки и на рыбопромысловые предприятия енисейских низовьев, новые зверобойные базы Карского побережья, зимовки Таймыра (первые 46 сборных домов для Диксона, Дудинки и Писины были изготовлены игарчанами в 1934 году), на растущий горнодобывающий комплекс Норильска и на строительство Нордвика. Этот перспективный арктический порт, который С.А. Бергавинов назвал «нашей второй Игаркой», возился Б.В. Лавровым с той же самоотдачей, какая отличала его руководство строительством «первой Игарки». Теперь, когда первенец Лаврова превратился в надежный опорный пункт интенсивного освоения всего Севера, стало очевидным, что репортеры не напрасно окрестили Игарку «столицей Арктики». Ее возрастающая роль была отмечена и О.Ю. Шмидтом в его программном выступлении 1935 года «Наши задачи по освоению Арктики»:

«Создание порта Игарки на Енисее, сообщение с Леной, — все это ведет к тому, что мы будем вывозить продукцию Севера не только за границу, но и в Архангельск, во Владивосток, для нашего внутреннего рынка, и одновременно будем ввозить в Сибирь машины, будем индустриализировать край. У нас Северный морской путь становится ключом к развитию всей экономики края, — к развитию ее в высшей форме, а не такой примитивной, как добыча пушнины, зверя и тому подобного».

Курс ГУСМП на сокращение плаваний в балласте весомо подтверждался адресованными Игарке грузами, которые, как и во времена Сибирской компании, стали доставляться на Енисей более

дешевым морским путем, высвобождая Транссибирскую железнодорожную магистраль для дальневосточных перевозок. Некогда хорошо известное капитанам изречение Йонаса Лида: «В Сибири слишком хороший воздух, чтобы завозить его туда в наших трюмах из-за гравитации» — снова становится популярным, и трюмы идущих к причалам Игарки пароходов заполняются нужнейшими Северу грузами. Английский «Файруотер» доставляет ветродвигатели для освещения теплиц «Агроарктики» и новые пожарные автомашины. Среди двух с половиной тысяч тонн груза, привезенных Игарторгу голландским «Резеденом», значатся мука, детские игрушки, радиоприемники и табачные изделия. Советский пароход «Володарский» забрасывает в Игарку оборудование для хлебозавода — словом, Севморпуть вновь начинает работать в обоих направлениях.

Именно эта интенсивная работа превращает плавания на сибирский Север, еще недавно считавшиеся крайне рискованными, в притягательные коммерческие предприятия для западных судовладельцев, импортеров и экспортёров, которых раньше отпугивали высокие цены страховки, вызванные малой освоенностью Севморпути. Благодаря труду лоцманов (в игарском гидроотряде их к 1936 году уже было 16), гидографов, связистов, ледокольщиков и летчиков «страховая составляющая» стоимости северных перевозок постепенно принимает вполне приемлемые размеры. Так, если в 1921 году страховые затраты на транспортировку тонны груза составили на Севморпуть в среднем 10,6 руб. золотом, то в 1929 году они снизились до 2,4 руб., а к 1936 году — и до 1,5 руб., убедительно подтверждая минимальность здешнего риска. Решающим фактором этих перемен журнал «Советская Арктика» считал полярную авиацию: «Успех навигации 1935 года — первой нормальной навигации по всей трассе Северного морского пути — был в значительной степени обеспечен работой наших замечательных пилотов».

Будет справедливым повторить это же признание заслуг авиаторов и применительно к строительству Игарки. Отдельные редкие полеты на Игарскую протоку совершались еще в 1929—1930 годах, с полным основанием считаясь, по выражению Б. В. Лаврова, «мероприятием на грани авантюры». Чаще всего единственным пассажиром этих действительно авантюрных рейсов (севернее Енисейска всякая связь с землей заканчивалась и начиналась Великая Неизвестность) был сам Борис Васильевич, дважды застолкнувшийся с землей и, наконец, в начале и в конце навигации на протоке появлялся гидросамолет летчика Чухновского «Комсевморпуть-1», который использовался в качестве ледового разведчика, патрулировавшего на Северном морском пути участок от бухты Варнека до Енисейского залива.

Регулярные рейсы в Заполярье начались с февраля 1933 года, когда на заснеженный плес Игарской протоки опустился новенький «Н-5», пилотируемый Яном Липпом. Авиалиния Красноярск—Игарка обслуживалась в то время двумя машинами, совершившими за год 15 рейсов. Продолжительность рейса была непредсказуема: полет вдоль Енисея мог завершиться в тот же день, а мог и растянуться на несколько недель (пилот Фарих зимой 1931 года добирается до Игарки 45 дней) — в зависимости от погоды и числа вынужденных посадок. В 1936 году на игарской линии работало уже 6 самолетов, что позволило довести число рейсов за один только зимний период этого года до 103. По типам машин, использовавшихся в тридцатые годы для полетов на Игарку, можно легко проследить историю развития нашей гражданской авиации: здесь летали «Сталь-2» и «Юг-1», «Савойи» и «Ш-2», «Юнкерсы» и «АНТ-4», «МБР-2» и «Дорнье-Валь», а 10 июня 1938 года на протоку горделиво соскользнул комфортабельный двухмоторный «Дуглас», доставивший из Красноярска 23 пассажира за какие-то 8 часов! Это было совершенно неслыханно, и стоило пилоту выбраться на берег, как восторженные игарчане тут же принялись его качать. Пилотом «Дугласа» был их давний знакомый — летавший на Игарку с 1934 года Павел Георгиевич Головин. Другой прославленный летчик — Марк Шевелев, возглавивший к этому времениправление полярной авиации ГУСМП, на рекорде Головина останавливаться не собирался: «Надо поставить работу так, чтобы пассажир, сев в Игарке на самолет, через 6 часов был в Красноярске!» Заботился Марк Иванович и о сервисе: «Некоторые наши авиауправители считают, что, если пассажир доставлен из Красноярска в Игарку — все в порядке, а то, что пассажир не ел всю дорогу, — несущественно. Эти настроения надо ликвидировать!»

Головин, Липп, Махоткин, Боголюбов, Фарих, Шевелев, Водопьянов, Молоков, Садков, Чухновский — имена этих пионеров северной авиации в Игарке знали наизусть и делали на земле все возможное, чтобы как можно скорее превратить «мероприятия на грани авантюры» в самые обыкновенные почтово-пассажирские перевозки. При этом главным камнем преткновения чаще всего оказывались не большие расстояния или отсутствие связи, а обыкновенная бесхозяйственность, которую Шевелев называл «разгильдяйским наследством Комсевморпути». Вот, например, с чем пилотам игарской авиалинии приходилось иметь дело на Красноярской базе весной 1936 года:

«Самолет Н-54 не был вычищен, оставшийся снег растаял, на дне образовалась сырость, которая способствует гниению. Дно лодки покрыто синевой, сломана подножка, все электролампы выдраны ремонтниками с мясом».

«Самолет Н-102 — сломана фотоустановка, переборка из хвостовой кабины пробита в двух местах».

«Самолет Н-22 — недовернутый шплинт едва не привел к аварии (недовернули, потому что кончался рабочий день)».

«Самолет Н-53 — сломана трубка показателя скорости, погнуты кронштейны, сломаны шарниры дверки второй кабины, бензиновые трубы не закупорены».

При чтении такого рода актов контрольных проверок невольно хочется повторить отчаянное восклицание пилота Дмитрия Боголюбова: «Господи, и как оно у нас вообще летает?!» В те времена мало кто смущали газетные новости о ликвидации очередного МЕСЯЧНОГО затора на Игарку — иногда пассажирам случалось просиживать на красноярском острове Молокова и дольше.

После ознакомления с ситуацией Остроумова сообщила Бергавинову, что «из всех непочатых краев здешней партработы авиационный край — самый непочатый». Представления Валентины Петровны о партработе были предельно конкретными: по ее инициативе от Подкаменной Тунгуски до Диксона на линии появились теплые «ангарики», позволявшие техникам работать с двигателем при любой погоде; в перечень обязательного снабжения экипажа вошли лыжи, усиленный запас продовольствия и ракетница; краевое территориальное управление ГУСМП, увеличив оклады наземного персонала, смогло привлечь к работе ремонтников высокой квалификации, осуществлявших жесточайший контроль за предполетной готовностью машин, и середине 1937 года «мероприятия на грани авантюры» полностью сошли на нет, и Н-126, надежная новая «рабочая лошадка» Яна Липпа, стала с видимой регулярностью доставлять в Игарку по 6 пассажиров и по 120 килограммов почты.

Авиация занималась на Енисее не одной только перевозкой пассажиров и почты. «Глобальные» задачи, поставленные О.Ю. Шмидтом перед Игаркой, подразумевали неуклонное наращивание выпуска пиломатериалов для внешнего и внутреннего рынков, что требовало от руководства комбината пересмотра существующего порядка доставки сырья с верховьев Енисея. Огромная протяженность речного пути от Ангары до Игарки при возрастающих объемах лесосплава уже начинала обрачиваться для комбината затягиванием сроков доставки сырья вплоть до самого ледостава. Что в свою очередь вело к не-производительным затратам на зимнюю выколку этого леса из протоки и транспортировку к пилорамам. К поискам более близких к Игарке запасов леса ГУСМП, по ходатайству Лаврова, Остроумовой и Стукатера, привлек свою полярную авиацию, и Липп начал регулярный облет лесных массивов Эвенкии и Туруханского района. Первый такой полет был совершен Яном Степановичем на «Комсевморпути-2» в 1931 году, тоже по заданию Лаврова и тоже со специалистами

лесного управления на борту. Уже тогда их вердикт был положительным: около 50 миллионов гектаров лесопокрытой площади, тяготеющей к Игарке, могут использоваться для нужд экспортного производства!

Следующим этапом стало уточнение конкретных деталей намечаемого расширения сырьевой базы Игарки. На карты наносятся места перспективных вырубок, глубины сплавных рек, границы защищенных рейдов для формирования плотов и т. п. Одновременно принимаются меры к креплению красноярского речного флота: из Германии приходят на Енисей три мощных буксира типа «Красноярский рабочий» (они продолжали водить плоты и лихтеры в Игарку вплоть до восьмидесятых годов!), а в Красноярске идет интенсивное пополнение парка металлических и деревянных лесовозных барж вместимостью до 1000 стандартов. По расчетам Остроумовой и экономистов Леспрома, эти меры должны были уже к концу тридцатых годов свести на нет все убытки, которые приносила комбинату поздняя доставка сырья.

Заблаговременно обеспечивая свои сырьевые «тылы», игарчане помнили и о том, что «фронты» — т. е. сами лесозаводы — тоже нуждаются для выполнения новых крупномасштабных задач в коренной реконструкции. Третий лесозавод, место для которого было выбрано неудачно, «провалился» к этому времени настолько глубоко, что сменам приходилось спускаться в цех, как в шахту, а перекосившиеся фундаменты заставляли опасно вибрировать и без того до предела изношенные пилорамы «Кирхнер». Остроумова считала, что этот завод следует закрыть, и руководство комбината было с ней целиком согласно. Первый завод, чьи болиндеровские станки освятили в 1917 году еще маклаковский батюшка, «держал план» единственно самоотверженностью своего коллектива: табельная гравя «прогулы» оставалась на Первом заводе девственно чистой, зато «переработка» ежедневно до отказа заполнялась фамилиями ремонтников, рамшиков и пилоставов, остававшихся в цехе сверх всяких смен и норм. При всем уважении игарчан к ветерану заполярного лесопилиния было совершенно ясно, что и он является верным кандидатом на закрытие.

Второй завод со своими задачамиправлялся, но с трудом, испытывая постоянный дефицит электроэнергии, которой приходилось делиться с городом. В конце концов ГУСМП, игарское руководство и Леспром приходят к единому мнению: надо строить в Игарке новый, спроектированный по последнему слову техники четырехрамный лесозавод с собственной мощной энергетической базой. Его проектирование поручили ленинградскому филиалу «Гипропрома» с тем, чтобы первую продукцию новый завод смог отгрузить в навигацию 1939 года. Далее предполагалось выводить из эксплуатации устаревшие лесозаводы по мере вступления в строй

новых производственных мощностей, а обе высвободившиеся паро-силовые электростанции полностью перевести на обслуживание города.

Кстати, о дефиците электроэнергии. Он вынудил Остроумову принять почти героическое решение: вопреки настояниям Шмидта она отказалась от срочного ремонта графитной фабрики, законсервированной из-за неполадок. В принципе, и довести фабрику «до ума», и подключить ее к городской станции (видавшему виды локомобилю) было вполне возможно, но это означало бы погрузить Игарку во тьму, обрекая жителей на коптилки и керосинки, чего Остроумова с ее мечтой о «нормальном человеческом городе» допускать не собиралась.

Впрочем, не собиралась она и хоронить производство самого чистого в мире графита. После реконструкции лесокомбината «графитка» стояла на очереди второй, дело было только за энергией. Получить ее игарчане намеревались от новой городской электростанции на каменном угле, строительство которой планировалось на 1939 год. Завозимый в Игарку дудинский уголь был дорог — 156 руб. за тонну, но памятливый Лавров подсказал горсовету, где взять вчетверо более дешевое топливо. Его богатейшие запасы имелись рядом, под Клейкой, семью километрами выше рудника. Курейское рудоуправление в 1931 году заготовило для своих нужд около 3 тысяч тонн этого угля, но после закрытия графитной фабрики и отгрузки в 1933 году последних 10 тысяч тонн графита добычей угля никто более там не занимался. Остроумова намеревалась дать этот отличный дешевый уголь Игарке, воспользовавшись проектом узкоколейки, разработанным отделом капитального строительства лесокомбината еще в 1932 году. Помимо угля, был у Остроумовой и еще один топливный вариант, подсказанный ей геологами: нефть. «Возим все за тридевять земель, а у северян под рукой столько, что надо только не лениться руку протянуть», — писал в Игарку ознакомившийся с геологическими отчетами Бергавинов. Остроумова руку протянуть не поленилась, последствия чего засвидетельствовал побывавший на Севере корреспондент красноярского «Большевика Енисея»: «На рейде Игарки стоят большие морские суда, а на пассажирской пристани слышится громкий южный говор людей, прибывших из далекого солнечного Баку, чтобы здесь, в Заполярье, из-под вечной мерзлоты добыть стране нефть».

Еще одно подручное сокровище было обнаружено хозяйственными игарчанами и вовсе неподалеку, в двух шагах от Медвежьего лога. Возможно, слово «сокровище» плохо сочетается со словом «глина», но возведенному за несколько недель у Медвежьего лога кирпичному заводу весь город радовался ничуть не меньше, чем открытию нефти. А чуть погодя другие (но тоже хозяйствственные) игарчане натолкнулись в 12 километрах от порта на залежи известняка, после

чего на Черной речке развернулось бурное строительство небольшой известковой фабрики. При Остроумовой завод в Медвежьем был реконструирован, дав городу за первые 5 месяцев 1936 года 215 тысяч прочных кирпичей. Далее производство из нарашивалось, достигнув к 1938 году миллиона с лишним. По всей вероятности, игарчане все-таки приняли советы дедушки Калинина не слишком близко к сердцу, и весьма уважаемый в городе инженер-строитель Евгений Николаевич Деспотули стал все чаще писать в городскую газету о необходимости отказа от пожароопасного деревянного строительства.

А инженеры-геологи Мельников и Мейстер подкрепляли статьи Деспотули о будущем Игарки анализом возможностей артезианских скважин, пробуренных все у того же Медвежьего лога: «Наш город может и будет иметь свое постоянное водоснабжение!» О неотложной необходимости прокладки водопровода с качественной водой писала и санитарный врач Клименко, установившая, что «в одном кубическом сантиметре воды, потребляемой горожанами из комбинатовского водозабора, содержится 2000 бактерий». Идея строительства водопровода нашла единодушную поддержку у горсовета, профинансированного осенью 1936 года разметкой трассы от скважин к водонапорной башне, которую намечалось строить рядом с графитной фабрикой. Там же (поближе к воде и к котлу «графитки») приступили к строительству новой общегородской бани, просторной и светлой.

Игарка того замечательного периода во многом напоминала дружную коммуну из жуль-верновского «Таинственного острова» — здесь тоже постоянно что-то строили, мастерили, открывали. И открывали не только под землей! Одним из наиболее доходных предприятий ГУСМП стал консервный завод в Усть-Порту, напрямую подчиненный Игарке. Как, вероятно, помнит читатель, норвежское оборудование для него было завезено на Таймыр Йонасом Лидом при Колчаке, затем оно почти целое десятилетие пребывало в нераспакованном виде в портовом складе, и только Лавров во время инспекционной поездки 1929 года заставил извлечь его на свет божий и смонтировать. Первую опытную партию продукции (568 банок рыбных консервов, признанных экспертами превосходными) завод выпустил той же зимой, получив от Лаврова распоряжение постепенно довести производительность до двух с половиной миллионов банок в год. Так бы оно несомненно и случилось, но помешала катастрофа: пожар 1930 года уничтожил все цеха и часть норвежского оборудования. Обугленные руины были заброшены до 1935 года, когда за восстановление зданий и реконструкцию оборудования с обычной целеустремленностью взялась Остроумова. В Усть-Порт ее был откомандирован десант игарских мастеров на все руки, Бергавинов оказал им помочь в приобретении дополнительных станков и электростанции, и уже к осени усть-портовский «Феникс» возобновляет

выпуск продукции. Прочитав в игарской газете объявление «Во всех продовольственных магазинах имеются в большом выборе рыбные консервы, изготовленные на заводе Севморпути в Усть-Порту: стерлядь, таймень, нельма, муксун, си», заезжие гости Игарки стремглав бросались к прилавкам и «сметали» деликатесную усть-портовскую продукцию с таким энтузиазмом, что в 1936 году было решено направить пробную партию из двухсот тысяч банок в Москву. Годом позже партия в 50 тысяч банок добиралась и до Лондона. Ни в той, ни в другой столице никаких нареканий на качество енисейской продукции не появилось, и в Игарке начали готовиться к расширению экспортных поставок. Оно намечалось на 1939 год, когда консервное производство должно было пройти модернизацию, а фабричный флот — получить два заказанных в Архангельске мотобота и шесть моторных лодок-кавасаки для озёрного лова.

«Фронты» освоения игарчанами Севера неуклонно расширялись. Заполярный порт из сугубо лесоэкспортного постепенно превращался в мощную базу полярной авиации, сборного домостроения, сельского хозяйства, геологоразведки, пищевой индустрии, наконец, в развитый центр научных исследований — к станции мерзлотоведения, руководимой академиком П.И. Мельниковым, и опорному пункту Ленинградского института растениеводства во главе с М.М. Хренниковой добавились филиал НИИ полярного животноводства, зональная станция Всесоюзного арктического института и опытный цех Тимирязевской сельскохозяйственной академии, возглавляемый профессором П. Г. Шиттом. Все это — от исследований до лесоэкспорта — нуждалось в надежной связи.

Начало ей было положено в 1929 году маломощным (100 ватт) длинноволновым передатчиком, чаще всего «дотягивавшим» только до Туруханска, да и то при условии, что пилорамы в это время бездействовали: распиловка бревен требовала от лесозаводской электростанции стопроцентной отдачи энергии, передатчику не оставалось ничего. В 1931 году на смену ветерану пришел коротковолновый 250-ваттный передатчик, который мог поддерживать связь с Иркутском, Новосибирском, Красноярском и Диксоном. С 1930 года в городе работают «кустарный» радиотрансляционный узел, обслуживавший 75 радиоточек. В октябре 1934 года горсовет добился через Бергавинова закупки нового 300-ваттного радиоузла, позволившего довести число городских радиоточек до тысячи, причем доля собственной игарской радиоредакции к 1937 году составила около полутора часов из шестичасового ежедневного объема трансляции. В дополнение к проводной трансляции Игарка через двухкиловаттный передатчик РВ-85 вела также и эфирное вещание, в основном предназначение для обслуживания северных факторий и станков. Образованный в 1938 году Игарский радиокомитет имел свою вещательную

студию, оборудованную винтrolой с двумя сотнями пластинок, рожаем и пианино. В 1934 году начал работу мощный 4-х киловаттный приемопередающий радиоцентр Наркомата связи с тремя передатчиками. Стабильной служебной связью располагали к этому времени и портовики, авиация, водники, а также трест «Севполлярлес». И хотя Валентина Петровна была последовательным противником ведомственной разобщенности, от связи она отступилась, поняв, что профессиональная взаимовыручка всегда стоит у игарских связистов на первом месте, вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Если в одном номере газеты можно было прочесть, что «радисты гидроотряда отремонтировали для рыбаков Пясинской экспедиции шесть радиоприемников «БИ -234», то в другом сообщалось, что «установку четырех радиостанций на флагмане «Циркуль» и на пароходах «Лаптев» и «Минин» произвели начальник узла связи Поскаренко и радиотехник Крылов», — северное братство было в Игарке одинаково прочным на земле, на воде и в эфире.

Семимильными шагами развивалась и телефония. Уже в 1929 году в Игарке заработал первый телефонный коммутатор на 30 номеров. К 1934 году телефоном пользовалось уже 240 абонентов. В феврале 1935 года была открыта служебная телефонная связь с Красноярском (для граждан она ежедневно работала с 11 до 12 часов дня), а спустя еще три месяца, 24 мая, установка антенн прямой связи и усовершенствованных игарчанами усилителей позволила провести первый пробный разговор с Москвой.

К осени игарские статуи Рут Грубер надиктовывались через Москву прямиком в Соединенные Штаты, причем на качество связи ей ни разу пожаловаться не пришлось. Это стало заслугой не только отличной техники, но и отличных специалистов связи. В Игарке по контрактам с ГУСМП работали тогда многие воистину асы эфира: Н. Дождиков (это он в 1917 году через Царскосельскую станцию передал миру первые ленинские декреты), известный ленинградский радиоконструктор, начальник передающего центра В. Поляков, виртуозный мастер арктической связи В. Ткачев, именем которого ныне названо одно из судов Мурманского пароходства и другие. Эти увлеченные люди создали в Заполярье настоящую школу знающих и преданных своему делу связистов. Наиболее известным из них в Игарке несомненно был Виктор Александрович Корсак. Прибыв летом 1929-го на строительство заполярного порта, восемнадцатилетний Виктор начинал с землемета, затем работал плотником, в совершенстве освоил на лесокомбинате ключевую профессию рамщика, но окончательно нашел себя только в связи, которой и посвятил всю свою жизнь в Игарке. Впрочем, можно сказать, что связи с лесопилением он не потерял, выбрав себе в жены первую красавицу (и одну из лучших сменных мастеров) первого лесозавода Граню Чанчикову — недаром семью Корсаков называли «первой парой на Игарке»!

К слову, о парах: иностранные журналисты, будто говорившись, окрестили местный ЗАГС «главным игарским производством». Браки заключались здесь едва ли не ежечасно, что само по себе не было столь уж удивительным для молодого города. Удивляло журналистов другое: Игарка, еще недавно сотнями хоронившая жертвы цинги, за какие-то несколько лет превратилась в город с самой низкой детской и взрослой смертностью в Красноярском крае! Этим по праву могли гордиться и игарские врачи, и труженики «Агроарктики». И, конечно же, С.А. Бергавинов, словно неким волшебным магнитом вытягивавший в Игарку медицинских специалистов из лучших клиник Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов. «Вот народ ко мне и валит валом, раз жизнь такая здоровая», — хохоча говорила Питеру Смолке «самая популярная женщина города», 19-летняя регистратор ЗАГСа Клава Микешина.

Помимо медиков, «валивший валом народ» был по всей вероятности, обязан здоровой жизнью еще и счастливому ощущению наполненности бытия, которое в те годы стало здесь почти привычным. Каждый день одаривал Игарку радостными событиями. Важными — а иногда почти незаметными, долгожданными — а иногда вовсе неожиданными. Но при всем своем разнообразии, эти большие и малые события изо дня в день постоянно укрепляли у игарчан веру в себя, в свой город, в будущее.

Вот стали один за другим приезжать театры, привлеченные расходившимися по всей стране слухами об удивительном заполярном городе, где люди — «ну, не знаю, как тебе объяснить, — в общем какие-то они не такие, как все...» — и Игарка полностью оправдывала ожидания прославленных артистов, приобщая их к своему взлету и заставляя пережить редчайшие минуты творческого вдохновения, память о которых они сохранят на всю жизнь. Когда год спустя Игарка обзавелась собственным Заполярным театром, его отдел кадров засыпали предложения со всей страны — актеры лучших театров мечтали хотя бы один сезон поработать для игарской аудитории. Причину ее уникальности народная артистка Вера Пашенная безошибочно указала в интервью, данном Питеру Смолке: «Мы нашли здесь аудиторию из НЕИСПОРЧЕННЫХ ЛЮДЕЙ, пусть даже с не слишком развитым вкусом, но с более глубоким и открытым выражением человеческих эмоций, нежели я когда-то где-то встречала».

Вот с раннего утра 12 августа 1936 года выстраивается перед сберкассой Ивана Николаевича Прянишникова очередь по-праздничному настроенных игарчан: Остроумова с Бергавиновым выбили для Игарки у Наркомфина целевую трехмиллионную ссуду под развитие на севере личных хозяйств (московские газеты еще ликуют по поводу полной ликвидации кулачества как класса!). Впервые за много лет люди получают возможность снова ощутить себя хозяевами: начата выдача беспроцентных кредитов на три года для покупки коров, сви-

ней, кур. Из Красноярска уходят на север баржи с «поголовьем для Игарки», в конце Трудовой улицы открывается лабаз по продаже комбикорма, овса и отрубей, и знаменитая виза «Годен!!!» украшает личное дело прибывшего в заполярный порт ветеринарного светила из Костромы Андрея Прокофьевича Корниенко. Помещенный в газете призыв Остроумовой «Обзаводитесь скотом и птицей!» оказался подкрепленным — как это всегда бывало при Валентине Петровне — прочной «материальной базой».

Был спущен с английских стапелей новый лесовоз «Игарка» дедвейтом в четыре тысячи тонн, который по всем морям и океанам понесет теперь имя их города. До сих пор таким большим судам решением правительства присваивали только названия республиканских столиц: «Киев», «Алма-Ата», «Тбилиси» — и вдруг та же честь оказана затерянному среди снегов маленькому сибирскому порту... Спасибо Отто Юльевичу!

Был протянута за Медвежий лог первая «автотранспортная линия», связав комбинат и порт с Пробуждением, давно уже превратившимся из «раскулаченного поселка» в неотъемлемую составную часть города со своими магазинами, клубом, школой и амбулаторией. Это значило, что игарчане сдержали слово, во всеусыпашение данное газетой сотням сосланных сюда крестьян: «Возвратить к общественной жизни семьюсот семей бывших трудопоселенцев!» На Большой земле их научут считать «бывшими» только десятилетия спустя, в Игарке же любой, кто честно трудился на благо города, мог рассчитывать на поддержку, не дожидаясь далеких реабилитаций. Поэтому, когда в 1936 году постановление ЦИК вернуло раскулаченным свободу передвижения (родителям — относительно, а их детям — полную), то из Игарки не захотел уехать никто! Общие чувства выразил тогда в газете рабочий лесокомбината Терещенко:

«Я ничем не был обижен за то время, как живу в Игарке с 1931 года. Когда нас отправляли на север, то пугали: мол, едете на смерть, вас хотят уничтожить. А получилось совсем другое — мы получили здесь квалификацию, нас и наших детей учили и учат. Живу хорошо — имею квартиру, птицу, корову, свинью. Игарка стала мне родным городом, где и буду жить после того, как стал равноправным со всеми гражданином».

Вот вышла в Москве написанная игарскими детьми книга «Мы из Игарки», сразу же ставшая знаменитой на весь мир, — не потому, что ее создание было связано с именами Горького и Ромена Роллана, но прежде всего потому, что книга получилась необычайно ясной, доброй, пронизанной светом и радостью. Другой такой книги в СССР 1937 года не было. Да и не могло быть — ведь второй Игарки тоже не было...

Бывающая через край игарская жизнь завораживала всех, кто приезжал в заполярный порт. Нет, журналистов притягивал сюда далеко

не один лишь пафос освоения первозданной северной глупши, и даже не простота получения через ГУСМП въездной визы. Главным объектом притяжения здесь всегда оставались сами игарчане. Хотя почти все посещавшие тогда СССР зарубежные писатели, казалось бы, не сомневались в абсолютном однообразии советских мнений. Кого-то это раздражало, кого-то умиляло, но и те и другие были согласны с Андрэ Жидом, точно подметившим: «Когда вы говорите с одним русским — вы говорите со всеми russkimi сразу». Хоть в Москве, хоть в Куйбышеве люди повсюду говорили и думали одинаково. Повсюду — кроме Игарки! Все, кто писал о ней, отмечали неслыханную независимость и многообразие здешних суждений. Плюс к тому — бросившуюся в глаза еще Леонарду Мэттерсу «неподдельно общую сердечность и отсутствие каких бы то ни было социальных различий». Но еще более поражал гостей города тот факт, что в Игарке никогда не замечалось страха перед иностранцами, и это касалось как рядовых игарчан, так и официальных лиц. Мэттерс почти с растерянностью пишет, что «наши лондонские газеты отзывались о деятельности чекистов в очень мрачных тонах, но в местном главном офицере я лично ничего отталкивающего не нашел. Во время обстоятельной беседы он произвел на меня впечатление вполне гуманного человека». Растерянность англичанина понять можно: где, в каком еще городе чекисты без всяких вышестоящих санкций стали бы обстоятельно беседовать с первым встречным иностранцем?!

Сердечная открытость игарчан и их полная достоинства хозяйская гордость за свой город впоследствии сыграли злую шутку со многими из их гостей. Решив, что Игарка является типичным советским городом, они вернулись домой убежденными сторонниками коммунизма! Отто Хеллера, например, это привело в нацистский концлагерь, а Питера Смолку обеспечило пожизненной кличкой Смолка-шпион, которой удостоила его британская журналистская братия. Боясь, что приблизительно те же перемены произойдут и с экипажами приходивших в Игарку иностранных судов, их капитаны нередко отказывали своим морякам в разрешении сойти на игарский берег. И не без оснований: директор интерклуба Джордж Норейкс был отнюдь не единственным моряком, оставшимся в Игарке.

Больше всего хлопот игарчанам доставил ирландский мятежный кочегар Патрик Кейзи, который без колебаний бросил свой пароход, «чтобы из красной Игарки начать подготовку к свержению в Ирландии ненавистного британского ига». Поначалу беглеца чуть ли не носили в Игарке на руках. Однако подготовку к «свержению ига» Кейзи вел несколько своеобразно: выпивал неимоверное даже по сибирским меркам количество водки, а в краткие минуты прозрения ошеломлял грузчиков отличным произношением специфически русских пожеланий английскому королю. Более он в Игарке ничем заниматься не хотел, и, поскольку такая «ирландская рево-

люция» показалась некоторым братьям по классу (а точнее — соседям Кейзи по общежитию) довольно соблазнительным занятием, то директор комбината, не выдержав, отправил «ирландскую заразу» на перевоспитание в Курейку, определив его там старшим истопником комбинатовского дома отдыха. Но уже через неделю курейчане впали в панику и умостили капитана щедшего мимо «Партизана Щетинкина» забрать Кейзи в Красноярск. Речники капитулировали задолго до Красноярска, ссадив неукротимого ирландца в Туруханске, откуда вскоре полетели в Игарку милиционские требования срочно забрать «вашего буйного». Буйного забрали, но к этому времени навигация уже закончилась. Проведя в дальнейшей подготовке к свержению ига незабываемую для окружающих (сам Кейзи мало что помнил) зиму, Великий Мятежник был торжественно сдан капитаном порта Постовым на первый же английский пароход, после чего Игарка, Курейка и Туруханск смогли наконец вздохнуть с облегчением — они явно не подходили для проведения мировых революций.

.. В наши дни часто слышны печальные прогнозы о том, как много потребуется лет, денег и перемен, чтобы вытравить из людских сердец последствия былого долгого кошмара. Опыт стремительного взлета Игарки говорит нам как раз об обратном: как мало нужно, чтобы люди вновь ощутили себя людьми! Нет, — у игарчан не было ни легких заработков, ни роскошных вилл, ни даже водопровода (а уж насчет уличных игарских туалетов Рут Грубер как-то обмолвилась, что раз она смогла вынести ТАКОЕ, то ей более уже не страшно ничего на свете). Всего этого — и многих иных благ — в Игарке не было. Но там было другое. Было умение держать слово. Была справедливая оценка честного труда, и сам этот труд был осмысленным, востребованным, необходимым. Была всеми уважаемая компетентная власть, которая знала, что следует делать, как следует делать и каковы будут последствия этих действий. А значит, была и общая вера в завтрашний день, создаваемый всем игарским миром, без различия на «они» и «мы». И наконец, было гордое чувство принадлежности к единому северному братству, которое никогда не подведет, никого не обманет и все превозможет. Так мало понадобилось Игарке, чтобы стать Игаркой... Или все же — так много?

Похоже, что эта глава никак не может завершиться. Игарка словно не хочет нас отпускать, говоря: «Не уходите, побудьте со мной еще хоть немного, мне еще есть столько рассказать о счастливом времени моего взлета!» Но уходить нужно — ибо в двери нашего повествования уже стучится новое, совсем иное время. А попрощаться с навсегда уводящей от нас Игаркой середины тридцатых годов нам помогут строки Рут Грубер:

«Мы стояли на мостице «Анадыря», и руки наши не уставали передавать привет всем и каждому из собравшихся на берегу. Нас вышли проводить все, кто не был в смене: лесопильщики, грузчи-

ки, инженеры. Лиза в красном платке скандировала, прижав ладони к губам: «При-еэ-жай на тот год!» Малобитков из городской газеты сломя голову несся по склону, чтобы успеть передать забытую мной в редакции авторучку — и впрямь: что это за американский корреспондент без авторучки?! Вся редакция моей — теперь и моей! — газеты выстроилась наверху, отчаянно размахивая руками. Рядом стояла Романовская в окружении труппы Заполярного театра, сквозь толпу провожающих пробивался к трапу дорогой мой капитан Пестов, прижимая к груди обещанный мне красный русский словарь... Я вдруг судорожно начала застегивать свой плащ, не в силах осознать, что сжало мне внезапным холодом душу: раннее сентябрьское утро или пронзительное чувство разлуки с близкими? И в это ранящее мгновение я поняла, что говорю «прощай» неповторимейшему из арктических городов мира. Я поняла, как счастливы были мои дни, проведенные в этом городе. И еще я поняла, что никогда не смогу забыть его».

ИГАРСКИЙ ХРОНОГРАФ

- 1932 г. — К весне число жертв цинги составляет 1805 человек.
- Карательный отряд из Игарки подавляет на Таймыре восстание долганских оленеводов, руководимых Романом Бархатовым.
- В погрузке занято 281 лошадь
- 25 морских судов увозят из Игарки 123 тысячи кубометров леса.
- Создание ГУСМП во главе с О.Ю.Шмидтом (17 декабря).
- За год Игарка доводит выпуск пиломатериалов до 337 тыс. куб.м.

- 1933 г. — К весне численность заболевших цингой составляет 3555 человек.
- Площадь теплиц подсобных хозяйств увеличивается до 600 кв.м.
- В Курейке для игарчан построен дом отдыха.
- Завершение строительства графитно-обогатительной фабрики.
- Открытие авиалинии Красноярск — Игарка.

- Число врачей в двух больницах и амбулатории комбината возрастает до 8 .
- 25 морских судов увозят из Игарки 149 тыс. куб.м леса.
- Открытие детской и женской консультаций.
- Начало работы рентгеновского и физиотерапевтического кабинетов.

- 1934 г. — В Игарке открыт филиал всесоюзного института экспериментальной медицины.
- Степень использования сырья под экспорт составляет 34 %.
- Лесокомбинат осваивает сборное домостроение для северных городов.
- 26 морских судов увозят из Игарки 156 тыс. куб.м леса.
- Открытие игарского филиала Института полярного земледелия и животноводства.
- Население города достигает 10 000 человек.

- 1935 г. — Игарский политотдел ГУСМП возглавляет В.П.Остроумова.
- К навигации построены первые 315 метров постоянного причала.
- Тираж ежедневной городской газеты возрастает до 2400 экземпляров.
- Делегацию игарчан принимают в Кремле (14 июля).
- Постановление правительства «О работе Игарского горсовета в области хозяйственного и культурного строительства» (25 июля).
- Гастроли в Игарке заполярного театра ГУСМП.
- Начало кредитования индивидуального строительства и приобретения скота.
- Игарский комбинат производит 70% всего объема енисейского экспорта, процент полезного выхода возрастает до 44, Игарку покидают 32 лесовоза.
- Краевая ветеринарная инспекция отмечает, что в Игарке «все 514 коров и 480 лошадей имеют хорошую упитанность и находятся в здоровом состоянии».

- Игарский горсовет получает первый в городе легковой автомобиль «М-1».
- Число заболеваний цингой снижается до 3 за год.
- Население составляет 12000, в среднем ежемесячно рождается 48 малышей и еженедельно заключается 4 брака. За год зарегистрировано 6 разводов.
- По проценту грамотного населения город выходит на первое место в крае (из 12 000 игарчан неграмотны лишь 237), в городе действует 9 школ, 18 пунктов ликвидации безграмотности и 3 кружка иностранных языков.

1936 г. — Открытие в Игарке зональной станции Всесоюзного арктического института.

- Создание постоянной Игарской авиабазы.
- Городом получены 2 грузовика «ГАЗ-АА» и 1 «ЗиС-5».
- Построен мост через Медвежий лог.
- Правительство разрешает Игарскому горсовету предоставлять льготы спецпоселенцам (10 июля).
- Аэрофотографическая экспедиция Веденникова завершает прокладку постоянных авиаатрасс. Из Игарки к городам и поселкам Таймыра.
- Открытие Интернационального клуба моряков.
- Из Игарки уходит 41 лесовоз со 180 тыс. куб. м леса.
- Открыта телефонная связь с Красноярском и Москвой.
- Гастроли в Игарке артистов Малого и Большого театров.
- В состав советского торгового флота вступает лесовоз «Игарка».

1937 г. — Постановление правительства о выделении Игарского района в самостоятельную административно-территориальную единицу (27 февраля).

- А. Климов завершает работу над книгой игарских детей «Мы из Игарки».
- Окончание строительства Игарской нефтебазы.
- Игарский комбинат доводит полезный выход пескоэкспорта до 52 %.

- Открытие игарского Заполярного театра имени В.Пашенной.
- Город переходит с московского на местное поясное время (24 мая).
- Нарком лесной промышленности издает приказ № 643 от 5 августа о полной реконструкции Игарского комбината, намечаемой на 1939—1942 годы.
- Из Игарки уходит 28 крупнотоннажных судов со 167 тыс. куб.м леса.
- Трест «Севполлярлес» решает полностью переключить производство экспорта на Игарку, используя продукцию других заводов только для внутренних нужд.
- Тяжелые льды обрекают на зимовку у Диксона последний караван лесовозов.

ДВЕ ВОЙНЫ

... и что положено кому - пусть каждый совершил

(из песни фронтовых лет)

1938 - 1954

На первый взгляд мораль предыдущей главы: построение коммунизма с человеческим лицом вполне возможно. Нужно только собрать для этого побольше умных честных людей, дать им полную свободу в осуществлении поставленных партий задач, выделить соответствующие средства — и дело в шляпе. Отто Юльевич Шмидт был настолько уверен в благополучном завершении игарского эксперимента, что твердо заверил всех: «Игарка — это маяк, который покажет миру, на что способны большевики!»

А что же Йонас Лид, следивший за происходящим на енисейском Севере с ревнивым вниманием отца, насиливо оторванного от своего ребенка? Он тщательно собирая и анализировал все, что появлялось на Западе и в СССР о Севморпути и в конце двадцатых годов был настроен скептически: «В мое время Игарка была обычной рыбакской деревней, — почему они решили перенести туда, за Полярный круг, лесопиление, которое и в Маклаково обходилось нам не так уж дешево? Пилил лес на крайнем Севере можно только себе в убыток. Не понимаю!»

Но проходит несколько лет, и тон записей норвежца заметно меняется: «Прогресс освоения русской Арктики грандиозен, мне не совсем ясны его чисто коммерческие аспекты, но в конечном итоге работа на будущее всегда окупается. Я чувствую, что там, как и во времена нашей Сибирской компании, делается история. Похоже, что Шмидту дана полная свобода рук, и он пользуется ею с дерзкой изобретательностью настоящего ученика. С какой охотой я вновь променял бы легкую тысячу фунтов, заработанную здесь, в Лондоне, на трудные сто фунтов от развития енисейской торговли! Но я им больше не нужен...»

Будучи человеком обстоятельный, Лид следит не только за ходом освоения Арктики, но и за тем, что происходит в Москве. Радоление выписываемой им советской прессы, череда явно отрежиссированных политических процессов и оглушающий хор правительственные словословий «великому ученику Ленина» заставляют Лида обратиться к отправляющемуся в Игарку корреспонденту «Таймс» Питеру Смолке с просьбой передать Шмидту некоторые его опасения. В своей уютной холостяцкой квартирке на Полл-Молл норвежец говорит недоверчиво слушающему его журналисту: «Я постоянно слежу за действиями руководителей компаний Северного морского пути и не устаю повторять: эти люди гениальны! Но если явижу это здесь, на Полл-Молл, то можно предположить, что в Кремле это тоже замечают. А там, судя по всему, уже пришли к твердому убеждению, что России нужен только один гений!»

Через несколько дней Смолка встретился со Шмидтом в советском посольстве, но никаких упоминаний о том, было ли передано руководителю Севморпути предупреждение норвежского бизнесмена, в мемуарах Смолки и у его биографов нет. Он пишет лишь о

«романтичном энтузиазме» Отто Юльевича, завершившего долгую беседу с англичанином словами: «Как и прославленный полярный исследователь Вильялмур Стефанссон, мы верим в «дружелюбную Арктику». И стараемся заслужить ее дружбу делами».

Смолка не ошибся, приславший Шмидта и его коллег к романтикам Севера. Однако романтика ничуть не мешала им вкладывать в понятие «дружелюбная Арктика» вполне конкретный смысл, который, в частности, заключался и в том, чтобы сделать все операции ГУСМП полностью рентабельными. Шмидт добивался этого, действуя одновременно по целому ряду направлений — от стимулирования высокой производительности труда и сближения сырьевых баз с промышленными центрами до всемерного снижения себестоимости экспорта и предельной интенсификации процесса грузообработки в портах. Лавров и Бергавинов пришли к убеждению, что далее Арктику следует осваивать, не увеличивая флот чрезвычайно дорогих ледоколов, а совершенствуя согласование работы речников, портовиков и моряков. Такая согласованность позволила бы многократно увеличить пропускную способность портов даже при очень коротких сроках навигации по чистой воде, — точь в точь, как это было при Лиде.

Курс на интенсификацию процесса погрузки, который целенаправленно проводили в Игарке Остроумова, Пестов и Варакин, привел к ощутимым успехам: в 1937 году порт вышел на самоокупаемость. У экономистов ГУСМП появились все основания считать, что после намеченной коренной модернизации лесозаводов Игарка сможет уверенно перейти к следующему этапу — от самоокупаемости к высокой прибыльности. Одним из главных факторов такого оптимизма было наличие в городе единого мощного хозяина — ГУСМП, координировавшего там абсолютно все, шла ли речь о полярной авиации, о торговле или о реконструкции кирпичного завода.

Не менее важным обстоятельством был и авторитет этого единого хозяина — имена Пестова, Лаврова, Шмидта, Остроумовой, Евгенова, Стукатера, Бергавинова, Хренниковой были знакомы миллионам советских и зарубежных читателей по статьям в популярных журналах, сборниках, газетах. Игарчане, знавшие этих людей лично, успели привыкнуть к тому, что высокая должность вовсе не подразумевает начальственного отчуждения от «рядовых тружеников». Капитан С.С. Пестов мог, забыв о сне, помчаться ночью на моторке в Плахино, чтобы доставить рыбакам соль. Валентина Петровна Остроумова, проведя две хлопотные недели в организованном ею Потаповском оленеводческом хозяйстве, удостоилась от местных старейшин благодарного логического построения: «Олень тебя очень любит. Олень плохого человека никогда не любит. Ты, Валентина, очень хороший человек!» Замечательный игарский хозяйственник Абрам Абрамович Стукатер, ведавший экономикой фактически все-

го Таймыра, работал по 20 часов в сутки, но без колебаний отложил отпуск, чтобы уступить свое место в самолете заболевшему ненцу. Начальник Политуправления С.А. Бергавинов мог по просьбе Острорумовой перевернуть всю страну в поисках то «наилучшего» гинеколога, то «наилучшего» повара для игарчан. Его присказка «раз в Игарку, то ничего не жалко» стала негласным девизом отдела кадров ГУСМП. Да и сам профессор Шмидт, наезжая в свою «столицу Арктики», умел ничуть не обижаться на восторги игарчан, запутавшихся в его «карабасбарабасовской», знаменитой на весь Север бороде.

Короче говоря, Йонас Лид был прав: руководство ГУСМП обладало полным набором именно тех качеств, которые были глубоко ненавистны Сталину. Талантливые, самостоятельные и высокообразованные люди, пользовавшиеся к тому же всеобщей любовью, вызывали у недоучившегося тифлисского семинариста только одну реакцию: жгучее желание стереть таких людей в порошок. Его ненависть должна была обостряться в данном случае и тем обстоятельством, что в отличие от многих других наркоматов «северное министерство» работало как часы, не давая никаких формальных поводов к руководящему гневу. Но Иосиф Виссарионович и не спешил, зная, что рано или поздно ему обязательно представится случай удовлетворить свою «одну, но пламенную страсть». Долго ждать вождю не пришлось.

У игарчан, провожавших ясным морозным днем 18 октября 1937 года последние лесовозы успешно завершившейся 18-й Карской навигации, не было никаких дурных предчувствий. Духовой оркестр пожарной охраны отыграл на причале прощальный марш, разбежались по домам слегка охрипшие от дружных «Ура!» ребятишки, и только ярко-красный билплан городского аэроклуба еще долго совершал круги почета над уходившими по Енисею к морю «Сталинградом» и шестью пароходами республиканской Испании. Даже синоптики не смогли предугадать, что дальше Диксона эти суда не пройдут — атлантический циклон превратит Арктику в ловушку не только для каравана из Игарки, но и еще для шестнадцати пароходов, огибавших по Севморпути сибирские берега. Во льдах «застряли» продукты и топливо к бурильным установкам для Нордвика, где люди оказались без работы и без запасов продовольствия, «Вторую Игарку» спасли только железная воля и авторитет Лаврова, который не улетел в Москву, а остался вместе со всеми на труднейшую в истории Нордвика зимовку, заявив: «Игарчане нам пропасть не дадут. И с горючкой выручат. Будем жить и будем работать, даю слово». Не легче сложилась обстановка и в других портах Севморпути — Певеке, Тикси, Хатанге. Вышедший тремя годами позже с грифом «Для служебного пользования» сборник «Арктические навигации» последствия циклона описывает так:

«Испанцы зазимовали в бухте Превен с 4 ноября 1937 года по 6 августа 1938 года; «Манугу» (5450 т леса) «Кондина» (4264 т), «Баурдо» (4097 т), «Джозина» (5323 т), «Лучана» (4800 т) и «Ичас-Гане» (5080 т). Необычная обстановка вызывала ужас у малоопытных иностранных судоводителей и оказывала плохое моральное действие на судовые экипажи, большую часть которых пришлось потом эвакуировать, восполняя там недостаток людей моряками с ледокола «Ермак» и парохода «Сталинград». В целом на Севморпути в навигацию 1837 года был заморожен почти весь ледокольный флот и около половины транспортных судов». С.А. Бергавинов той осенью отметил, что «таких тяжелых ледовых условий в северных морях не наблюдалось с начала века».

Случившееся было для Севморпути редким, но отнюдь не исключительным явлением. Зеркально схожая ситуация вновь возникла в Арктике почти пятьдесят лет спустя, когда тиски ледового капкана намертво зажали множество вполне современных судов. При этом 30 из них получили тяжелые повреждения, а теплоход «Нина Сагайдак» затонул, раздавленный льдами. Это произошло при наличии спутникового прогнозирования, атомных ледоколов, космической связи и прочих технических чудес. Но за полвека до гибели «Нины Сагайдак» ни один (!!!) из зимовавших в 1937—1938 годах пароходов не погиб и на капитальный ремонт не встал, что говорит, как минимум, о правильном использовании специалистами ГУСМП богатейшего поморского опыта зимовок в ледяном плена. На ледоколах и транспортах не воспринимали свой внезапный плен как роковую трагедию: северяне хорошо знали, что над Арктикой невозможно одерживать победы — к ней можно только приоравливаться. Это всегда понимали и в Кремле: кинотеатры страны еще продолжали показывать хронику торжественной правительственной встречи челюскинцев, чей пароход погиб при куда менее извинительных обстоятельствах мягкой зимой 1934 года. Поэтому не было ничего удивительно-го в том, что, по словам А.П. Бочека, капитана зазимовавшего осенью 1937 года в проливе Вилькицкого теплохода «Моссовет», в его красном уголке многие оптимисты уже шутливо потирали руки, предвкушая шквал орденов, который обрушится на ГУСМП по окончании зимовки. И шквал обрушился. Но вовсе не тот, что обсуждались шутниками с «Моссоветом». Упомянутый выше закрытый сборник «Арктические навигации» завершает в целом сочувственно описание благополучной массовой зимовки неожиданным для читателя пассажем:

«Признав итоги навигации 1937 года неудовлетворительными, Совет Народных Комиссаров СССР в постановлениях от 28 марта и 29 августа 1938 года отметил, что причинами столь тяжелых ошибок в навигацию 1937 года, а также причиной других существенных недостатков в работе ГУСМП являются: плохая организованность, на-

личие самоуспокоенности и зазнайства, а также совершенно неудовлетворительная постановка дела подбора работников, что создало благоприятную обстановку для преступной антисоветской деятельности вредителей в ряде органов Главсевморпути».

Более красноречивой команды «Фас!» чекисты не получали со временем шахтинского дела. И правившая с поводков лубянская свора отреагировала на сталинский приказ молниеносно (тем более, что формулировка «неудовлетворительная постановка дела подбора работников» исчerpывающей точностью указывала на объект атаки). Открыв весной 1938 года апрельский номер журнала «Советская Арктика», его подписчики прочли в статье «Приговор советского народа» жуткие, словно списанные с приговоров средневековой инквизиции строки:

«Бандит Бергавинов и его шайка совершили чудовищные преступления против Родины. Они вредили на всех участках, губили людей и материальные ценности, всячески стремились подорвать освоение Севморпути, освоение, блестящее проводимое под руководством товарища Сталина. По их прямой вине зазимовали суда в прошлогоднюю навигацию, они всячески пытались сорвать хозяйственное и культурное строительство народов Крайнего Севера. Но не только этим ограничивалась их контрреволюционная подрывная работа. Бандит Бергавинов по прямому заданию врага народа Гамарника подготовлял террористический акт против вождя народов товарища Сталина, против руководства партии и правительства. Оуществить это чудовищное преступление, к счастью, не удалось. Славные наркомвнудельцы поймали всю его банду наемных убийц и избавили советский народ от неслыханных бедствий».

Вряд ли в Игарке были знакомы с творчеством тогда еще не переведенного на русский язык английского поэта Джона Донна. Но не приходится сомневаться, что пророческие слова Донна: «Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол, ибо он звонит по тебе» — были в той или иной форме мысленно произнесены многими из игарчан сразу же по прочтении «Приговора советского народа». В заполярном порту прекрасно понимали, что бушевавшая по всей стране эпидемия расстрельной чумы до сих пор обходила Север стороной лишь благодаря надежному московскому прикрытию на улице Разина, где размещалось Политуправление ГУСМП. Теперь, когда под ударом сталинского топора этот щит рухнул, северное «королевство в королевстве» было обречено. Вопрос заключается единственно в том, с кого и когда «славные наркомвнудельцы» начнут свою кровавую работу непосредственно на Севере. Но в том, что они эту работу обязательно начнут, и начнут скоро, не сомневался никто.

Тем не менее произошло очередное игарское чудо: после мартовского постановления СНК неделя сменяла неделю, а жизнь в городе текла обычным чередом! Место Остроумовой, отстраненной от должности начальника игарского политотдела ГУСМП, занял один из первостроителей Игарки А.С. Смирнов, но поддержанная первым секретарем крайкома КПСС Акулинушкиным Валентина Петронва продолжала все также возглавлять партийную организацию города, занимаясь игарскими делами с прежней энергией. От авиапорта до конца улицы Шмидта стало курсировать первое легковое такси, два автобуса (обтянутые брезентом полуторки «ГАЗ-АА») с интервалом в сорок минут развозили пассажиров между старой и новой частями города. Готовились к сносу Карские бараки, опустевшие после перезастройки в новые дома рабочих затаона. Вступил в строй новый звуковой кинотеатр «Рот-Фронт» на 360 мест. Достраивалась новая поликлиника, а 26 замечательных врачей из Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова справедливо считались гордостью города: 167 игарских больничных коек по-прежнему пустовали большую часть года. Игарка стала самым читающим городом края: подписчикам каждый день приходило 2700 красноярских и московских периодических изданий. С видной четкостью стала работать городская почта: летом центральные газеты и корреспонденция доставлялись на пятый день, местная газета ежедневно приходила подписчикам не позднее 8.30 утра. Несукошнительно соблюдались и строгие нормы зимней санной «навигации»: 175 километров до Курейки почта преодолевала за 29 часов, 326 километров до Дудинки — за 54 часа. Комбинатовские умельцы во главе с лихо трудившимися в любой мороз без шапки директором Варакиным завершили строительство мощного элеватора для подъема из протоки бревен к складу сырья, который раскинулся на месте наконец-то снесенной Таракановки. Неутомимо совершала частые полеты к Нордвику двухмоторная летающая лодка Сикорского, снабжая «вторую Игарку» щедрыми дарами городских подсобных хозяйств. В тот год игарчане вполне могли себе позволить подобную щедрость: они собрали 134 тонны картофеля, 67 тонн капусты, лука и редиса, 2 тонны помидоров и 7 с половиной тонн огурцов, превратив свой порт в основную сельскохозяйственную базу для целого Таймыра, от Хатанги до Норильска. Сама же Игарка во все большей степени обеспечивала свои потребности в продовольствии за счет множества личных огородов, теплиц, а также разросшегося благодаря кредитам поголовья частных коров, свиней, кроликов и домашней птицы.

Этим кратким чудом продолжения нормальной жизни игарчане были обязаны все тому же секрету, каким объяснялись и прочие игарские «чудеса»: завещанной первостроителями способности никогда не терять веры в соседа, выдержки, а главное — человеческого лица. Следует отметить, что первые аресты начали размывать городица.

ские устои с осени 37-го. Чтобы должным образом оценить, под каким ужасающим непрерывным давлением обеспечивалась руководством города спокойная работа игарчан, есть смысл привести несколько цитат из справки Красноярского управления НКВД, датированной концом апреля 1938 года:

«Смирнов, несмотря на целый ряд сигналов, указывающих на деятельность враждебных элементов в Игарке, не принимал мер, покрывал вредительства и не разоблачал контрреволюционную работу Остроумовой».

«В Игарке нагло обманывали крайком и Москву тем, что, создавая видимое благополучие в работе Теруправления, давали ложные сведения вышестоящим партийным, советским и ведомственным организациям о том, что они ведут непримиримую упорную борьбу по выкорчевыванию врагов народа, ликвидируют последствия вредительства, что в ГУСМП установили «большевистский стиль» в работе и так далее».

«Смирнову и начальнику Игарского Теруправления Адамовичу был представлен список на девяносто человек, от которых надлежало немедленно очистить аппарат ГУСМП, это также не проводилось, и контрреволюционный элемент продолжал проводить подрывную работу в Игарке».

Отладим должностное поразительному мужеству людей, которые в буквальном смысле слова «легли на амбразуру», прикрывая собой город от засыпаемых палаческим ведомством сигналов и списков. У Игарки уже не было далекого столичного щита, но еще продолжал ее оберегать последний малый заслон из верных игарчан начальников — достойных наследников той почти исчезнувшей когорты, какой посвящена в словаре Даля уважительная пословица: «Начальник — всему печальник». Пожалуй, весной тридцать восьмого они даже заслужили высокую честь быть названными военачальниками, поскольку против их города готовилась самая настоящая истребительная война. Они знали это, видели, сколь могущественна неприятельская орда, понимали, что гибель их неизбежна, — и все же не дрогнули. Казалось бы, ну что может дать Игарке их прямое сопротивление неизбежному? Редко-редко оно дарило кому-то из горожан жизнь, чаще же — какие-то полгода, а то и вовсе краткий месяц на свободе. Но задумаемся: разве не был тогда и один-единственный лишний день свободной жизни поистине королевским даром? Еще более бесценным даром, однако, оказалась истина, надолго усвоенная многими поколениями игарчан на примере тех мужественных руководителей: оставаться человеком можно при любых условиях!

На защите Игарки от сталинской нечисти они погибли первыми — Остроумова, председатель горсовета Сотсков, начальник политотдела Смирнов, капитан порта Пестов, начальник сельскохозяйствен-

ного отдела Игарского теруправления ГУСМП Петров, начальник теруправления Адамович. Все они умерли, как и жили: в ладу с людьми и в ладу со своей совестью, никого не предав и не оклеветав. И вероятно, в предсмертный час великим решением и наградой звучала для них стереотипная фраза из обвинительных заключений: «Прямых показаний, как на участника троцкистско-вредительской организации, не имеется». Она означала, что НИ ОДИН ИЗ ТЫСЯЧ ЗНАВШИХ ИХ ИГАРЧАН НЕ ПОЖЕЛАЛ СТАТЬ ДОНОСЧИКОМ! Думаю, что для бывших игарских руководителей эта фраза была тем же, чем было для терпевшего последнюю муку Остапа знаменитое «СЛЫШУ!» Тараса Бульбы...

«Прямые показания» имелись лишь против Валентины Петровны Остроумовой, но подписали их двое игарских авиаторов, почти сошедших с ума в застенках и вряд ли еще осознававших, что вокруг происходит. Только двое из целого города и только под пыткой! Много ли еще тогдашних секретарей горкома смогло бы подвести такой же итог прожитой среди людей жизни? Удивительна и еще одна деталь: в то время как московские, ленинградские и прочие «ведущие» журналисты буквально из кожи вон лезли, обгаживая собственных вчерашних кумиров, игарская газета — пока не арестовали почти всю ее редакцию — словно воды в рот набрала, не бросив ни единого комка грязи вслед арестованной в Москве Валентине Петровне! В нечленораздельном вялом бормотании о «пробравшихся на Севморпуть вредителях» ни разу не упоминаются даже фамилии Остроумовой, Стукатера, Пестова, Петрова, не говоря уже о подробностях их «бандитских преступлений». Эти фантастические подробности потомки смогли поэтому узнать лишь из архивных документов, вроде того, что подписал красноярский сотрудник 11-го отдела УГБ НКВД младший лейтенант Потапов:

.... Остроумова — по показаниям нами арестованных бывших работников Авиагруппы Робуш и Сапрекина изобличается как активный участник контрреволюционной организации правых, действовавшей в Красноярском крае, и по заданию врагов народа Акулинушкина и Бергавинова на севере проводила контрреволюционную вредительскую деятельность, направленную на срыв проводимых мероприятий партией и Советским правительством по освоению Дальнего Севера».

.... За время работы Петрова начальником сельхозотдела ГУСМП в совхозе «Полярный» действовала кулацко-вредительская организация. По имеющимся у нас материалам характеризуется как антисоветская личность, который среди работников ГУСМП распространял антисоветскую агитацию, также высказывал свое мнение в защиту троцкистской банды, действовавшей в совхозе «Таежный». Прямых показаний на Петрова, как на

участника вскрытой в ГУСМП троцкистко-вредительской организации не имеется».

«... Смирнов не разоблачал известную ему деятельность Остроумовой, которая опиралась на троцкистов, и вместе с ней покрывал вредительскую деятельность Пумпура, Рассказова, Касьянова, Чуркина (все они арестованы) и ряд других. До назначения начальником Политотдела Смирнов работал парторгом «СевЕнстроя», где также безнаказанно действовали враги народа и систематически срывали коммунально-бытовое и культурное строительство. Прямых показаний на Смирнова как на участника вскрытой в ГУСМП троцкистко-вредительской организации не имеется».

Вслед за «главными бандитами» в Игарке были арестованы второстепенные — от крупнейшего специалиста по экспорту Регини («шпионско-диверсионная деятельность в пользу финской разведки, порча леса, подготовка взрыва электростанции») до начальника радиоцентра Полякова («знал о вредительской работе радиотехника Абабкова, при участии которого был сожжен мощный трансформатор передатчика, но прикрывал его»). Ударил колокол по вставшему на защиту товарищей Б. В. Лаврову в «Советской Арктике» появилась заметка «Вредительская вылазка Лаврова». Арестовали М.Н. Шорохова — очевидно, он произвел впечатление «вполне гуманного человека» не на одного лишь Леонарда Меттерса. Добрались даже до редактора книги «Мы из Игарки» талантливого журналиста Анатолия Климова — что, в общем-то, было закономерно: человек, не делавший различий между «пролетарскими» и «кулацкими» детьми, не имел в большевистском государстве права на творческую жизнь. Директор лесокомбината Варакин был арестован у себя в кабинете в момент подписания сметы на строительство новой рабочей столовой. Его обвинили в «преступном либерализме к врагам и дезорганизации стахановского движения».

Теми же темпами опустошение руководящих кабинетов шло летом 1938 года в Мурманске, Архангельске, Нарьян-Маре и прочих больших и малых северных городах. Отто Юльевич Шмидт оказался единственным из руководства ГУСМП, кто арестован не был: из почтения к мировой славе ученого его изdevательски «задвинули» на должность редактора Большой Советской Энциклопедии. Чистку руководящих кадров северян Сталин завершил августовским постановлением СНК о передаче всех хозяйственно-экономических структур ГУСМП в подчинение различным наркоматам. Игарская графитная фабрика передавалась Наркоммспрому, Парторг — Наркомату торговли, Игарская пушная контора ГУСМП — Центросоюзу, Усть-Портовский консервный завод — Наркомпищеторгу и так далее. Красноярское территориальное управление ГУСМП ликвидирова-

лось вообще. Разгром ГУСМП был таким образом полным. Единый хозяин Севера перестал существовать, рассыпавшись на мелкие ведомственные конторы.

Во главе «урезанного» Севморпути Сталин вместо незаурядного ученого с феноменальной эрудицией поставил недавнего чекиста с четырьмя классами образования и простой, как мычание, программой: «Давай, братки, давай!» Иван Дмитриевич Папанин явно не прогадал, посыпая со льдины здравицы в честь «дорогого Иосифа Виссарионовича», перемежаемые заверениями в преданности: «Рады, что Главсевморпуть взялся твердо, по большевистски за кадры центрального аппарата и периферию, очищая их от гнили и врагов народа. И. Папанин». Теперь, когда погибли последние защищавшие Север командиры, путь в Игарку был открыт. Штурм города возглавил лейтенант НКВД П. М. Курбатов, который уже в конце декабря гордо рапортовал в газете о содеянном:

«В 1938 году в Игарке была вскрыта и ликвидирована группа троцкистско-бухаринских псов, которые, пробравшись на ответственные посты в аппарате ГУСМП, лесокомбинате и других участках, вели подрывную работу на Севере. Они срывали важнейшие политические и хозяйственные мероприятия — пушные заготовки, рыбные промыслы, работу совхозов, торговли и возбуждали недовольство рабочих и местного национального населения. Большая контрреволюционная работа была проведена по лесокомбинату, где от срыва правительственного задания враги переходили к выводу комбината из строя. Крайне озлобленные враги из лагеря правых, троцкистов, белогвардейцев, кулаков, перебежчиков всех государств и бывших людей, укryвшихся в Игарке и прибывших в Игарку исключительно с контрреволюционной целью, не только установили и завязали шпионские связи с разведками иностранных государств, но пытались поджогами, диверсиями, подрывной деятельностью сорвать Карскую и спровоцировать неустойчивые элементы на активные действия против советской власти».

С нескрываемым ликованием докладывая о захвате города, бравый лейтенант забывает сказать лишь об одном: о «вражеских потерях». Некоторое представление о масштабах этих потерь нам могут дать сохранившиеся архивы городского ЗАГСа. Согласно их данным, к концу 1933 года смертность среди горожан внезапно подскочила до немыслимой при Остроумовой цифры в 513 человек. Нет, акты о расстрелах в загсовском архиве, разумеется, отсутствуют. Но там присутствуют странные маленькие карточки с грифом «секретно». Под заголовком «СССР. Народный комиссариат внутренних дел. Управление НКВД по Красноярскому краю» идет стандартный текст с прошлыми белами для внесения имени, даты и причины смерти. Что тут

секретного? Ничего. Кроме завершающей краткой строчки, удостоверенной подписью младшего лейтенанта госбезопасности Воловенко: «Графы 8-11 и 13-16 в актовой книге не заполнять».

Это те самые графы, где должны содержаться данные о месте и точном времени смерти, а также заверенные врачом и свидетелями обстоятельства смерти и результаты вскрытия. Поэтому родственники, скажем, Андрея Сергеевича Шумилова и по сей день, наверное, полагают, что он скончался 9 июня 1938 года от паралича сердца. Родственники полагают, а младший лейтенант Воловенко располагает... Как уже отмечалось, исчерпывающей информации о потерях игарчан архивы городского ЗАГСа дать не могут. Многие из арестованных были увезены в Туруханск, Норильск, Красноярск, Москву — в зависимости от места проведения процессов по конкретным «шпионским и вредительским центрам». Многие (особенно из числа игарчан попроше или из «перебежчиков всех государств», вроде австралийского директора Интерклуба) исчезали вообще без каких бы то ни было задокументированных следов. Вспомнивши от неустанной резни лейтенантам было недосуг тратить время и бумагу на всякую мелкую вредительскую сошку. Даже такие документы, как протоколы обысков, в нарушение всех существовавших правил оформлялись ими без понятых и без описаний обнаруженного. Вот, например, что мы можем узнать из лаконичного протокола № 54 относительно обыска, произведенного у гражданина А. П. Ярцева, проживавшего по лице Смидовича в доме 41:

«Ордер на обыск номер 5 выдан: сотрудникам УНКВД Красноярского края Бочкареву и Котельникову.

Обыском обнаружено и изъято: три письма и три записки. Обыск производит Бочкарев /подпись/. Присутствовали понятые: Котельников /подпись/. Обыскиваемый: Ярцев /подпись/».

К сожалению, скатые рамки этого повествования не позволили упомянуть о замечательном игарчанине Александре Петровиче Ярцеве ранее. Как и многих других прекрасных людях, создававших традиции, душу и характер Игарки. Но вне зависимости от книг и мемориалов благодарная людская память продолжает передавать из поколения в поколение их имена и судьбы. Саша Ярцев родился в маленьком сибирском селе Таштып в 1887 году, окончил духовную семинарию в Красноярске, затем поступил на юридический факультет Варшавского университета, вернулся на родные сибирские берега, служил приходским священником в Ирбейском районе, а в 1931 году вместе со всей семьей (жена и семеро детей) разделил участь односельчан, сосланных в Игарку. У него были блестящие математические способности, восхитившие Лаврова, и, невзирая на все чекистские предписания, Борис Васильевич назначил «раскулаченного попа» бухгалтером кирпичного завода. Дела завода пошли в

гору, ревизоры ГУСМП неоднократно отмечал тамошнюю жесткую финансовую дисциплину и безупречное качество бухгалтерской отчетности, так что назначение Ярцева (уже при Остроумовой) главным бухгалтером СевЕнстроя не стало для игарчан сюрпризом — в городе его любили за обостренное чувство справедливости, считая, что где бы он ни работал, «с Петровичем народ обижен не будет».

Ни лаконичность протокола, подписанного членом бюро горкома ВКП(б) Бочкаревым (в том же бюро теперь вossaедают и главный палач Игарки Курбатов), ни отсутствие понятых ничуть не помешали Особому совещанию «за участие в повстанческой террористической группе» определить Ярцеву «ВМН» — высшую меру наказания, иначе и быть не могло! Сданный Наркомюстом в 1938 году учебник по уголовному праву приводит пять обязательных правил работы Особых совещаний:

1. Следствия по делам о контрреволюционерах заканчивать в срок не более 10 дней.
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до суда.
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Обжалования приговоров и ходатайства о помиловании не допускать.
5. Приговор к ВМН приводить в исполнение немедленно».

Существовало и шестое, неписаное правило: вслух о расстрелях — ни слова. Поэтому, хотя Александр Петрович был расстрелян в 1938 году, детям его сообщили, что их отец, находясь в местах заключения, умер от лимфосаркоматоза 17 марта 1942 года. И только в 1995 году Нина Александровна Ярцева получила из Федеральной службы безопасности письмо со словами: «Постановление о расстреле приведено в исполнение в г. Игарке. В связи с отсутствием документации место захоронения Вашего необоснованно обвиненного отца установить не представляется возможным. Личных документов и фотографии Вашего отца в материалах уголовного дела не имеется».

А помните сухобузимского «мироеда» Илью Васильевича Чупрова, у которого в 1931 году конфисковали швейную машину, три венских стула и часы с боем? Его тоже сослали в Игарку, где он сначала стал гордостью «Агроарктики», а затем, уже в качестве отличного плотника, — гордостью Теруправления ГУСМП. Далее — та же самая история, что и у Ярцева: в 1938 году его обвинили в подготовке вооруженного кулацкого восстания (видать, с фантазией у Курбатова было туговато), в 1960-м сообщили жене, что ее муж скончался 3 сентября 1943 года от заворота кишок, а еще через четверть века, уж так и быть, признались сыну, что «постановление о расстреле Вашего необоснованно обвиненного отца приведено в исполнение в Игарке в 1938 году. К сожалению, из-за отсутствия документации место захоронения Вашего отца установить в настоящие времена не представляется возможным».

Об этих таинственных игарских «местах захоронения» Виктор Петрович Астафьев напишет в августе 1988 года в «Известиях»: «Я видел расстрелянных людей, валяющихся на жухлой, примерзшей траве. Раз пришел в интернат парнишка, принес полную горсть гильз — целое состояние тогда для нас. Откуда? Не говорит. Потом пошли вдвоем, и вот тогда я увидел... Лежат в устье лога. Хоронить невозможно — мерзлота, да и некому». Значит, их оставят под снег, их съедят псы, половодье весной смешет в речку Медвежью и разнесет кости... Мы к ним тогда не подходили, хотя Женяка все время говорил, что вон там вроде его отец лежит. Да тогда и редкий подойти бы решился. Не того боялись, что мертвые, а того, что и тебя — тоже».

Ведя подсчет жертвам сталинского штурма Игарки, нельзя не вспомнить и свидетельства Александра Исаевича Солженицына: «Пусть маленькое примечание будет посвящено восьмилетней девочке Зое Власовой. Она любила отца взахлеб. Больше она не смогла учиться в школе (ее дразнили: «твой папа вредитель!», она вступала в драку: «мой папа хороший!»). Она прожила после суда всего один год (до того не болела), за этот год ни разу не засмеялась, ходила всегда с опущенной головой, и старухи предсказывали: «в землю глядит, умрет скоро». Она умерла от воспаления мозговой оболочки, и при смерти все кричала: «Где мой папа? Дайте мне папу!» Когда мы подсчитывали миллионы погибших, мы забываем умножить на два, на три...»

В Игарке забыть эту мрачную «таблицу расстрельного умножения» нам не позволяют все те же архивы ЗАГСа: на протяжении последних предвоенных лет в городе резко устремляются вверх две кривые — самоубийств и детской смертности. Что до самоубийств, то они были предопределены воцарившейся после захвата города курбатовцами атмосферой всеобщей тоскливой безнадежности, охватившей отнюдь не одну только «вечно паникующую» интеллигенцию, — вряд ли мы можем отнести к игарской интелигенции повесившихся 50-летнего коновозчика и молодого матроса с портового буксира, перерезавшую вены свинарку «Полярного», застрелившегося печника с городской пожарки.

Но самоубийцы все же были в меньшинстве. Львиную долю умерших начинают составлять игарские дети, десятками гибнущие в городской больнице с диагнозами «токсическая диспепсия» и «воспаление легких», — лишнее подтверждение тому, что специально подбиравшиеся Бергавиновым для Игарки «наи-наилучшие» детские врачи разделили участь человека, ставившего на их личных делах свои знаменитые восклицательные знаки — «Годен!!!» В октябре 1938 года умерло 33 ребенка, в ноябре — 41, в декабре — 43. Летом 1939 года к ним добавились утонувшие в Енисее дети — результат полной беспризорности армии сирот, оставшихся без родителей. Действие «Кражи» В. П. Астафьева с ее совершенно неожиданными для мирного времени беспризорниками и детприемниками развертывается

как раз в эти страшные годы.

Словом, если предположить, что Игарка обязана верному стalinцу лейтенанту Курбатову как минимум двумя тысячами уничтоженных за год взрослых и детских жизней, то, скорее всего, такой минимум будет изрядным преумножением. Для справки: за все годы Великой Отечественной войны в битве с фашизмом погибло, скончалось от ран и пропало без вести ровно столько же: 2000 игарчан! В конце 1938 года инженер Деспотули восторженно писал в своей статье, посвященной дню рождения ВЧК-ОГПУ-НКВД: «Вашими ледами, рыцари пролетарской революции, гордится все передовое человечество!» Возвышенный пафос Евгения Николаевича был, вероятно, порожден сознанием того, что к XXI годовщине ВЧК он остался последним нерасстрелянным инженером лесокомбината.

Пройдет не так уж много лет, настанут хрущевские времена, и в 1956 году рыцарь пролетарской революции Курбатов, представ перед партийной комиссией, даст показания о том, что за время его работы начальником игарского НКВД им были сфабрикованы дела на БОЛЕЕ ЧЕМ ТЫСЯЧУ ИГАРЧАН. Кто они?

Существует широко распространенное мнение, что в «ежовые рукавицы» репрессий 1937—1939 годов в основном попадали партийные руководители и привилегированные специалисты. Возможно, по стране в целом так оно и было, но если судить по Игарке — брали всех подряд. Выберем наугад любой из множества «курбатовских списков», по которым проводились аресты в различных городских организациях. Например — список Горкоммунхоза, буквы «Б-Д»:

Белянин П. Р. — водовоз

Белянин С. А. — кассир бани

Березин И. Н. — столяр

Бойко М. Н. — плотник

Бронников Г. М. — сторож

Васильев Н. К. — счетовод

Вильчицкий А. К. — электромонтер

Гаврилюк Д. М. — конюх

Данилевский В. И. — электротехник

Дардаев В. Л. — бухгалтер расчетного отдела

Дрокин Н. Е. — чернорабочий известкового завода.

Судя по материалам курбатовских обвинений, жителям Игарки приходилось целыми сутками крутиться как белкам в колесе: вдбавок к своим прямым трудовым обязанностям все они ухитрялись заниматься еще и созданием монархических организаций, подготовкой кулацких восстаний, передачей сведений о завозе промтоваров на Север, расстрелом из ружей портретов вождей, шпионажем, вер-

бовкой соседей в террористические фашистские группы, диверсиями и прочими требующими массы времени хлопотными делами. Почему-то особенно зловредными показались Курбатову игарские коновозчики. Судите сами:

Коновозчик Бабак А. В. — участвовал в кулацкой повстанческой организации с целью вооруженного выступления против сов. власти в момент войны СССР с иностранными государствами. Вел антисоветскую агитацию».

Коновозчик Ватутин П. В. — тоже

Коновозчик Осетин П. В. — тоже.

Коновозчик Гусев А. Л. — тоже.

Коновозчик Злобин Н. Ф. — тоже

Коновозчик Куимов И. П. — тоже

Коновозчик Осадчий А. Е. — тоже, плюс «передача агентурных сведений»

Коновозчик Перистый Н. Ф. — тоже

Коновозчик Пирог Н. Ф. — тоже

Коновозчик Полуполтинный К. С. — тоже

и так далее. Лишь у одного из множества «контрреволюционных банджников» предъявленное обвинение отличается от стандарта: коновозчик лесокомбината Петрович Сурков к вооруженному восстанию не готовился, но зато регулярно «дискредитировал мероприятие партии и советского правительства».

Знакомство с бесконечными списками арестованных «рыцарями пролетарской революции» пилоставов, штурманов, радиоставов, шорников, врачей, групповых механиков, артистов, главбухов, милиционеров, форманов погрузки, слесарей, рамщиков не может не вызвать естественной оторопи: да кто же делом-то остался заниматься?! Если изъять из двигателя болты, свечи и цилиндры, то тогда работать он больше не сможет. Если изъять из городской жизни наиболее способных и активных ее участников, то тогда... А действительно, давайте посмотрим — что же тогда будет?

Просто морских судов под погрузкой возрастают в 1939 году до величины, которой здесь не отмечалось никогда, включая даже самые первые «притирочные» годы. Несмотря на висящий над фасадом диспетчерской огромный плакат «Ни минуты промедления в погрузке!» итоговый простой навигации составил 1784 часа, за которые комбинатом были уплачены разорительные штрафы в инвалиюте. Отсутствие опытных (но, увы, «контрреволюционных») грузчиков, бракеров, форманов, диспетчеров заставляет горком объявить трудмобилизацию, сгоняя на причалы медсестер, машинисток, столярек и даже школьников. В навигацию 1938 года жесткий курс Ос-

строумовой на экономию «затрат по контрактации» привел к снижению числа вербованных рабочих до 400 человек. Теперь комбинат был вынужден забросить «на прорыв» 1700 набранных как попало сезонников, которые наводят ужас на город. «Уголовники, беспаспортные, половину пришлось отправить обратно, вербовка принесла одни большие убытки», — бушевал начальник Игарской милиции Щекалев. Не сущи милиционерам спокойствия и перспективы 1940 года: планом вербовки предусматривалось завезти в Игарку уже 2320 сезонников!

Но медсестры и уголовники в роли грузчиков — это было еще полбеды. Как отметил начальник погранслужбы порта Кащеев, «даже при нужном числе рабочих на смене они все равно спали в трюмах ввиду неподачи леса». Настоящей бедой, заставившей запрягать в «медведки» людей, стал транспортный кризис.

Транспорт на ЛПК делился на гужевой и автомобильный. Автомобильный в свою очередь делился на импортный и отечественный. Раньше запчасти и к тем и к другим лесовозам исправно поставлялись через Севморпуть снабженцами Теруправления ГУСМП. После разгона этой организации поставка деталей к американским и финским машинам прекратилась полностью, а изготавляемый в ремонтных мастерских «самодел» привел к массовому выходу всей импортной техники из строя менее чем за год. «Соломбалты» держались дольше, но их действующий парк к началу сороковых годов сократился втрое: второпях обученные новички гробили машины со скоростью, намного превосходившей скромные возможности ремонтников («Нужно 23 лесовоза, а имеем 17 штук, требующих капитального ремонта», — горевал после закрытия навигации 1939 года очередной, уже третий после Варакина директор Решетин). Быстро иссяк приток новой техники из Архангельска: надо полагать, что и там не покладая рук тоже трудились свои Курбатовы. В 1939 году комбинат не получил ни одной машины, а следующая навигация в точности подтвердила компетентный прогноз, сделанный весной представителем «Севполярлеса» Лебедевым: «Учтите, вы вновь не получите ни одного лесовоза, поэтому надо опираться на остающееся в наличии».

Что же оставалось в наличии? Только «гужевой транспорт». Но положение с ним выглядело еще более страшным: в отличие от лесовозов лошади были живыми. Недавняя ветеринарная оценка «здоровое поголовье хорошей упитанности» сменилась на комбинатовском конном дворе кратким диагнозом «лошадиные Соловки». Трудно определить, как сказалась ликвидация «кулацкой повстанческой группы» конюхов, ветеринаров и коновозчиков на планах антисоветского подполья, но лошадям чекистская бдительность обошлась дорого: от прежнего поголовья в 160 лошадей уцелело около сотни несчастных животных, заброшенных и почти не получавших корма — коры

мить их было просто некому. По свидетельству веттехника Рыбакова, срочно откомандированного из Енисейска на смену уничтоженным коллегам, для комбинатовских лошадей были «характерны колики, хромота, истощение. Вместо положенных по закону 8 часов на них работают по 16 часов, конское поголовье используется варварски». Моряки иностранных судов со страхом смотрели на тухо обтянутые шкурой скелеты, которые, то и дело падая на обледенелом причале, из последних сил подтаскивали к лебедкам пару-другую досок. Если пароходы сутками простоявали под лозунгом «Ни минуты промедления», то «лошадиные Соловки» украшал не менее пламенный призыв «Беречь лошадь!». Газета тоже внесла свой вклад в общее дело, опубликовав передовицу «Больше внимания конным дворам!».

Некоторое представление о том, что творилось на конных дворах после «по-большевистски решительных» действий госбезопасности, читателям может дать выступление начальника конного двора Чернова на сессии горсовета, подводившей итоги навигации 1939 года. Прежде чем его цитировать, напомню, что сезонники ранее на конных дворах Игарки НИКОГДА не работали — в городе было достаточно недавних крестьян, понимавших и любивших работу с лошадьми. Итак:

«Вербовка в 1939 году происходила безобразно. Набрали безруких, безногих, больных. Массово-разъяснительная работа среди сезонников отсутствовала, а отсюда — карты, пьяница, поножовщина. У нас 135 лошадей, которые еле-еле ходят, так как они не имеют отдыха. К следующей Карской пригодны только 52 из них».

Агитаторов Чернов ругал явно для красного словца: очутившиеся при лошадях пьяные картечники были естественным следствием вовсе не массово-разъяснительных огрохов, а резко изменившихся норм оплаты — вместо прежних 12 за каждым конюхом закреплялось по 43 лошади, дневной же заработка снизился на конном дворе с бывших 20 рублей до... трешки. Да и ту получить было непросто: оставшийся и без профессиональных бухгалтеров, и без прибыли комбинат стал задерживать выплаты денег по несколько месяцев. Примерно та же ситуация была и в других цехах комбината: «В городе одних собачников, ворующих дрова, свыше 300 человек, заработка у них по 40-60 рублей в день! А у нас на заводе пусто. Рамщики кто только не стоит-монтажеры, срывщики, бабы какие-то со стороны», — сетует начальник Первого лесозавода Никишин.

Поясню, кто такие «собачники». Неистовая борьба с врагами народа породила два специфических явления, отныне и навсегда ставших «визитными карточками» Игарки: повсеместный женский труд и повсеместные полчища оставшихся без хозяев бродячих собак. Одновременно в городе появились и другие бродяги: осевшая в трущобах у Юрских бараков водная беспаспортная братия сезонников. Собаки стали для них едва ли не главным источником существования, пре-

вратившись в пищу, в одежду, а заодно и в транспортное средство — на разъезжавшие по городу упряжки складывалось все, что плохо лежало в никогда ранее не запирающихся игарских дворах и домах. Вот этот-то неприкаянный вороватый люд игарчане и прозвали «собачниками».

«Собачники» и «какие-то бабы» у станков были характерной, но далеко не единственной приметой наступивших перемен. Еще более разительным «символом эпохи» стала вопиющая беспроблемная нищета, за какие-то год-полтора совершившая преобразившая облик города. Беспробудное пьянство, к которому новое городское руководство отнеслось, мягко говоря, с пониманием: «Ввиду наличия в Игарке огромного количества спирта (на 1,3 млн. рублей) обязать Красноярский трест «Главспирт» срочно командировать в Игарку особого работника для организации розлива спирта в мелкую посуду 0,25 и 0,3 литра». Это «море разливанное» не могло не привести к неизбежному возникновению другого моря — огненного. В 1938 — 1939 годах пожары уничтожали строения города с невиданной свирепостью, пожирая все подряд, от дефицитнейшего жилого фонда до пожарного депо, сгоревшего дотла под новобрьские праздники 1939 года. Погибли даже « дальние подступы»: полностью выгорел и затонул следовавший в порт из Красноярска новый дебаркадер, загруженный стройматериалами.

Существенной причиной обнищания Игарки стал и последовательный провал комбинатом всех производственных планов. Убийственное сочетание рекордных штрафов, низкого качества продукции, резкого падения процента использования сырья и растущих, как снежный ком, непроизводительных расходов (наподобие вербовки безногих или завоза пил самолетом) привело в 1939 году к убытку от производственной деятельности в два с половиной миллиона рублей. Директора Дьячкова сняли, но при новом директоре Гудкове первые же шесть месяцев 1940 года принесли убыток в миллион 260 тысяч рублей. Чем дальше заходила Игарка в большевистский лес, тем больше там оказывалось дров: только на производстве бессортных досок, себестоимость которых намного превысила продажную цену, комбинат потерял за тот год свыше миллиона рублей!

К началу навигации 1940 года измученный дефицитом кадров и непрерывными авариями лесокомбинат, вместо обеспечения предписанного планом напила в 182 тысячи кубометров, оказался на грани полной остановки. Здесь нам вновь приходится вспомнить знакомое «не было бы счастья, да несчастье помогло»: директора Гудкова выручил Гитлер, который оккупировал в мае северные порты Норвегии, заблокировав тем самым Севморпуть для всех судов, кроме дружественных советских. Только они и пришли в Игарку — 4 ленинградских парохода, два архангелогородца и один «метис» — еще недавно эстонский «Осмусаар», тоже поднявший теперь красный флаг.

Половина из них, за нехваткой экспортных пиломатериалов, взяла на борт круглый лес для Мурманска. Едва последний «Моссовет» выбрал 11 октября якорь, как самый мощный второй лесозавод встал на капитальный ремонт (а вернее, на консервацию). Остальные два предполагалось закрыть еще при Остроумовой, теперь же они вели и вовсе призрачное существование. За 11 месяцев года цеха дали более 3-х тысяч кубометров технического брака, причем простой рам составил 4 тысячи часов. В исправности на комбинате остался только гудок, который созывал смены на работу.

Но и со сменами тоже были немалые проблемы. Отсутствие каких бы то ни было материальных стимулов к труду привело к колоссальной текучести кадров, которая граничила с полным параличом производства. Если за вторую половину «переломного» 1938 года число прогулов на комбинате подскочило до рекордных 6039 случаев, то уже на следующий год рекорд этот быстро потускнел: невыходы на работу по неуважительным причинам составили 45 тысяч человекодней или 65 процентов всего рабочего времени! Причем то же самое творилось и практически на всех других предприятиях города. В 1941 году мартовский пленум горкома констатировал, что за 1940 год в Игарке было принято на работу 5669 человек и ровно столько же уволено. Не помогали ни непрерывные суды над прогульщиками, ни драконовские законы, фактически закрепощавшие рабочих, ни введение с января 1939 года трудовых книжек, — работать за сущие гроши все семь дней недели по 8 часов в нечеловеческих условиях не хотел никто. Судя же люди перестали бояться, считая, что хуже, чем в Игарке, им уже нигде не будет.

И они были не так уж далеки от истины: на одного человека в 1939 году приходилось в Игарке 2,05 кв. метра жилплощади, причем в списанном жилье ютилось 4775 человек! Само собой разумеется, что двухметровая норма не распространялась на хлынувших в освободившиеся кабинеты временщиков, которые тут же принимались перетаскивать в Игарку на избыточно создаваемые должности родственников, друзей и приятелей. Игарторг, у которого даже спички попали в разряд дефицита обзавелся тем не менее представительством в Москве из шести человек и в Красноярске из семи. Именно в эти годы на комбинате родилась поговорка «За гвоздем пойдешь — семь начальников найдешь». Семь — это еще ничего: главбух комбината Колодкин объединил под своим началом 12 бухгалтеров, 8 помощников бухгалтеров, 22 счетовода, 8 статистиков и 10 делопроизводителей. Никто из них на отсутствие жилплощади не жаловался. И если приехавший в Игарку новый начальник жилотдела комбината Казанцев комфортно разместился в 40-метровой квартире, то рядовые игарчане рисовали в газете несколько иную картину своего предвоенного бытия:

«В маленькой, вросшей в мох избушке на живописном берегу Черной речки живет на 30 кв. метрах 12 рабочих известкового завода. Там же готовят пищу, сушат сбрую, портятки. Слезная «дымокурка». Людей как сельдей в бочке».

«Если посмотреть, что представляет из себя учительский дом, то это просто свинарник. Стены продырявлены, ветер свистит, в полу дыры можно со второго этажа видеть, что происходит на первом, никакой изолированности квартир, стены не сплошные».

«На 18 метрах нас живет три семьи. Взрослые бы перетерпели, но детям очень трудно заниматься, играть и засыпать, когда кто-то всегда собирается на смену или приходит в дом. Вода в комнате замерзает. И всегда темно».

Вода стала замерзать после того, как отказалось перемороженное водяное отопление. Докрасна раскаленные «дымокурки» вызвали в городе волну пожаров, которые заставили горисполком срочно ликвидировать все самодельные «обогревательные приборы». Темно же в Игарке было теперь повсюду: и в домах, и на улицах. «Вредители» (они же недавние полуграмотные «выдвиженцы», сменившие прежних арестованных Курбатовым электриков) по неумению сожгли завезенный при Варакине мощный дизель-генератор, после чего комбинат и город вновь сели на прежний полугододный энергетический паек. От постоянных перегрузок напряжение в сети редко превышало 130-150 вольт вместо положенных 220. Потребность комбината в энергии составляла в 1939 году 1500 кВт, в наличии было только 1000. Еще хуже обстояли дела у города: два допотопных локомобиля и дышавшая на ладан станция Горкоммунхоза давали Игарке 240 кВт вместо необходимого минимума в 680. Себестоимость киловатт-часа подскочила до полутора рублей, пользоваться электрообогревателями запретили, а электрочайники и утюги можно было приобретать только с разрешения специального регистрационного отдела. Ничем не уступали такому домашнему «уюту» и условия на рабочих местах. Достаточно выразительно их описывает уполномоченный «Севполярлеса» С.А. Архиповский: «На капитальный ремонт средств нет. Гараж с декабря не отапливается. Трубы заморожены. Температура в помещениях ниже 40 градусов. Нет слесарных пил, сверл малых размеров и других инструментов».

Вот и спросим себя: какая кара за прогулы могла напутать людей, работавших без выходных при минус сорока и «отдыхавших» в темноте на трех замерзающих квадратных метрах? Поэтому прогулы и увольнения продолжали оставлять цеха полупустыми. Зато за каждым канцелярским столом сидело теперь по трое — бюрократия плодилась с неимоверной скоростью. На почти прекратившем выпуск продукции комбинате имелось 12 цехов с 12 набитыми управленицами

конторами плюс бюрократия участков цехов по 15-20 начальников в каждом. Трехэтажная контора комбината буквально проседала под тяжестью всей этой исправно получавшей зарплаты оравы руководящих бездельников, не производивших ничего кроме растущих бумажных завалов. На одной лишь бирже пиломатериалов (почти пустой) выпиской первичной документации трудолюбиво занимались в 1940 году начальник, помощник, 4 начальника участков, 4 контрольных бракера, 2 диспетчера и 6 ответственных приемщиков? Если бы такое смогли хоть на мгновение видеть Лавров или Остроумова, они, вероятно, тут же умерли бы вторично!

Но даже самая память об основателях города теперь находилась под запретом. Проходя мимо дома ГУСМП, люди могли только украдкой взглянуть на крайнее окошко второго этажа, где когда-то в 9-метровой комнатке, отгороженной от своего рабочего кабинета, жила Валентина Петровна. В год десятилетия города игарчан лишили и этой возможности. Президиум горсовета издал в августе 1939 года воистину символическое постановление: «Ввиду того, что Игарская организация переводится в Усть-Порт, ее здание передать горотделу НКВД».

У города был теперь другой хозяин, поэтому все прежние «вредительские» замыслы пошли прахом: прекратила работу геологоразведка, опустел и был заброшен Нордвик, в закрытый лагерь уничтожения превратился Норильск. О реконструкции лесокомбината, графитной фабрики, строительстве городской электростанции на курейском угле и закупке канадского завода по переработке отходов никто более не рисковал даже заинкнутться. Приходило в упадок и то, что еще совсем недавно приносило городу огромную пользу и прибыль, — рыбная промышленность, торговля, хлебопечение, строительная индустрия. Заведующий горфинотделом Бочкин возмущенно докладывал горсовету в апреле 1940 года, что «Игарка стала вновь ежегодно пользоваться дотациями от вышестоящих организаций. С этим надо кончать! Лесокомбинат систематически задерживает бюджетные отчисления из-за невыполнения производственных планов, а из-за невыплат зарплат систематически задерживается перечисление подоходного налога и культсбора». Но напрасен был призыв Бочкина «кончать с этим» — по части призывов «большевик Заполярья» и без того из номера в номер пестрел теперь бодрыми повелительными наклонениями:

«Регулярно выдавать зарплату!»

«Цеха лесокомбината — на хозрасчет!»

«Обеспечить новый прилив вкладов и займов!»

«Учесть ошибки прошлой навигации!»

«За большевистскую организованность в погрузке судов!»

«Разгрузить общежития!»

«К новым победам коммунизма!»

Последний заголовок (так называлась передовая от 1 января 1941 года) давал читателю понять, что вышеописанные «операции по выемке болтов, свечей и цилиндров» являются не чем иным, как победами коммунизма, и действительно — в объявленной Сталиным войне против Игарки город терпел одно поражение за другим, и «Большевик Заполярья» едва успевают перечислять очередные победные итоги «большевистской организованности»:

«За зиму на складах Парторга испорчено картофеля, огурцов и лука на 52 300 рублей!»

«Строительство является самым отсталым участком нашего хозяйства».

«Головотяпы и шкурники, окопавшиеся на кирпичном заводе, дают никуда не годный брак».

«У рыбоконсервного завода в Усть-Порту не осталось ни одной единицы флота».

«Троцкистско-бухаринские шпионы и диверсанты и их агенты в Игарке пытались сорвать снабжение трудящихся хлебобулочными изделиями. Хлебозавод ликвидирует последствия вредительства».

«Обманутые и терроризированные врагом националы ушли на промысел и больше не вернулись».

Происками врага объяснялось теперь все, от пустых полок в магазинах («Орудие врага — поздний завоз и поздний спуск лимитов») до отсутствия жилья («Подлые наймиты фашистских разведок, троцкистско-бухаринские псы капитализма приложили руку и к жилищному строительству, труженики ютятся на баржах»). Любопытно, что «наймиты Фашистских разведок» продолжали — очевидно, по инерции — пакостить игарчанам даже после того, как Сталин провозгласил в Кремле тост за здоровье Гитлера, а в Берлине Молотов обсудил с фюрером планы мирового раздела. Незримая тень гитлеровцев с нацистами скользнула летом 1940 года и над енисейским устью: здесь встал на длительный «осмотр подводной части корпуса» фашистский рейдер «Комет», тайно пробирающийся по договоренности со Сталиным на Тихий океан для пиратства на британских коммуникациях. За безопасную проводку рейдера по Севморпути отвечал Папанин, который предоставил в распоряжение гитлеровцев ледоколы «Ленин», «Сталин» и «Каганович». Позднее в районе якорной стоянки рейдера появилась в бухте Слободской тайная база гитлеровских подлодок, орудовавших в Енисейском заливе и Карском

море, — гросс-адмирал Редер недаром укомплектовал экипаж «Комет» отличными гидрографами и разведчиками.

К порогу Игарки, обескровленной и обездоленной сталинской войной, приближалось новое, не менее страшное испытание — война с фашизмом. Но прежде чем перейти к повествованию об этой второй войне, зададимся вопросом: уничтожив почти все достигнутое игарчанами за труднейшие годы становления города, сумел ли лейтенант Курбатов уничтожить и сам дух игарского северного братства, которое так изумляло всех своей независимостью? Как это ни поразительно, но ответ здесь может быть только один — НЕТ!!!

Единодушный отказ горожан лжесвидетельствовать против своих руководителей был лишь первым знаком сопротивления Игарки курбатовским оккупантам. Вторым стал отказ многих городских организаций дать отрицательные характеристики на уже арестованных сотрудников. Так, в интерклубе отказались подтвердить, что переводчица Мила Геринг «занималась контрреволюционной агитацией среди моряков, передавая иностранцам шпионские сведения». После этого разъяренный Курбатов разорвал список прежних активистов интерклуба в клочки и лично составил новый, который (как и все позднейшие) отныне можно было без особой натяжки именовать перечнем сексотов госбезопасности.

Когда буфетчика ресторана Копейкина и находившиеся в смене официантки, потребовав от уполномоченного Норильского НКВД лейтенанта Волкова заплатить по счету за устроенный им банкет, вызвали подобной «наглостью» его бешеный гнев, то главный бухгалтер Общепита Иван Алексеевич Шаронин не только не поддержал всемогущего лейтенанта, но и направил в горком копию его неоплаченного счета, из которого следовало, что за столиком рыцаря революции на протяжении банкета было заказано:

Шампанское — 8 бутылок	— 234 р. 40 коп.
Портвейн — 1	— 8 р.
Вodka, 50 град. — 5	— 110 р. 50 коп.
Кюрдамир — 5	— 146 р. 50 коп.
Папиросы «Сев. Пальмира» — 18 пачек	— 81 р.
Конфеты «Трюфели» — 1 кор.	— 15 р. 68 коп.
Шоколад № 4 — 15 плит.	— 156 р. 60 коп.
Шоколад № 3 — 2 плит.	— 18 р.

и прочая «сладкая жизнь» на общую сумму почти в две тысячи рублей. Ивану Алексеевичу этот счет, понятное дело, обошелся в конечном итоге намного дороже (Волков не зря в лицо назвал его дураком), но подчиненных своих старый главбух так чекистам на растерзание и не выдал, заявив, что они выполняли его прямое указание «прощелыгам в долг ничего не отпускать».

Когда командиру Игарского авиаотряда Купчину было предложено дать соответствующую характеристику обвиненному во «вреди-

тельстве и антисоветской агитации» пилоту Дмитрию Боголюбову (это он в начале тридцатых удивился своей «шаврушке» Ш-2: «Господи, и как оно еще вообще летает?»), то в НКВД ушел лист бумаги с единственной фразой за командирской подписью: «Отличный полярный летчик, дисциплинирован, замечаний по службе не имеет, пользуется у товарищей заслуженным авторитетом». Купчин только что получил орден, о нем писали все московские газеты, и Курбатов нехотя выпустил Дмитрия Ивановича Боголюбова из своих когтей — тем более что сам пилот категорически отказался давать показания на себя и своих товарищей.

Так же поступил и начальник милиции Щекалев, не сумевший припомнить никакого «компромата» на одного из лучших своих сотрудников Перестова. Но все ордена у Щекалева были еще впереди, поэтому знаменитый центр-форвард остается в тюрьме. Однако и там Федосей Васильевич Перестов не изменил атакующему духу игарской сборной, объявив в знак протesta голодовку. В 1957 году его родные были извещены, что в заключении Ф.В. Перестов «умер от абсцесса печени».

Многократно уменьшившееся игарское братство вопреки репрессиям, нищете и нашествию временщиков продолжало упрямо хранить верность традициям своего города. Там, где они были особенно сильны — в лоцманской службе, авиаотряде, связях, — потеря Игарки оказывались наименьшими. Авиаторам, например, удалось почти полностью сохранить свои кадры. Во многом это стало возможным благодаря сохранившейся у них со времен Лаврова и Шевелева жесткой дисциплине: лодыри, приспособленцы, трусы безжалостно изгонялись из их сплоченного коллектива раз и навсегда. Поэтому благоприятной почвы для доносчиков в авиаотряде не было. Даже о «мятеже» на аэропортовском катере «Фрам» осенью 1938-го Курбатов узнал последним: коллективный протест экипажа «Фрама» против 12-часового графика был рассмотрен на совете авиаотряда, признан справедливым и администрация вернулась к прежнему, согласованному с профсоюзом графику. И наоборот: там, где зависть, бездарность, алчность не получали своевременного должного отпора, они обязательно превращались в мину замедленного действия, которая при первом же удобном случае взрывала коллектив изнутри доносами и сплетнями. Так произошло в горисполкоме, в Парторге, в газете, во многих подразделениях лесокомбината. В городском театре, например, великолепный драматический актер Сахаров и его друг, пианист радиокомитета Окнинский, были арестованы на основе добровольных показаний беспаланых, но честолюбивых завистников, подвигавшихся на третьих ролях, — Панкова, Каурова, Басоэн, Никитина.

Впрочем, в рядах игарских сексотов встречаются и птицы более высокого полета. Лишь в шестидесятых годах выяснилось, чтоуволенный Лавровым никчемный «специалист по барабанному строитель-

ству» инженер Никольский был в Игарке не просто агентом ОГПУ — он действовал по личному указанию Сталина. По ложным свидетельствам инженера было впоследствии арестовано множество невинных людей, а его фанатичная жена (профессиональный провокатор, чей брак с Никольским согласовывался лично с Микояном) ухитрилась своим доносительским энтузиазмом настолько раздражить бамовских чекистов, что те упрятали ее в лагерь на 10 лет за попытки дискредитации собственных коллег, причем упрятали так, что даже самому Берии удалось отыскать Инну Николаевну лишь в марте 1939 года — под Красноярском в Решетах, откуда она сумела переслать шефу НКВД жалобное письмо: «и за полярным кругом в Игарке и на ДВК я работала со всей свойственной мне активностью и энергией, подчас рискуя жизнью. Я чувствовала и знала, что мою работу ценят и отмечают. Бесконечно горячо прошу Вас разобрать мое дело, дать возможность жить радостной счастливой жизнью советского человека, быть полезной Советской стране». Лаврентий Павлович, разумеется предоставил Инне Николаевне такую возможность — и она и ее супруг благополучно приносили стране прежнюю «пользу» до преклонных лет. Доживи эта старушка до наших дней — она несомненно с гордостью носила бы звание реабилитированной, со всеми пристекающими из него льготами.

Гнусное племя доносчиков, с которым вольно или неверно приходилось тогда общаться почти каждому игарчанину, вызывало у нормальных людей одну-единственную потребность: поскорее вымыться с головы до ног, очистить от мерзости слух, зрение, душу. Поэтому в Игарке конца тридцатых годов неожиданно вновь обрел всеобщую популярность подзабытый со времен Сибирской компании пушной и рыбный промысел. Сотни семей заключали с Центросоюзом договоры и на целые месяцы уходили как можно дальше от города — в девственные леса, к затерянному миру Путоранского плато, в пустынные просторы енисейских низовьев. Величие первозданной северной природы, спокойствие огромной реки, вечера у костра со встречным одиноким циником исцеляли сердца, по крупицам возвращая людям веру в извечный смысл и справедливость бытия. Виктор Петрович Астафьев, которого отец увез из Игарки рыбачить на Маковском озере, вспоминал свои тогдашние впечатления: «Хотелось перецеловать каждый тронутый росой лист, каждую смолистую хвоинку, каждую бабочку, благодаря за то, что они есть и я есть вместе с ними. Не было потом в моей жизни таких сладостных, таких чистых слез, от которых оттаивала душа.»

Там, в лесах, и встретили многие игарчане начало второй войны. Кто-то узнал о ней лишь поздней осенью, кто-то — и вовсе после битвы под Севкой. И хотя военкомату эти таежные отшельники на протяжении всей войны доставляли немало хлопот, от службы в армии никто из них не уклонялся. Нет в игарских архивах таких сведе-

ний. Люди шли защищать не власть, а страну, достойными гражданами которой игарчане оставались во все времена. Как уже говорилось ранее, город отдал борьбе с фашизмом 2000 жизней, всего же за годы войны из Игарки было призвано на военную службу 2750 человек. Более 300 из них удостоились фронтовых наград, а три игарчанина — Петр Парfenович Барбашов, Вениамин Владимирович Вильский и Григорий Афанасьевич Слободенюк — стали Героями Советского Союза.

О том, как встретили в Игарке 22 июня 1941 года, имеется передававшее из статьи в статью свидетельство Н.С. Малютина, впервые появившееся в книге В. Новикова и Ж. Трошева «Игарка»:

«Как сейчас помню утро 22 июня 1941 года. Мы собирались у Виктора Бутусова перед игрой в футбол с одной из команд иностранных судов. У нас была такая традиция: каждое иностранное судно должно было выставить футбольную команду для встречи с игарскими футболистами, матч должен был состояться в 12.00 по местному времени. Погода была теплая, солнечная. Около 11 часов включили радио и слышим: «Враг будет разбит, победа будет за нами...» Мы в недоумении — какой враг? Скорее в город! По дороге на стадион узнали, что фашистская Германия вероломно напала на нас. Идем в школу за советом к директору Михаилу Ивановичу Маркову. Он сказал нам, что немедленно едет на фронт».

Прочти такое игарчане 1941 года, они несомненно пришли бы в еще большее недоумение: получалось, что, учитывая 4-часовую разницу во времени, в Игарке узнали о вероломном нападении задолго до москвичей — в 7 утра! Да еще услышали при этом слова Сталина, которые были им произнесены почти двумя неделями позднее. Это не говоря о том, что никакие иностранные суда в Игарку вот уже два года не ходили. А когда и ходили, то раньше августа ни разу на Енисее не появлялись... К сожалению, подобной бодрой «лирики» о военном периоде написано более чем достаточно. Из нее следует, что Игарка только тем и занималась, что собирала деньги на самолеты и танки, отправляла на фронт посылки да перевыполняла планы, получая за это правительственные благодарности. Конечно, и ежемесячный десятипроцентный военный налог, и обязательные оборонные займы, и горы посылок для бойцов, и самолеты с пушниной, и личная благодарность Иосифа Виссарионовича за перевыполнение плана рыбодобычи — все это было. Но было не только это.

Хотя основные мощности лесокомбината были надолго законсервированы, оставшиеся цеха продолжали выпускать сборные дома и шпалы для Норильска. Небольшие запасы экспорта, накопившиеся за последнюю предвоенную зиму, постепенно вывозились в 1941—1942 годах архангельскими лесовозами, присоединившимися затем в Мурманске к союзным конвоям, которые с боями прорывали гитлеровскую блокаду Арктики. Первый караван пришел в Игарку за лесом

уже в июле: это были эвакуировавшие в Дудинку оборудование Мончегорского медно-никелевого комбината «Аргунь», «Кузнец Лесов», «Щорс» и «Двинолес». Игарский груз был благополучно доставлен ими в Англию, но в заполярный порт эти суда больше не вернулись — в последующие годы все они погибли на Севморпути от фашистских торпед, снарядов и мин. Начиная с 1942 года транспорты в основном брали в Игарке брусы для прифронтовых нужд — береговых батарей в шхерах Минина и в Югорском шаре, арктических метеостанций и фортификационных сооружений на новых военно-морских базах в бухте Белунья и на Диксоне.

Если после начала первой, «расстрельной» войны игарчанки стали составлять простое большинство рабочих лесокомбината, то второй мужской «исход» сделал женское большинство абсолютным — в отдельные военные годы у рамных потоков и на погрузке трудилось до 90 процентов женщин. Вот какой увидел военную Игарку 1942 года зазимовавший там с караваном речных судов из Дудинки ветеран Енисейского пароходства капитан Н. Балакин:

«В Игарку прибыли ночью и всем караваном встали во льду посреди протоки. В течение нескольких дней команда только поглядывала на такой близкий и такой недоступный берег. Наконец и мы встали на свое штатное место, разоружили судно и спустили пар из котла.

Не заставили себя долго ждать морозы — спутники голодной военной зимы. Черная тень войны висела над городом, обезлюдила улицы. В холодных магазинах — молчаливые очереди за скучным пайком. В Игарской протоке остаются на зиму морской лесовоз «Кара», побывавший под артиллерийским огнем на Диксоне. Старый тихоходный пароход не решился вести на запад, опасаясь за целостность его корпуса при проводке во льду. Возвышаясь над остальными судами, пароход напоминал, что война бродит где-то рядом, совсем близко.

Вторая военная зима. В Заполярье она для многих была невыносимо тяжелой. Овощей в Игарку завезли так мало, что, когда среди жителей города вспыхнули цинготные заболевания, квашеную капусту и картофель стали давать только как лекарство для тяжелобольных. Особенно тяжко страдали высланные из теплых краев в Игарку немцы, латыши, эстонцы, а больше всех других — выросшие под южным солнцем греки. Жалко было видеть, как, укутанные разным тряпьем, они, стоя в очереди за хлебным пайком, навалившись на стену, чтобы не упасть, плакали от голода и стужи. Местные жители легче переносили все эти невзгоды, но и они пополняли городское кладбище, отвозя туда своих стариков и детей.

За зиму намело сугробы снега вровень с крышами домов. Чтобы выбраться из дома наружу, рыли траншеи. Многое осталось в памяти от дней зимовки в Игарке и на Черной речке. Помню жгучие морозы и похоронный вой пурги и постоянное чувство голода и усталости.

Помню, весной уже стало невмоготу подниматься по крутой тропинке на берег, так мы все ослабли. Женщин, на работе было больше, чем мужчин. Тогда это принималось как должное: на ногах огромные валенки, ватный костюм, шапка-ушанка, замотанная шалью, — вот ее наряд. На плече — тяжелая кайла. Ей бы в руки иглу с ниткой или вязальные спицы, а она каждый день долбила лед. Преобладал тогда ручной труд. Даже лед и снег от судов отвозили на санках в основном тоже женщины.

Положим, едва ли кому было легко. Выходных дней не полагалось, а работали по 10-12 часов, причем трудились на совесть. Помню, какой это был радостный день, когда весной 1943 года на «Полярном» отправлялись из Игарки в свой первый в этом году рейс. Утонули в пучине времени мрачные выюжные ночи, и чудилось — попутный ветер удач дует в наши паруса».

Увы, так только чудилось, ибо если на фронте дела действительно шли к решительному перелому, то война большевиков с собственным народом и в 1943 году продолжалась с той же жестокостью. К сосланным за Полярный круг в первый же год войны прибалтам, грекам и немцам Поволжья, о которых упомянул капитан Балакин, вскоре добавилась еще одна выплеснувшаяся на игарский берег ссылочная волна — волна калмыцких «пособников фашизма».

Сталинская операция «Улус», начатая 27 декабря 1943 года, стала своей задачей полное уничтожение калмыцкого народа. Лучшим тому доказательством является 19-й том второго издания БСЭ, где нет ни пол слова о калмыках — ни о самой нации, ни о ее стране, ни о языке, который Александр Сергеевич Пушкин назвал среди «сущих» языков своей многонациональной отчизны. Вопреки Пушкину главное справочное издание страны недвусмысленно утверждало: калмыков не существует. Нет такого народа? Сто пятьдесят тысяч ни в чем не повинных граждан большевистского государства были призваны расплатиться за грехи ничтожной горстки коллаборационистов, вставших под знамя гитлеровского прихлебателя князя Тундутова. По логике кремлевского ката, теперь все калмыки до единого зачислившиеся в предатели. Никто из исполнителей операции «Улус» не пожелал вспомнить о доблести, с какой сражалась против вермахта 110-я отдельная калмыцкая дивизия. Всего же воины-калмыки за годы войны получили свыше 8 тысяч боевых наград и 21 Золотую Звезду Героев Советского Союза.

Не требовалось особого дара ясновидения, чтобы предсказать, чем закончится бессрочная ссылка в Заполярье для жителей прикаспийских южных степей. Вряд ли Сталин забыл слезные письма, которые он начал рассыпать своим друзьям (позднее им же уничтоженным) с первого месяца туруханской ссылки: «Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но денег нет.

Милая, если добудете денежки, шлите немедленно телеграфом, нет мочи ждать больше». К турханской ссылке «гения всех времен и народов» мы еще вернемся позднее, когда речь пойдет об одном из малоизвестных «спутников» Игарки — Курейском лагпункте, а пока отметим только, что в начале века друзья не дали Сталину окончательно пасть духом, прислав довольно крупную сумму денег. Но вокруг «собственных» ссылочных он старался создать глухую стену всесобщего презрения, сквозь которую не могли бы проникнуть ни добре слово, ни кружка молока, ни одолженный в трудную минуту рубль. Ему казалось, что он навечно скрепил эту стену надежным цементом из святых человеческих чувств — отвращения к предателям, памяти о павших, патриотизма. Что ж, цемент был и вправду прочен. Но им пытались скрепить клевету и ложь, а поэтому стена не могла не рухнуть.

Это произошло в тот день, когда порог отдела кадров судоверфи переступил хромой исходавший калмык в старенькой, аккуратно заплатанной шинели. Из кармана он бережно извлек завернутые в газету бумаги — все свое богатство — и положил их перед заведующей. Первой была справка спецпоселенца, заменившая калмыкам отобранные у них при депортации паспорта. Затем шло направление на работу, выданное Игарской комендатурой НКГБ № 578. А последним заведующая развернула свидетельство, выданное старшине Урджеру Мухлаеву в том, что он является инвалидом войны II группы и имеет право на соответствующую пенсию. Не веря собственным глазам, заведующая подняла взгляды на стоявшего перед ней солдата.

- Так вы не у них воевали? — спросила она шепотом.

- Нет. Я воевал с ними, — просто ответил сержант Мухлаев. Под Вязьмой воевал. Ранили, вылечили. Потом под Сталинградом воевал. Там сильно ранили. Домой после госпиталя отправили. А из дома — сюда.

Новости всегда разносились по Игарке со скоростью звука, и вскоре все игарчане уверились, что большинство «фашистских прихвостней» и в глаза не видели немцев, а те немногие, что видели, вспоминают об оккупации как о земном аде. Узнали в городе и о том, что у многих калмыков сыновья, мужья и братья продолжают сражаться с фашистами, не подозревая о зачислении близких в предатели, и не одна игарчанка разделила той осенью со своей калмыцкой сестрой горькие вдовы слезы, читая при скромном свете коптилки похоронки — русская женщина калмыцкую, калмычка — русскую.

Если бичом «раскулаченных» крестьян была цинга, то калмыков косил туберкулез, против которого были совершенно бессильны предлагавшиеся игарчанами от души настои и отвары. Против туберкулеза имелось лишь одно действенное лекарство, но именно в нем ссылочным было отказано. Оно называлось — Калмыкия...

Умер, прожив в Игарке чуть больше полугода, старшина Мухлаев. Его жена, Гуча Эрендженовна Мухлаева, пережила мужа ровно на три месяца. Не стало большой трудолюбивой семьи Очегоряевых, где умер-

ли все, вплоть до годовалой Гали. Умерла семилетняя любимица улицы Орджоникидзе, смешливая певунья Люба Кукеева, которую за черные глаза и звонкий голосок все звали «цыганочкой». За маленьким гробом «цыганочки» шли ее живые еще родители и соседи — старенький конюх педучилища Христиан Христианович Прахт, демобилизованный по ранению украинский учитель Степан Недбайло и 60-летняя гречанка Лена Анастасиади, приехавшая с рыбачьего станка Погорелка, чтобы вызвать врача к больному мужу, — святой и горестный «интернационал» военной Игарки.

Никто и никогда уже не сможет принести цветы к плотно прижимавшимся друг к другу холмикам их непримиримых могил: еще в шестидесятых лесокомбинат, расширяясь, поглотил и калмыцкое заброшенное кладбище и близкие улички — Биржевую, Портовую, Экспортную, в бараках которых когда-то жили и умирали мученики заполярной ссылки. Дольше всех не поддававшись времени почерневшие сваи сгоревшего барака на Советской 10 — этот адрес особенно часто попадается мне в «карточках мертвых» Игарского ЗАГСа. Длинное почти, бесконечное строение вмещало столько калмыцких семей, что в городе его звали «десятой деревней»...

Эта опустошительная война на два фронта не прекращалась в Игарке ни на один день — и огненные сполохи Великой Отечественной порой тоже подступали совсем близко к границам никогда не значившегося в сводках Информбюро заполярного порта. Подорвалася в устье Енисея на мине транспорт «Тбилиси». У шхер Минина погибли от торпед «Сергей Киров» и «Диксон». Одна из гитлеровских подлодок, базировавшихся на бухту Слободскую, прошла вверх по Енисею до Кауала, где подводники вступили в перестрелку с оленеводами и рыбаками, безуспешно попытавшись захватить в плен знающего фарватер проводника. Ремонтировались в Игарской прото-ке изрешеченные осколками дальние морские разведчики МБР-2 и «Каталина». Попала в гитлеровскую неволю на тяжелый крейсер «Адмирал Шеер» бригада игарских плотников во главе с Серафимом Герегой, отправленная на «Сибирякове» строить зимовку на мыс Молотова. Много позднее, когда стало возможным прочесть протоколы допросов на рейдере, игарчане узнали: ни один из их земляков не дал немцам требуемых сведений об укреплениях Диксона. Поэтому для гитлеровцев явился полной неожиданностью обративший их в позорное бегство огонь батареи лейтенанта Корнякова и пушек «Дежнева» с «Революционером». После боя израненный «Революционер» встал на ремонт в Игарке, где моряки проводили в последний путь своего отважного судового машиниста Петра Николаевича Гольма — того самого, который, если читатель не забыл, прокладывал на «Циркуле» дорогу морским судам к только что появившейся на свет Игарке и вместе с первостроителями монтировал лесозаводскую электростанцию. Штурман «Революционера» (а позднее — председа-

тель совета ветеранов Балтийского пароходства) Л.Н. Загорулько запомнил тот скорбный августовский день:

«Мы всем экипажем хороним его на игарском кладбище. Гроб был поставлен на машину, шесть краснофлотцев шли по бокам в почетном карауле, в форме, с винтовками. На улицах к траурному шествию примкнули жители города — это был первый солдат войны, которого хоронили в Игарке прямо после боя. Опустив Петра Николаевича в могилу, дали салют. Он был замечательный человек. Не было ничего такого, чего бы не могли сделать его руки, а одновременно он был лучшим первым номером у «эрликона» при отражении атак противника. Все его очень любили. Никогда не уставал и никогда ни от какой работы не отказывался...»

Читая эти строки ветерана, неверно вспоминаешь старую утесовскую песню:

Его друзья зашли в саван белый,
На волнорез затем его снесли,
И люди шли проститься с мертвым телом,
И каждый поклонился до земли.
А он лежал, шинелью покрытый,
Белела надпись на груди его,
Чтоб был народ, как тот матрос убитый,
Один за всех и все за одного!

Такими они и пришли к победному маю 1945-го, игарчане военных лет, насмерть стоявшие в обеих войнах: один за всех — и все за одного. Расстрелянны чекистами в июле 1941-го Борис Васильевич Лавров и павший в 1942-м от фашистской пули под Тулой Николай Сергеевич Вершинин, сгинувшая в аду Гулага Валентина Петровна Остроумова и прошедший ад фашистских лагерей Серафим Георгиевич Герега, со славой вернувшись в родной город с фронта Великой Отечественной кавалеры боевых орденов и медалей Василий Семенович Окладников, Юрий Петрович Крылов, Александр Яковлевич Почекутов, Павел Алексеевич Евдокимов — и со всей семьей погибший в игарской ссылке мужественный сержант Урджер Мухлаев. Их сотни и тысячи, достойных граждан нашего города, великих тружеников и доблестных воинов. Не прогнувших, не опустивших рук, не предавших. Низкий им всем поклон и вечная благодарная память потомков!

Труп бесноватого фюрера был сожжен в смрадной яме, и одна страшная война кончилась. Но вождь второй войны еще жил, готовясь обрушить на одухотворенную победой страну ярость новых «сталинских ударов». Их давящую тяжесть Игарке предстояло испытать с первых же послевоенных лет. На сей раз «артподготовку» открыла не статья об очередных происках врагов революции, как в бытые

годы, а невинная на первый взгляд фраза, произнесенная Сталиным в 1947 году на заседании Совмина: «Русский народ давно мечтал иметь надежный выход в Ледовитый океан». Реализовать эту «давнюю народную мечту», конечно же, было поручено многократно испытанным рыцарям с Лубянки.

В 1945 году лесокомбинат отгрузил на экспорт 17 тысяч кубометров леса. К 1947 году цифру эту удалось героическим (без малейших преувеличений) трудом игарчан довести до 49 тысяч, и наряду с советскими пароходами в порт впервые с 1939 года пришло одно судно под английским флагом. Его моряки были как громом поражены известием о том, что им категорически запрещается сходить на берег. Даже понадобившиеся экипажу парикмахер и зубной врач были доставлены под конвоем пограничников прямо на борт. Это означало, что добрые традиции «города открытых дверей», быстро прославившие Игарку на весь мир в краткую эпоху ГУСМП, окончательно сошли на нет. Было очевидно, что отныне Игарка намеревалась не показывать, а тщательнейшим образом скрывать от посторонних глаз все, что в ней происходило. Весьма кстати пришлось и то обстоятельство, что запредельно изношенное комбинатовское оборудование, как говорится, «дошло до ручки», отказавшись от дальнейшего соучастия в героическом труде, — к навигации 1948 года комбинат смог подготовить лишь 12 тысяч кубометров экспортных пиломатериалов — втрое меньше, чем в 1931 году! Ни одно иностранное судно под эту малость зафрахтовано не было, так что пограничники могли вздохнуть спокойно.

Их скрытность представляется вполне оправданной: сомнительно, чтобы кто-то счел лагерные бараки и сторожевые вышки объектами, достойными восхищения. А именно они стали главной достопримечательностью игарских берегов с тех пор, как ГУЛЖДС (Главное управление лагерного железнодорожного строительства, ведавшее сооружением «объекта № 503» — заполярной магистрали Салехард—Игарка) принялось рьяно воплощать в жизнь безумную сталинскую идею о «надежном выходе к Ледовитому океану».

Лубянские рыцари начали свою работу в Игарке с того, что забрали себе здания радиокомитета и педучилища народов Севера. Там, где еще недавно учились дети ненцев, долган, эвенков, нганасан, разместились тщательно охраняемые кабинеты больших, малых и средних чинов госбезопасности во главе с полковником Барабановым. Для него заключенными был построен просторный теплый особняк с собственной котельной и пулеметчиком на сторожевой вышке. Подчиненные полковника получили жилье неподалеку, в неслыханно комфортабельном по тогдашним игарским стандартам новом квартале, зашифрованном буквами «ПГС» — промышленное гражданское строительство, с магазинами, столовыми, га-

ражом для легковых машин и даже своей парикмахерской. До переселения в ПГС чекисты устроились в домах игарчан, которых вышиврнули в трущобы старого города либо «уплотнили».

Сразу за ПГС, отделенное от него двойным рядом колючей проволоки, патрулями и цепью сторожевых вышек с автоматчиками, шло столь же бурное «негражданское» строительство — возводились просто бараки, бараки усиленного режима, карцеры, караульные помещения, вышки, пасарни, сортиры на двадцать очков и прочие образчики типовой гулаговской архитектуры. Население этого «негражданского строительства» вскоре сравнялось по численности с населением Игарки, а затем оставил его далеко позади. В черте города прочно обосновалась сплошная полоса мужских и женских концлагерей (так называемых колонн) шириной около полутора километров. Колонны непрерывно пульсировали, то разбухая за счет прибытия новых барж с заключенными, то опять сокращаясь до прежних размеров после отправки в тундру очередных партий на прокладку полотна дороги. Обратно они уже не возвращались — кто-то вместе с насыпью уходил все дальше и дальше от Игарки, кто-то навсегда оставался на бесчисленных лагерных кладбищах, роль которых нередко исполняли близлежащие болота.

Еще лежали в руинах города и заводы, еще голодали после двух неурожаев кряду русские, украинцы и белорусы, еще никак не мог набрать 16 тысяч рублей на приобретение комплекта пил Игарский лесокомбинат, а Министерство финансов послушно отпускало Берии все новые и новые миллиарды рублей (свыше 6 миллионов за каждый километр) на строительство дороги, по которой, как спрятливо отметил в 1961 году видный экономист С. В. Славин, было совершенно нечего возить. Действительная (и единственная) цель этого чудовищного проекта была полностью идентична целям нацистских лагерей: еще более сгустить атмосферу всеобщего страха и покорности, заодно уничтожив всех тех, кому победные европейские походы дали оплаченную кровью возможность вкусить опьяняющий «глоток свободы».

Строительством восточного плеча дороги командовал генерал госбезопасности Антонов. Заключенные прозвали его «семь пудов номенклатурного мяса». Этот вечно нетрезвый багроволицый самодур мог в равной степени самозабвенно орать и на доходит, изнемогавших от непосильного труда в жестокую непогоду (на жаргоне Антонова это называлось «разгонять пургу»), и на своих сатрапов чинами помладше. Установив «премию» в пол-литра спирта и три пачки махорки за каждый перегруженный с баржи паровоз, Антонов искренне считал себя благодетелем заключенных, располагавших для подъема многотонных машин точно теми же средствами, какие были тысячу лет назад у рабов, строивших египетские пирамиды. Пока одни бригады перегружали паровоз на заранее подложенный бревенчатый настил

с несколькими метрами рейсов, другие заготовляли дрова; независимо от наличия или отсутствия железнодорожного полотна, каждый локомотив считался Антоновым принятым лишь после того, как в его кotle срочно поднимался пар и над тундрой разносился хриплый рев включенного генеральской рукой паровозного гудка. Подобно множеству иных зажравшихся, тупых и безгранично невежественных чекистских генералов (все образование Антонова составляли 4 класса начальной школы), он ревностно заботился о том, чтобы прослыть в «главке» тонким знатоком и ценителем культуры. Во всех трех столицах восточного участка «503-й» — Игарке, Ермакове и Яновом стане — часто устраивались пышные концерты «самодеятельности», благо бывших актеров, певцов, музыкантов и художников на гигантской стройке было хоть отбавляй, причем немало — со званиями лауреатов и заслуженных деятелей искусств.

Участник строительства А. Побожий оставил в своих мемуарах яркие зарисовки подобных «концертов» в помещении игарского театра, где блестящие многочисленными орденами мундиры офицеров госбезопасности соседствовали с чернобурками, золотом и бриллиантами их дочерей и жен, бесстыдно контрастируя с истончившимися лицами и темными, заскорузлыми руками доставленных из лагерных колонн артистов. За их потрясающей игрой с завистью наблюдали из-за кулис актеры игарской труппы, растерявшие за две войны и прежних любимцев публики, и прежнюю популярность своего театра (но зато патологический доносчик Никитин вырос там до художественного руководителя!).

1 января 1949 года игарчане смогли прочесть в «Большевике Заполярья» запомнившееся многим из них опровержение ТАСС:

«Военный министр США Ройалл сделал на пресс-конференции заявление, в котором, ссылаясь на якобы «достоверные сведения» американской разведки, говорил о 13 миллионах, заключенных будто бы в концентрационных лагерях в Советском Союзе. ТАСС полноценен опровергнуть эти нелепые измышления Ройалла как явную ложь и гнусную клевету на Советский Союз. Американская разведка не первый раз подводит правительство США подобного рода смехотворными «достоверными заявлениями».

Для мучеников 503-й в заявлении Ройалла ничего смехотворного не было. Закрепившееся за трассой название «мертвая дорога» достаточно верно отражает экономическую сущность этой преступной сталинской затеи, но с чисто человеческой точки зрения не менее уместным было бы название «дорога мертвых». Сохранившиеся до девяностых годов частоколы покосившихся кольев с прикрученными проволокой склонившими фанерными бирками (такое лагерное кладбище норвежское телевидение засняло, например, там, где насыпь дороги выходит к Турухану) — способны поразить любое, даже самое закаленное воображение. Но 503-я была дорогой не только мертвых взрослых, но

и мертвых детей! Игарские архивы сохранили поистине рвущие душу документы того проклятого времени:

«Ефимов Игорь Андреевич. 03.05.52—11.11.52. Смерть зарегистрирована на основании справки изарского дома младенца, где умер ребенок, мать в заключении, лагпункт № 4».

«Михайлов Олег Владимирович. 25.05.52—13.11.52. мать в заключении...»

«Павлюк Ольга Борисовна. 19.03.52—17.09.52...»

«Калинин Ирина Федоровна. 14.07.52—17.09.52...»

В конце концов регистратору, заполонявшему десятки одинаковых бланков, вероятно, надоело вносить в них стандартные подробности множества детских смертей, и он перешел на более лаконичный стиль:

«Лобков Иван Иванович. Безродный».

«Котин Виталий Васильевич. Безродный»...

Откуда появлялись в городском доме младенца эти несчастные крохи, погибавшие от холода и недоедания, едва успев родиться? Все оттуда же, с перегонов и колонн 503-й, где к беременным женщинам, отправленным недрогнувшей рукой большевистской «юстиции» на заполярную катогру, добавлялись те, кого «облюбовывали» бригадиры и прочее лагерное начальство, кого насиливали конвойры, кого проигрывало в карты уголовное отребье. За все эти страдания, за тысячи женщин, детей, мужчин, уничтоженных на игарском островке гигантского архипелага Гулаг, не понес ответственности никто: пытаясь проследить дальнейшие (более чем благополучные) судьбы заправил игарского ада — Антонова, Гвоздева, Барабанова, Милославского и иных, я не нашел, что историк Рой Медведев хоть в чем-то погрешил против правды, написав:

«Никто не привлекал к ответственности следователей НКВД, проводивших дознание с применением пыток, начальников лагерей и тюрем, надзирателей, известных своим жестоком обращением с заключенными. Не обнародовались имена доносчиков и клеветников. Лишь отдельные работники НКВД-МГБ получили партийные взыскания за превышение власти».

Только и всего...

Ужасна была участь жертв «железнодорожной войны». Но ошибается тот, кто предположит, что жизнь рядовых игарчан, находившихся вне зоны 503-й, не имела ничего общего с нищетой и бесправием заключенных. Разница заключалась, пожалуй, лишь в том, что горожан гнал на работу лесокомбинатовский гудок, а зеков — звон подвешенного у лагерных ворот рельса. В остальном же... Вот что писали зимой 1949 года в «Большевике Заполярья» участники рейда рабкоров по Биржевой улице:

«В настоящее время большинство квартир находится в антисанитарных условиях. Есть квартиры, где живут рабочие скученно, по 30–50 человек. В квартирах холодно, стены обледенели, царит полумрак. Окна или наполовину заключены (за неимением стекла), или же покрыты толстым слоем льда, и повсюду грязь. Еще хуже обстоит дело с освещением: в одной квартире есть свет, потому что жители дали взятку электромонтеру, а в других нет. Там сидят с лучиной, разбросав горячие угли по полу, чтобы было светнее».

Помните веселое «Валентина Петровна, чтобы следующий дом был с ванной»? Вряд ли Остроумова узнала бы свою Игарку в этих поистине «каторжных норах»...

Фактическое превращение города в пришадок громадного концлагеря не могло не оказать самого разрушительного воздействия на экономику Игарки. В основе тогдашнего падения производительности труда (полезный выход уже давно измерялся на комбинате не в процентах к сырью, а в мистических процентах к плану), регулярного провала производственных программ и последовательного ухудшения социально-бытовых условий лежал целый комплекс проблем, в значительной степени порожденных соседством 503-й. Здесь можно отметить и наличие в городе фактического двоевластия, и постоянное отвлечение комбината на обслуживание ГУЛЖДС, и нищенский (особенно в сравнении с бессмысленными затратами на мертвую дорогу) городской бюджет. Впрочем, с такими сокрушительными ударами, какие Сталин продолжал обрушивать на многострадальную «столицу Арктики», не справилась бы и намного более солидная казна.

Первые послевоенные годы были отмечены в Игарке появлением не только армии заключенных, но и новой армии ссыльных — теперь, после финнов, латышей, немцев, греков и калмыков, вождь решил обратить свое недреманное око на литовцев. Ни «лесных братьев», ни других активных борцов с большевизмом среди сосланных не было — в Заполярье очутились жертвы так называемой «социальной профилактики» среди учителей, крестьян, ремесленников. Сталин стремился лишить литовскую нацию наиболее способных ее сынов и дочерей, без которых, как он полагал, она навсегда должна была превратиться в безликую массу, рабски покорную будущим «великим свершениям». Прибытие множества бесприютных, не знающих даже русского языка семейств было для игарчан (исключая, само собой, чекистов) полнейшей неожиданностью. Правда, свободный списанный жилфонд в городе имелся: туберкулез среди калмыков, цинга среди греков и жестокая вспышка сыпняка осени 1944 года опустошили не одно баракное «общежитие». Но разместить в них такое огромное количество новоприбывших все равно не представлялось возможным, и доброй половине горожан пришлось срочно «уплотниться» — там, где жила одна семья, размещалось теперь две, а то

и три. Снова, уже в который раз, рухнули робкие надежды игарчан, что самое страшное позади, что начнут строиться новые, просторные дома и трудовой люд сможет наконец пожить в тепле по-настоящему городских квартир. В общем-то, новое строительство началось: вверх по улице Сталина на окраине города ударными темпами возводился силами литовцев обширный поселок, в котором предстояло жить ссыльным, но, скажем прямо, это были совсем не те новостройки, о которых мечтали после войны в Игарке.

Она и теперь не отвернулась от новой волны очутившихся на ее земле мучеников, все так же по-братьски делясь с ними тем малым, что имела сама, — сочувственным пожатием руки, парой поленьев, ломтем хлеба, отрезанным от последней черной буханки. Как символ добра и понимания между людьми хранится сейчас в государственном музее Каунаса драгоценная реликвия — теплые валенки, подшитые для литовского ссыльного его игарским соседом Николаем Романовичем Шховцевым. Но отчаяние от несправедливости содеянного, страдания долгого крестного пути из Литвы, недоедание и болезни вновь, как и в годы сибирского раскулачивания, начали собирать свой страшный урожай среди детей, старииков и взрослых:

«Скушинскас Пранас, 1 год 4 месяца. На иждивении матери, рабочей лесокомбината. Проживал по улице Сталина, 18. Скончался от дистрофии».

«Банионис Казис, 83 лет. На иждивении сына, рабочего лесокомбината. Проживают по Биржевой, 8. Скончался от порока сердца».

«Нийоле Лукошевичуте, 2 года. На иждивении отца, рабочего лесокомбината. Проживала по улице Сталина, 46. Скончалась от дифтерита».

«Стамиене Она, 74 года. На иждивении дочери, рабочей лесокомбината (место жительства — прочерк). Скончалась от отошения».

«Симонавичус Ионас, 1 год. На иждивении матери, рабочей лесокомбината. Причина смерти — истощение».

«Домашаускас Йозас, 11 лет. Причина смерти — туберкулез».

До самых берегов Ледовитого океана протянулся тогда вдоль Енисея лес совершенно неожиданных для этих мест католических крестов, и самая густая их роща выросла в Игарке...

А ведь когда-то на Енисей были сосланы «жестоким царизмом» и оба основоположника большевизма. Никакого «отошения» у них, однако, не наблюдалось. Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что «одну неделю для Владимира Ильича покупали барана, которым кормили, пока всего не съест. Как съест, покупали мяса на неделю для котлет, молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича, и для его прекрасного гордона Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать. В общем, ссылка прошла неплохо.

Это были годы серьезной учебы». Ссыльный Джугашвили в курейской ссылке ничему серьезно не учился, но, получая от партийных товарищей крупные переводы, тоже жил в свое удовольствие — как свидетельствует его соседка Анфиса Степановна Тарасеева, «веселый парень был, плясал хорошо, песни пел, со стражником дружбу водил, и тот ему письма отправлял. До драк охоч был. Жили сытно...». Такие условия ни финским, ни греческим, ни литовским ссыльным и присниться не могли. Единственным памятником их несказанным мукам становились лишь бесконечные шеренги высоких черных крестов. А вот развеселая сытая ссылка их главного палача внезапно привела к появлению под Игаркой еще одного концлагеря, назначения которого первоначально никто понять не мог — он находился вдали как от графитных рудников, так и от трассы 503-й. Поняли позднее, когда миф о «революционной деятельности И. В. Сталина в Курейке» стал одеваться в гранит и мрамор мемориала, срочноозводимого усилиями особого лагпункта Норильлага. Курировал создание мемориала норильский чекист Епишев. По всем надземным и подземным нормам обширной империи Норильлага оперуполномоченные лихорадочно выискивали для Курейки лучших скульпторов, бетонщиков, сварщиков, паркетчиков. Энергетики в считанные дни смонтировали мощные американские дизель-генераторы, в избытке обеспечив строительство электричеством. К семидесятилетию вождя игарские связисты, используя линии 503-й, по приказу Барабанова установили в декабре 1949-го прямую связь между Игаркой, Курейкой и Москвой, но вопреки надеждам лагерных заправил Иосиф Виссарионович к телефону не подошел и ответить «родным местам» не соизволил.

Не прошло и десяти лет, как многометровый истукан, запечленный буксируным тросом за шею, был сброшен с курейского берега в Енисей. Еще меньше продержалась после смерти вождя его «Великая заполярная стройка». Как вспоминал Леопольд Антонович Барапонский (ныне почетный гражданин города, увлеченный летописец Игарки, а в прошлом — латышский ссыльный): «Можно было только диву даваться, как четко проводилась ликвидация: уже к лету 1954 года мало что свидетельствовало о том, что совсем недавно здесь велась большая стройка. Лишь остались торчать по трассе Игарка-Ермаково пустые бараки семи лагерей. Лагерные каптерки еще были заполнены телогрейками, ватными штанами и шапками, матрацами, обувью и другим нехитрым скарбом заключенных. Бросили на произвол судьбы и паровозы...»

Прав был Отто Юльевич Шмидт, тысячу раз прав! Игарка действительно показала всему миру, на что способны большевики. Вот только мир об этом еще не знал.

ИГАРСКИЙ ХРОНОГРАФ

- 1938 г. — Открытие лесокомбинатовского цеха ширпотреба.
- Начало работы автобусной линии и городского такси.
- Дирекция Института полярного земледелия переезжает из Ленинграда в Игарку.
- На улице Сталина, 18, открывается ресторан.
- Три кирпичных завода города (комбината, местпрома и СевЕнстрая) выпускают за год 2 млн. штук кирпича.
- Горсовет принимает план развития города с переходом к кирпичному строительству и нормой жилплощади к 1942 году в 9 кв. м на каждого игарчанина.
- Выстроено роддом на 25 коек.
- Завод на Черной речке производит за год 250 тонн цемента.
- Снесена северная группа Карских бараков.
- Усть-Портовский рыбозавод доводит продукцию до 700 тысяч консервных банок в год.
- Построен пассажирский вокзал речного порта.
- В США выходит книга Рут Грубер об Игарке «Я была в Советской Арктике».
- На улице Смидовича открывается городской рынок с первым в городе комиссионным магазином.
- Авиалиния на Красноярск закрепляется за гражданским воздушным флотом, а все линии из Игарки на север — за Полярной авиацией.
- Полезный выход пиломатериалов от сырья достигает на комбинате 61,27 %.
- Население города составляет 18 800 человек. Товарооборот игарской торговли в 35 млн. рублей является (в пересчете на одного человека) самым высоким в стране.
- Правительство в своем постановлении от 28 марта признает деятельность ГУСМП неудовлетворительной по причине вражеской подрывной работы. Начало массовых арестов в системе ГУСМП.
- Книга «Мы из Игарки» вызывает огромный интерес на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Вторым игарским экспона-

том становится газета «Большевик Заполярья».

- Арест в Москве В. П. Остроумовой.
- Правительство принимает постановление от 29 августа о реорганизации ГУСМП с передачей большинства его структур в ведение различных наркоматов.
- Впервые учебный год начинается в Игарке 1 сентября, ранее все школы до конца навигации отдавались под размещение сезонников.
- Из Игарки уходит 35 судов с 242 255 куб. м лесоэкспорта.
- Начало задержек зарплат и выдачи их «натурай».
- В Игарке открыт детприемник для беспризорных.
- Постановлением ЦК ВКП/б «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины» введены трудовые книжки.
- Число прогулов на комбинате превышает 700 за месяц.
- Ввод лимитов (60 Вт) на потребление электроэнергии.
- В Курейке открыт музей И. В. Сталина.
- 1939 г. — Сотрудники метеостанции получают первую в Игарке партию трудовых книжек.
- Построена новая поликлиника.
- В Усть-Порту дотла сгорает консервный завод.
- Строятся «спецобъект №6» — городская тюрьма.
- Из-за отсутствия специалистов закрываются рентгеновский и физиотерапевтический кабинеты.
- Начало вынужденной кампании по замене арестованных руководителей и специалистов «выдвиженцами» из низов.
- Игарка отмечает свое 10-летие в обстановке чекистского террора. Имена многих первостроителей запрещено упоминать.
- В августе с комбината увольняют за прогулы свыше 500 человек.
- Горкоммунхоз становится неплатежеспособным и переходит на городской бюджет.
- Закрываются кирпичные заводы местпрома и лесокомбината. Работает только завод СевЕнстрая.
- Жесточайший энергетический кризис заставляет город

- обратиться в крайисполком с просьбой "включить в план постройку горэлектростанции мощностью в 3000 кВт с окончанием строительства в 1941 году".
- Территориальное управление Севморпути переводится из Игарки в Усть-Порт, здание ГУСМП передается НКВД.
 - Среди учащихся второгодники составляют 26 %.
 - Впервые комбинат проваливает план по налилу экспорта, из порта с огромными простоями уходят 34 судна.
 - Сгорает химзавод по производству смолы и скипидара.
 - Открыто Игарское педучилище народов Севера.
 - Волну пожаров венчает сгоревшее пожарное депо.
 - К техбрaku на комбинате за год отнесено 4500 куб.м продукции, убыток от производственной деятельности составил 2,5 млн. рублей.
- 1940 г. — Горсовет принимает решение «О месторождении угля на реке Курейке, закладке шахты и транспортировке угля в Игарку». Исполнение намечается на 1941-1943 гг.
- Эпидемия бруцеллеза поражает 54 % скота в районе.
 - На Всесоюзную сельхозвыставку в Москву отправлены картофель сорта «Игарский-101» с урожайностью в 227 центнеров с гектара и выведенная Игарской опытной станцией капуста «Белокочанная-1» с урожайностью в 534 центнера с гектара.
 - Вводится отпуск молока детям лишь по рецепту врача.
 - Ликвидация СевЕнстроя. Все его функции передаются Игарской строительной конторе. Кирпичный завод передается местпрому.
 - Ввод в строй графитной Фабрики после капремонта.
 - Ликвидация СевЕнстроя. Все его функции передаются Игарской строительной конторе. Кирпичный завод передается местпрому.
 - Указ Верховного Совета от 26 июня «О переходе на 8-ми часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода с предприятий и учреждений» вызывает на всех игарских предприятиях значительное повышение норм при одновременном снижении расценок. Начало кампании судов над «летунами и прогульщиками».

- Открытие краеведческого музея.
 - Прирост населения составляет за год 2500 человек. Прирост жилого фонда рассчитан лишь на 600.
 - Из Игарки уходит 7 морских судов, причем «Узбекистан», «Севзаплес» и «Моссовет» загружаются круглым лесом.
 - Крупнейший лесозавод № 2 встает на капремонт. За год пилорамы комбината простояли 4300 рабочих часов.
 - План заготовок дров к зиме выполнен на 24 %.
 - Из-за деформации фундаментов печей встает на капремонт городской хлебозавод.
- 1941 г. — Все колхозы района (им. Сталина — в Усть-Курейке, Денежкине и Ермакове, им. Кирова — в Погорелке, им. Буденного — в Сушкине и Карасине и им. 8 марта — в Агапитове и Сопочки) переводятся на устав рыболовецких артелей с переориентацией основного профиля.
- Горсовет отводит НКВД участок под строительство новой тюрьмы.
 - План завода сезонников устанавливается в 2400 человек.
 - Прекращение экспортных операций. Из Игарки уходят последние 4 судна, груженных экспортным лесом. Всего за навигацию отгружается (вместе с круглым лесом) 105 000 куб.м
 - Число сданных с началом войны радиоприемников составляет в Игарке и районе 712 штук.
 - Уплотнение групп в детсадах и яслях для максимального привлечения матерей к работе.
 - Улов рыбы артелями составляет за год 4013 центнеров.
- 1942 г. — Вводится нормированный отпуск по талонам (300 г жиров в месяц, 600 г крупы, 1500 г мяса). Детям добавляется в месяц 500 г сухофруктов и 500 г пряников. Рабочая норма отпуска хлеба — 800 г. Открытие в городе ремесленного училища на 350 учеников (на базе школы № 2).
- Горсовет предоставляет Норильлагу 1500 га земли в Карасине под лагерное подсобное хозяйство никелевого комбината.
 - Лесокомбинат переключается на оборонные заказы (авиарейка, авиаабрус), отгрузив за навигацию 107 000 куб.м.

- Введение ряда обязательных трудовых повинностей (по заготовке торфа и сена, вылову круглого леса, уборке урожая и т.п.). Кроме того, в навигационный период все обязываются отработать после конца рабочего дня по 4 часа в течение недели на выкатке и погрузке леса.
 - Прибытие в город 2 тысяч «рыбаков» — ссыльных украинцев, кубанцев, латышей, эстонцев, карело-финнов, греков, немцев из Ленинградской области и Поволжья, в большинстве распределемых по рыболовецким артелям.
 - Начало строительства в Игарке судоверфи.
 - Игарские плотники с «Сибирякова», потопленного тяжелым крейсером «Адмирал Шеер», попадают в гитлеровский плен.
 - После боя у Диксона (27 августа) пароходы «Революционер» и «Кара» встают на ремонт в Игарке.
 - Похороны на городском кладбище погибшего моряка с «Революционера» и одного из первостроителей Игарки П. Н. Гольма.
 - Городские власти предписывают «снабжение рыбаков продуктами питания производить только в зависимости от выполнения плана рыбодобычи». В результате смертность среди ссыльных еще более возрастает.
 - Высокое число заболевших цингой приводит к открытию «хвойных пунктов» по отпуску настоя из игл.
 - В связи с отсутствием в городе мыла местпром осваивает мыловарение.
 - Число неграмотных в Игарке возрастает до 1100 человек.
 - Постановление Совнаркома от 4 ноября о снижении хлебных норм нарушителям трудовой дисциплины вызывает дальнейшее нарастание смертности от дистрофии.
 - Крайисполком принимает решение сократить бюджет Игарки на полмиллиона рублей за счет уменьшения финансирования горздрава, горено и педучилища народов Севера.
 - Годовой улов рыбы артелями составляет 6703 центнера.
- 1943 г. — Определяемая количеством хлебных карточек «численность населения города составляет 13 361 человек. Из них: рабочих — 5769, служащих — 1272, иждивенцев — 2700 и детей — 3610.

- Из-за жестоких морозов театр им. Пашенной переезжает из своего обветшавшего здания на улице Смидовича в помещение к/т «Октябрь» (бывший «Рот-Фронт»).
 - Согласно постановлению Совнаркома от 3 февраля в Игарке проведен первый призыв подростков в школу № 30.
 - Комбинат производит 35 700 куб. м пиломатериалов. Вместо 220 тыс. куб. м сырья поставлено только 79.
 - Отсутствие завоза табачных изделий заставляет все подсобные хозяйства города перейти к выращиванию махорки.
 - Восстановление смолокурно-скипидарного производства.
 - Главной хозяйственной — политической задачей Игарки 18-я сессия Горсовета объявляет «обеспечение города дровами путем самозаготовок», поскольку Крайтопотдел так и не выполнил распоряжение крайисполкома об освоении Курейского угольного месторождения, массовая вырубка деревьев в черте города и вокруг него, а также «изрубление тротуаров, мостовых, заборов и полов».
 - Из-за поломок и отсутствия топлива прекращает работу графитная фабрика.
 - Силами игарчан завершено «скростное строительство» консервного завода в Усть-Порту.
 - Годовой улов рыбы составляет 8568 центнеров.
- 1944 г. — По свидетельству комиссии Горсовета, «в городе не ведется борьба с беспризорностью детей. В детдоме около 80 сирот фронтовиков. В помещении холодно, дети не имеют постельного белья и одежды, если и есть какая одежда, то она не приспособлена к росту детей».
- Горсовет констатирует, что «из 18 рабочих лошадей, находящихся в городе, 10 доведены до истощения».
- В связи с отсутствием спичек местпром осваивает их производство.
- Больницы Норильска, Игарки и Дудинки принимают 256 спасенных с торпедированного 12 августа в Карском море транспорта «Марина Раскова».
- Организован горпищекомбинат с кондитерским, пивным и виноводочным цехами (из-за отсутствия сырья работает только последний, выпуская ликер, настойки и «вино

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

мальтозное»).

- Число работающих на лесокомбинате снижается до 792 человек.
- Из-за ветхости закрывается последняя баня в городе, работает лишь санпропускник при хлебозаводе.
- Прибытие в Игарку депортированных в ходе операции «Улус» калмыцких ссыльных.
- Вместо положенных 8 кв. м жилплощади в Игарке приходится на человека менее 5 кв. м.
- Эпидемия сыпного тифа.
- Учитывая высокую завшивленность прибывающих в город лиц», исполнком принимает решение строить при речном вокзале баню и волшебойку.
- Годовой улов рыбы возрастает до 9414 центнеров.

1945 г. — Первая послевоенная сессия Горсовета констатирует, что «наружный вид города является собой непривлекательную картину. Ограды и заборы разломаны и не восстанавливаются. Появилась масса всевозможных пристроек, стихийная торговля на улице Шмидта мешает уличному движению. Водоснабжение поставлено совершенно неудовлетворительно. Внутриквартальные территории беспорядочно застроены обильным количеством неблагоустроенных уборных, завалены отбросами. Водосточные канавы засорены, не очищаются и не ремонтируются».

- Лесокомбинат выпускает 42500 куб. м пиломатериалов.
- Закрытие кирпичного завода по причине отсутствия энергии и полной изношенности оборудования.
- Вылов рыбы падает до 6940 центнеров.

1946 г. — Построена звероферма в Шайтане.

- Из-за чрезвычайной истощенности водоемов запрещается лов рыбы осетровых пород, а также «черной и белой мелочи».
- Сильные июльские заморозки лишают город урожая картофеля и капусты.
- Из-за полного разрушения всех городских дорожных покрытий исполнком запрещает перевозку пассажиров автотранспортом. Скорость ограничивается 20 км/час.

— В город возвращаются 246 демобилизованных игарчан.

- Комбинатом выработано за год 62 500 куб. м пиломатериалов.

1947 г. — Вспышка цинги.

- Из общего 14-тысячного населения района в самой Игарке проживает 9800 человек.
- Вместо необходимых Игарке 20 врачей в городе работает лишь 8. Нет хирурга, окулиста, невропатолога, психиатра, рентгенолога и других специалистов. Отсутствует служба скорой помощи.

— Горпищекомбинат впервые в истории города приступает к производству пива, продав его на 5700 рублей, но далее из-за отсутствия сырья цех выпускает только ситро и «бузуз».

- Создание в Игарке отделения Дудинского порта Норильского комбината.

— 10 судов вывозят из Игарки 49 300 куб. м леса.

- На звероферме в Шайтане насчитывается 457 американских серебристо-черных лис и 92 норки.

— Вновь начинают работу кирпичный и известковый заводы.

1948 г. — В Игарку прибывает экспедиция 503-й стройки ГУЛЖДС.

- Отпуск хлеба ограничивается 1 килограммом в руки.

— Возобновление комбинатом работы на экспорт. 3 судна вывозят из Игарки 12 500 куб. м леса.

- Прибытие в Игарку литовских ссыльных.

— Подавление восстания заключенных 503-й стройки под руководством Воронина.

1949 г. — Открывается третий в городе детский дом на 100 детей.

30 марта горисполком принимает решение: «В связи с возникшей крайней необходимостью размещения прибывших в Игарку инженерно-технических работников и руководящего состава Северного управления МВД СССР передать Северному управлению в арендное пользование здания, принадлежащие отделам горисполкома».

- Горкоммунхоз обязывает «в декадный срок произвести переселение жильцов из состава и произвести уплотнение за счет изъятия от квартирно-съемщиков излишней жилплощади, с выдачей ордеров на освободившиеся квартиры и комнаты».

Северному управлению МВД СССР».

- Успешно работавшая артель «Рыбак» решением горисполкома от 7 мая переводится из Ермакова в Старую Игарку, «считая крайне нежелательным нахождение на территории крупного промышленного строительства № 503 артели рыбаков, состоящей из высланного спецконтингента».
- Постановлением Совмина (от 17 июня) окончательно ликвидируется графитная фабрика, все имущество которой передается местпрому.
- 9 судов вывозят из Игарки 64 200 куб. м леса. Впервые после войны через Игарку отгружается небольшая партия пиломатериалов из Маклакова.
- Из Абези в Игарку переводится лагерный театр с труппами музыкальной комедии и драмы.
- Свое 20-летие город встречает среди колючей проволоки, спецкомендатур и абсолютного засилья госбезопасности.
- Бунт заключенных военных моряков против уголовников на 503-й стройке.
- Игарские авиаторы получают первые самолеты АН-2.
- Северное управление МВД организует детскую музыкально-художественную школу «для детей сотрудников Северного управления МВД и трудящихся Игарки».
- Завершение строительства заключенными сталинского мемориала в Курейке.
- Население Игарки (без учета заключенных Норильлага и 503-й стройки) возрастает до 25 000 человек, из них 17 000 — ссыльные.

1950 г. — Ликвидация сгоревшего театра им. В. Пашенной.

- 16 судов вывозят из Игарки 137 640 куб. м леса.

1951 г. — 16 судов вывозят из Игарки 93 500 куб. м леса.

1952 г. — Строительство бригадой литовских ссыльных под руководством Каспараса Кемзуры действующего по сей день подземного городского хранилища для мясопродуктов на 10-ти метровой глубине по проекту ученого-мерзлотоведа А. Пчелинцева и ссыльного инженера Рихарда Барке.

- Подавление восстания заключенных 503-й стройки под руководством Ершова.

— 20 судов вывозят из Игарки 114 000 куб. м леса.

1953 г. — 9 марта в полдень по московскому времени гудки лесокомбината, паровозов 503-й стройки и судов в протоке отмечают момент погребения тела Сталина.

— Восстание заключенных Норильлага.

— 27 судов вывозят из Игарки 196 000 куб. м леса.

— Всем городским учреждениям предписано уничтожить портреты Берии, расстрелянного 23 декабря,

1954 г. — 25-летие Игарки совпадает с ликвидацией 503-й стройки.

— 37 судов вывозят из Игарки 230 000 куб. м леса.

пусти ИГАРКУ плавать — ДАЛЕКО УПЛЫВЕТ

«Игарка — важнейший лесной порт Советского Союза. Она замечательна тем, что не похожа ни на один город. Никакие сравнения не приходит в голову».

Елена Озерецкая, спецкор журнала «Нева»
(Ленинград, 1959).

* * *

«Ангарская сосна по спросу занимает первое место на мировом рынке и находится вне конкуренции. Бурное развитие сибирского лесного экспорта на Енисее — это гордость нашего края. В перспективе развитие сибирского лесного экспорта будет занимать одно из важных направлений в экономике нашего государства».

Из книги Н.Г.Невенкива и Г.П.Лапина «Лесной экспорт Енисея»
(Красноярск, 1975).

* * *

«Несмотря на тяготы долгого пути к Игарке, мы сразу забыли о них, ощущив там такую искреннюю заботу о себе, какой более нигде в этой стране нам встретить не удалось. Люди были на удивление открыты и жизнерадостны. Атмосфера оказалась настолько полна добра и душевной широты, что мы совершенно позабыли о тесноте нашего небольшого судна».

Из книги Арвела Фухса «Приключения в русской Арктике»
(ФРГ, Кельн, 1991).

1955 - 1991

«Зимой Игарка заводь, весной Игарка - порт, пусти Игарку плавать - далеко уплывет» - этот припев памятной многим игарчанам песенки как нельзя лучше передает настроение людей, выведивших свой город к жизни из заледенелого сталинского склепа. Их задача казалась почти невыполнимой: за годы лагерного строительства Игарка окончательно потеряла былой ореол «столицы Арктики», превратившись в жалкое скопище нищих бараков, окруженное частоколом сторожевых вышек. С нескрываемой болью говорил тогда первостроитель заполярного порта депутат Летунов: «Трудно найти еще такой запущенный грязный город, как наша Игарка. Все пришло в ветхость, покоробилось, покосилось. Нечистоты и свалки лежат месяцами, загрязняя и отравляя все вокруг...» Все убеждало в том, что из этой выгребной ямы Игарке теперь уже не выбраться: после длительной полосы жесточайших репрессий и нечеловеческих лишений у истерзанного, до нитки обобранного города не могло остаться ни средств, ни воли к возрождению. Журналисты забыли дорогу в Игарку. Им было ясно, что никаких перспектив у тонувшего в грязи полугорода-полулагеря более не просматривалось.

Здесь, как, вероятно, догадывается читатель, следует добавить непременное «бы»: перспектив у города не просматривалось *бы*. Если бы удивительная Игарка не была населена удивительными игарчанами. Которые, едва судьба предоставила им такую возможность, не замедлили сотворить со своим портом очередное игарское чудо: захолустный поставщик «авиабруска бракованного для Северного управления МГБ» за короткий срок обрел славу одного из главных валютных цехов страны, где ежегодно отгружалось свыше миллиона кубометров высококачественного лесэкспорта. Не прошло и десятилетия со времени горького признания депутата Летунова о задыхающемся среди нечистот городе-развалюхе, как ленинградский журнал «Нева» на всю страну засвидетельствовал поразительную перемену, произошедшую с Игаркой (не правда ли, ее история все чаще напоминает нам Блока - «ряд волшебных изменений милого лица»?).

«Прежде всего здесь ошеломляет воздух. Он так чист и хрустально прозрачен, что заставляет дышать очень глубоко, до легкого покалывания в груди. К Игарке удивительно подходит выражение «жить на полном дыхании». Здесь человека сразу охватывает чувство какого-то обновления, бодрости. Воздух этого города, напоминающего издали старинный русский лубок, напоен опьяняющим смолистым ароматом - точно полуденный час застал вас в сосновом лесу. Мостовые и тротуары сделаны из сосновых досок, ярко-желтых после дождя, словно свежевымытые поля в новом доме». С нескрываемым чувством восхищения (двадцать лет тому назад оно так же согревало каждую строчку об Игарке, написанную Рут Грубер) ленинградская журналистка Елена Озерецкая описывает далее множество морских судов под погрузкой, труд ученых мерзлотной станции, бережно сохраня-

емые на заполярной ниве традиции «Агроарктики», жизнерадостную молодежь, распевающую под гитару популярный «Игарский вальс»:

И упливая в далекие страны,
Помнят матросы игарские дни:
В рейсе полярном, сквозь льды и туманы,
Долго им светят Игарки огни...

Почти невозможно поверить, что впечатления депутата Летунова и журналистки Озерецкой относятся к одному и тому же городу! Но не было ли чудо игарского преображения результатом обычных каникул международной лесной торговли? Что ж, спору нет - шестидесятые-семидесятые годы характеризовались устойчивым ростом спроса на пиломатериалы во всех странах. И все-таки нигде - ни в Австралии, ни в Канаде, ни в Финляндии - лесоперерабатывающие центры не знали таких темпов развития, как Игарка. Игарский экспорт стал влиятельным фактором формирования международного рынка пиломатериалов, а сама Игарка вошла в число наиболее динамично развивающихся лесных портов мира, оставив Архангельск далеко позади как по темпам роста, так и по скорости обработки судов.

И в центральной прессе, и в специальной литературе тому было найдено немало очень даже внятных объяснений, от трудового энтузиазма сибиряков, окрыленных решениями партии, до появления на Севморпути армады ядерных ледоколов. На такого рода «глобальные» причины, как правило, ссылались столичные знатоки. Что же до собственно игарских оценок, то наиболее любопытную из них мне довелось услышать от знавшего Игарку со временем военной ссылки заместителя председателя горисполкома Е.О. Роца, который определил причину зрывных перемен в жизни города с чисто немецкой краткостью: «От игарчан - отстали».

Отстали?! Это при непрерывной-то череде спешивших в Игарку морских и лесных министров, секретарей крайкома, представителей пароходств, инструкторов, ревизоров и контролеров?! Однако Евгений Оттович не ошибился: вся эта чиновная братия ехала в Игарку, но никак не к ее жителям. Они интересовали визиторов лишь в той степени, в какой принимали участие в отгрузке экспорта. Во всем прочем от них и впрямь отстали. Конечно, традиционный большевистский антураж, будь то открытые лекции чекистов о прописках ЦРУ или закрытые партсобрания по случаю закупок американского зерна, трепетно сохранялся, но уже совсем не это определяло теперь пульс городской жизни. Как отметила та же Е. Озерецкая, «лес - вот главная тема, основная работа и центральная идея Игарки». Государству позарез была нужна валюта, и городу велели сосредоточиться на ее добывче, милостиво предоставив решение всех прочих вопросов самим игарчанам. Подобная ситуация в корне отличалась от «бредо-

вых сороковых», когда Игарку под винтовочным дулом буквально разрывали на части, одновременно требуя от нее стахановской обработки судов, расширения местной промышленности, разоблачения агентов мировой буржуазии, роста заготовок сена, снабжения стройматериалом бесчисленных лагерей, выполнения невыполнимых планов рыбодобычи и освоения в тундре новых пахотных земель. Город сотрясали постоянные аваралы: аптекари срочно мчались на погрузку, лесопильщики лихорадочно косили траву, гидрографы героически буксировали рыбачьи сейнеры, а лагерное население ударными темпами дружно гнало туфту. Теперь эти «аваралы по-большевистски» свелись к символическим воскресникам, да и само слово «большевик» подернулось блеклой желтизной киношного антиквариата. Разумеется, от того, что МГБ переименовали в КГБ, а «Большевик Заполярья» стал зваться «Коммунистом Заполярья», бесчеловечная сущность власти ничуть не изменилась. Власть стала более циничной, и только.

Было бы наивным ожидать от такой власти, чтобы вновь обретенная Игаркой самостоятельность в решении простейших местных проблем обернулась пополнением городской казны. Это исландский Кефлавик мог озолотиться на добыче трески, аляскинский Вальдес — на нефти и норвежский Хаммерфест — на туризме. Игарке же не перепадало от лесоэкспортных прибылей ни цента. Вся валюта, в полном соответствии со сложившейся еще при Сталине практикой, шла исключительно на «укрепление оборонной мощи», содержание номенклатуры и расширение коммунистического влияния за рубежом. Поэтому город, ежегодно приносивший стране десятки миллионов долларов, был раз и навсегда произведен в... дотационные нахлебники государства! Впрочем, игарчане не слишком вдумывались в эти экономические несообразности — людей тогда радовало уже и то, что в их повседневной жизни заметно убавилось бессмысленной сути и заметно прибавилось здравого смысла. А при возможности использовать здравый смысл деньги нередко оказывались вторичны, в чем с удовольствием убеждались те городские руководители, которые таким смыслом обладали. В горкоме П.С. Федирко мог на все корки честить скучность городского бюджета — и обеспечить Игарку вполне профессиональной телестудией. В исполкоме Е.О. Роц, имея сущие гроши на благоустройство, мог поражать соседей-лудинцев идеальной чистотой «деревянного асфальта». А уж витрины игарских магазинов и подавно исторгали у туристов из Казани и Волгограда тихие стоны (нет, даже не видом свободно продающихся португальских вин или венгерских огурчиков, а обыкновенной тушенкой, вкус которой на материке забывался все более основательно). Словом, Игарку действительно «пустили плавать», и она действительно «далеко уплыла». Но — что за люди там теперь плыли? И каков был их курс?

Приехав в Игарку в середине шестидесятых я застал в ней как раз то поколение, чья судьба больше всего взволновала председателя горсовета Заскалько в разгар великой битвы лейтенанта Курбатова с пилоставами и коновозчиками: «Ни в одном городе вы не найдете таких условий, в каких у нас сейчас рабочие живут! Хоть бы квартирплату брать постыдились. Какую же производительность они могут дать? Ведь это жутко! И там больше всего детей, посмотрите, в каких условиях они живут и каких людей мы из этих детей получим?»

Вопреки опасениям председателя Заскалько люди из этих детей все же получились замечательные. Понимаю, что такое утверждение плохо вяжется с двухметровой жилплощадью и прочими ужасами предыдущей главы. И вовсе не собираюсь настаивать на том, что игарчанам удалось впервые в истории человечества опровергнуть непреложную истину «бытие определяет сознание». Бытие сталинской эпохи было безоговорочно скотским, здесь спорить не приходится. Но игарчане упрямо отказывались ограничивать свой мир этим навязанным им бытием — воюю барабанными клетушек и дурью бесконечных митингов. Их мир был совсем другим: широким, вольным, простиравшимся до самых єнисейских низовьев, а иногда и дальше. Еще Мод Хэвиленд, побывав в Игарке на заре столетия, отмечала, что умение слиться с этим огромным миром одарило игарчан редкостным по европейским меркам чувством собственного достоинства, уверенности в себе, доверия к соседу. Конечно, теперь мир этот стал гораздо более многогранным и был населен самыми разными людьми — потомками исконных игарских родов, первостроителями, ссыльными всех возрастов и национальностей, недавними фронтовиками, вчерашними заключенными, рафинированными интеллигентами с европейским образованием и лесными кочевниками, не открывшими за всю жизнь ни одной книги. Однако, при всей своей пестроте, игарское бытие продолжало оставаться все таким же дружелюбным, открытым и щедрым. Оно-то и определяло сознание игарчан, а вовсе не прописка на скучных «квадратах» или номер в очереди на ходильник.

Специфику «игарского сознания» я ощущал сразу по приезде, едва вселившись в только что застроенный после великого пожара 1962 года временный квартал с ехидным московским названием «Черемушки». Этим Черемушкам — как и положено любой советской «времянке» — суждено было стать моим домом и крепостью на ближайшие два десятка лет. В первый же вечер к нам заглянул живший в соседней двухэтажке азербайджанский врач и сказал, что, пока мы не обзавелись собственным запасом дров, его поленница к нашим услугам. А мой дом оказался полон шоферами с блокадной «Дороги жизни», и январский день прорыва блокады мы отмечали всем миром — ленинградцы, сибиряки, украинцы, немцы и литовцы. В Ленинграде я такого всеобщего праздника отродясь не видел. Наша вторая

ночь в Игарке была ознаменована тремя внезапными визитами. Сначала, слыша, что у нас плачет сын, зашла соседка из-за стеки. Она одарила малыша сразу успокоившим его чучелом горностая и сказала, что если с дороги понадобится постирушка, то у нее есть машина - «мы ж соседи как-никак». Потом, примерно в полпервого, осторожно постучался вернувшийся со смены сосед напротив: «Брат, дай с полведра водыцы, а то мои, видать, водовозку прозвали». Уже под утро раздался еще стук: пришел с рыбалки сосед снизу, который со словами «прости, земляк, - чем богаты» сунул мне две громадные заиндевелые рыбыны (потом жена узнала, что это нельма) и исчез. Такое же непосредственное «заходи, земляк» я слышал и на протяжении всех последующих недель в гостеприимных охотничих и рыбачьих избушках во время знакомства с енисейскими берегами. «Сосед», «брать», «земляк» - ни в родном Питере, ни на Сахалине, ни в Ульяновске, ни в иных местах, где мне до того доводилось работать, ко мне никто и никогда так не обращался! Правда, впервые отправившись в игарскую баню, я услышал там несколько иное обращение - но и этот случай мог произойти только в Игарке, и нигде более.

Веселый переход венников, смех и разговоры, как по команде, смолкли, едва порог парилки переступил высокий жилистый старик, кряхтя тащивший на полок свой таз с веником. Я хотел ему помочь, но мгновенно получил основательный толчок локтем в живот: «Отвали, сука! Без тебя обойдусь». Старик парился один, непрерывно отхаркиваясь и матерясь. Уходя, он не взял таз, а с руганью сшиб его ногой вниз. Когда мужики вернулись, я смог узнать от них, что удостоился «суки» от бывшего надзирателя женского лагпункта, чьим любимым занятием было обыскивать на морозе возвращающихся с работы женщин, заставляя их раздеваться почти догола. Судя по старательности, с какой парильщики после ухода старика обдавали полок кипятком, отношение игарчан к сталинской нечисти заметно отличалось от материковского небрезгливого равнодушия (позднее и вовсе сменившегося умиленной почтительностью). Тот вечер окончательно утвердил меня в мысли, что я попал в неповторимо хороший город. В главный город своей жизни.

Неоднократно пытаясь проверить эти свои первые впечатления, я сравнивал их с чужими, благо об Игарке вновь стали писать много и охотно. Писали, конечно, по-разному, но одно в этих наблюдениях было общим: ощущение уникальности игарского бытия. Вот, например, что Игарка тех лет оставила в памяти у другого ленинградца - поэта, геолога и ученого Александра Городницкого:

«Ее вид поразил меня - она была построена целиком из дерева. Лес сюда сплавлялся прямо по Енисею и обрабатывался, а потом подавался на иностранные пароходы. Это несоответствие деревянных

барабанных построек, праздничного пыления белого ночного июльского неба, отражавшегося в енисейской воде, и пароходов с итальянскими и греческими флагами поражало воображение, напоминая о Джеке Лондоне и Киплинге. Из дерева были не только дома, но и мостовые, более похожие на огромные настланые полы. Именно это заставило меня потом написать песню об Игарке «А я иду по деревянным городам, где мостовые скрипят, как половицы».

База нашей экспедиции располагалась по южной сторону лесобиржи, окруженной высоким глухим забором со сторожевыми вышками. Там круглосуточно сновали высокие лесовозы, напоминающие марсианские треножники из Уэллса, перевозя пакеты досок к причалам. С началом навигации по Енисею в Игарку завозили вербованых мужчин и женщин. На все это время объявлялся сухой закон. До сих пор помню, как прияя за одеколоном, я спросил, нет ли «Шип-ра». «Шипра» нет, - есть только «Кармен», - ответила продавщица. «Бери, не сомневайся, - толкнул меня локтем случившийся у прилавка работяга. - «Кармен» вкуснее!» Весьма своеобразную группу составляли так называемые тунеядки, девицы в возрасте от семнадцати до двадцати пяти, как правило, из весьма благополучных семей, которых, на радость местному мужскому населению, тогда высыпали согласно хрущевским законам на Крайний Север для принудительного перевоспитания физическим трудом.

Единственным местом, где продавали спиртное, недоступным, правда, для местных жителей, был клуб иностранных моряков, где за столами, заваленными агитационной литературой на английском, скучали подвыпившие гебешники. Центром клуба были бар и танцевальный зал, где плясали местные комсомольские активистки, «допущенные к иностранцам». Напротив интерклуба высилась высокая, надежно сложенная из отборных строевых бревен тюрьма, также обнесенная высоким забором. В тюрьме этой оказалась довольно неплохая библиотека художественной литературы, сложившаяся из книг, отобранных у заключенных.

В 1962 году мне довелось быть свидетелем страшного пожара, когда жаркий июль и небольшой ветер привели к тому, что буквально за несколько часов сгорело более половины города. Только тюрьму удалось отстоять от огня. Выстроившиеся цепочками с ведрами в руках зеки так упорно защищали свой «казенный дом», что огонь отступил...

И еще одно: я впервые столкнулся со странными песнями, которые пели наши рабочие, - никто не знал их авторов, «просто слышали, и все». Говорилось еще и так: «Слова народные, автора скоро выпустят». К одному поющему неторопливо присоединялись другие. Каждый пел не для других, а как бы только для себя, неспешно вдумываясь в поющиеся слова. Незримая общность того, о чем говорилось в песне, объединяла поющих, и возникало подобие странно-

го точного взаимопонимания, которого я не встречал в других мес- тах. Оттого, что здесь и жили вместе, и страдали.

Помню, когда в игарском аэропорту, расположенном на острове посреди Енисея, самолет оторвался от земли и накренился на правое крыло, делая разворот, а в маленьком круглом иллюминаторе стремительно понеслись подо мной бревенчатые дома, штабели леса, вспыхнувшая ослепительным солнцем серая енисейская протока с дымящими посреди нее пароходами и, наконец, зеленые полосы тайги вперемежку с зеркальными полосами болот, я испытал острое чувство настоящего счастья и обретения своего главного места в жизни.

Ну, а уж если за перо брались сами игарчане, то их строчки звучали и вовсе как объяснение в любви: «Когда штурман ступил на мостик, его тонкие ноздри заметно дрогнули, поймав густой сосновый запах. Зубатко рисуясь на голубом небосклоне, стояли по берегам бескрайние леса, и темная их зелень четко отделялась от воды желтыми прочерками песчаных пляжей. И так красива была река, вся в плавных поворотах, столько в ней было спокойной силы, так чисто отражала она в себе окружающий мир - где еще, в каких краях ждала его красота, подобная этой?» Этот маленький гимн Енисею принадлежит лоцманду Борису Павловичу Водопьянову, автору цепких трех книг об Игарке.

У колдовского обаяния игарского бытия был и еще один секрет: благодаря стремительному возрастанию отгрузки леса она уже к концу шестидесятых обзавелась всеми признаками настоящего крупного порта - десятками судов на рейде, разноязыкой речью на улицах, даже морскими склянками в качестве позывных местного радиовещания. Всякий крупный порт - это окно в мир, и в Игарке это окно было распахнуто так широко, как ни в одном другом советском порту, за исключением разве что Одессы. Конечно, в Ленинград, например, приходило намного больше судов, но там они были невидимы для города, отгороженные от ленинградцев каменной стеной порта и еще более непроницаемой оградой чекистской бдительности. В Игарке, как подметил Александр Городницкий, чекистов при интерклубе тоже всегда хватало и тем не менее игарская атмосфера была совершенно иной: город буквально жил морем, наслаждаясь временем каждой навигации с такой полнотой, словно другого лета уже никогда не наступит. Добрая половина игарских полов стала зеленою палубной краской, телевидение даже зимой сообщало о позициях ушедших в далекие моря лесовозов, а пачки отправляемых из Игарки предновогодних телеграмм было бы проще сортировать не по городам, а по названиям судов. И когда в битком набитом клубе моряков «золотой саксофон Игарки» Валерий Зацепин объявлял: «По просьбе авиаторов, лесопильщиков и геологов для экипажа нашего прибывшего сегодня побратима «Игаркаレス» исполняется его

любимая песня «Эх, Игарка, жемчужина у моря», то аплодисментами взрывался не только зал, но и вся залитая ночным летним солнцем площадь Дружбы, «на халюву» танцевавшая под ту же музыку за открытыми окнами клуба.

«Роман» Игарки с моряками был взаимным, и немало игарчан, очутившихся по делам или в отпусках в Мурманске, Петербурге, Таллине и прочих портовых советских городах, неожиданно ощущали себя в кругу привычных игарских понятий: «Сын звонил из рейса, что у вас уже и девятиэтажки строят - неужели правда?», «Батя мне кассету вашего оркестра записал - вы где таких классных музыкантов берете?», «Ваша Игарка часом не медом намазана? Муж в канадские рейсы так не рвется, как к вам!» А уж если кому-то из северян доводилось заглянуть в Батуми, в дом начальника Грузинского пароходства Анатолия Алексеевича Качарова, бессстрашного командира «Сибириака», солагерника игарчан по фашистской неволе и капитана послевоенных рейсов «Тбилиси» в Игарку, - то у гостей терялось ощущение не только места, но и времени: «Слушай, я старому кричу: этих плотников игарских на палубу не выпускай, поубивают их! А он мне: «Какой не выпускай, вон они снаряды сквозь огонь к пушкам носят!» А когда я в первый раз после войны к вам пришел, слушай, какой праздник у нас всех был, какой праздник - как второй день Победы в Игарке настал, да?»

Не отставали от взрослых и дети: в игарском клубе юных моряков отбоя не было от новичков, мечтающих вступить в его члены. У подростков общей популярностью пользовался телевизионный цикл «В морях твои дороги», который готовил замечательный игарский гидограф А.В. Головин. Экскурсии на морские суда были непременной частью школьного (а иногда даже и детсадовского!) досуга, поэтому никого не удивляло, что маленькая Игарка обзавелась славой одного из самых активных «поставщиков» абитуриентов в морские и речные учебные заведения страны.

Как и положено всякому настежь распахнутому окну, «морское окно в мир» приносило в Игарку бесшабашный свежий ветер свободы, которым игарчане дышали полной грудью. Каждый находил в нем свое: молодежь лихо отплясывала еще неведомый Москве рок-н-ролл, на комбинате «по косточкам» разбирали новейшую технологию сушки из последнего номера «Хольц унд Папир», потомки немецкихсылых с тем же интересом перелистывали страницы «Штерна» и «Шпигеля», а седые книгулы со знанием дела обсуждали описанные в только что вышедшем «Архипелаге ГУЛАГ» енисейские тюремные баржи - задолго до того, как прогрессивная советская общественность забуднила знакомое: «Хотя мы и не читали гнусной клеветы Солженицына на наш строй, но убеждены...» Словом, у ветерана плаваний на Енисей капитана архангельского теплохода «Пушлахта» Николая Николаевича Круглова были все ос-

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

нования высказать на одной из встреч моряков с телезрителями краину по тем временам мысль: «Вы знаете, Игарку мы воспринимаем по-особому. Для нас это, с одной стороны, уже не граница, а с другой - еще не СССР. Или наоборот? Еще не граница, но уже не СССР? Как правильно? Мы не знаем. Но нам у вас всегда хорошо». Память об этом не умирает и сейчас, когда в былом положении Игарки («еще не граница, но уже не СССР») очутилась целая страна. Едва прознав, что об Игарке пишется книга, моряки сразу же потянулись к бумаге. Вот лишь одно письмо из многих, от начальника радиостанции теплохода «Пионер Литвы» А.В. Городилова:

«Хорошо бы, чтобы такая книга была написана. Моряки всегда любили Игарку с ее добрым народом, богатыми рыбой и тишиной просторами, с хорошим интерклубом, с интересными встречами на каждом шагу. Вспоминаются ваши грибные места, походы по тундре с капитаном, целые вечера за разговорами, каких больше не было нигде, - да разве можно перечислить все хорошее, что давала морякам Игарка? На моей памяти с 1967 года нет темных пятен, которые были бы связаны с Игаркой! Все были счастливы и добры. А теперь мы что делаем? После Туниса поставили нас на линию Петербург-Роттердам, куда вывозили наши цветмет: алюминий, медь, цинк, вольфрам, титан, а на обратном пути забирали из Гавра французские ядерные отходы в Питер, откуда эта радиоактивная гадость пойдет вплоть до Красноярска к вам на Енисей - увы мне, увы!»

Все были счастливы и добры... Верю, что читатели уже поняли из предыдущих глав: эта извечная душевная щедрость игарчан происходила вовсе не от обилия свободного времени или любви к безделью. Некрасовские строки «Он до смерти работает, до полусмерти пьет», по-моему, вполне применимы и к Игарке - с той разницей, что «до полусмерти» она не пила, а радовалась жизни. Умела ей радоваться. Понимала в этом толк. И понимала именно потому, что работала всегда «до смерти». Причем это было справедливо не только для периода становления (вновь напомню: «работали - как песню пели!»), но и для всех послевоенных десятилетий. Пожалуй, для последнего периода упорный и тяжкий труд был характерен в еще большей степени, ибо требования нарашивать экспорт сыпались на Игарку как из рога изобилия, а финансирование города и его предприятий неизменно производилось по остаточному принципу. Все, от кабеля для связи до буksиров для речного порта, приходилось «брать с босем». Точно так же «с босем» отвоевывались у старых цехов и давно списанной техники все новые и новые рубежи отгрузки экспортов, строительства, пассажироперевозок. Даже крайняя нужда в валюте не могла заставить вершителей судеб Игарки отказаться от чрезвычайно удобной тактики: «Вот вам, ребята, план, а там выкручивайтесь себе как знаете». Чтобы не быть голословным, процитирую статью Саввы Морозова «Морские ворота Сибири» в «Известиях» сентября 1962 года:

«Обида и тревога звучат в словах главного инженера лесокомбината Н.И. Вебера, главного экспедитора лесобиржи В.С. Окладникова, начальника порта Д.А. Корольского, секретаря горкома партии В.В. Остапенко и других игарчан, с которыми я встречался. Обида - на сегодняшние дела, тревога - за будущее.

Прежде всего это касается головного предприятия города. Построенное тридцать лет назад оно давно уже требует коренного обновления. Но в Красноярском совнархозе не торопятся. С трехлетним опозданием начали кое-как строить железобетонный корпус десозавода, реконструировать склад. Не приплыли в Игарку обещанный энергопоезд, недостроена электростанция. Благими пожеланиями остались бетонные дороги. Ни водопровода для бытовых нужд, ни новой больницы до сих пор Игарка не получила. Из года в год не выполняется программа жилищного строительства. А ведь решение о неотложных мерах помощи Игарке было принято более четырех лет назад».

«Помощь» городу, который зарабатывал государству колоссальные суммы в инвалюте, вероятно, было бы справедливее называть возвратом микроскопической части долга государства перед этим городом, но, как Игарка уже неоднократно убеждалась, справедливость никогда не входила в число достоинств коммунистической власти. Статья Саввы Морозова завершалась «товарным знаком» партийной прессы - бодрым призывом в неувядающем повелительном наклонении: «Новая организация производства, связанная с техническим перевооружением всего Игарского комбината, предусмотрена в проекте реконструкции. Красноярский совнархоз должен обеспечить быстрое претворение этого проекта в жизнь. Пора искоренить раз и навсегда черты захолустья в облике Игарки».

Проходит еще тридцать лет со времени призыва «искоренить раз и навсегда». И что же? Из подписанного ведущими краевыми специалистами лесной отрасли документа, озаглавленного «Справка по результатам хозяйственно-финансовой деятельности Игарского лесокомбината за период 1990-1992 годов», можно узнать реальные итоги «быстрого претворения»:

«Прежде всего необходимо отметить, что практика финансирования программ технического перевооружения комбината по остаточному принципу привела к тому, что износ основных фондов составил 70 процентов, износ оборудования и плавсредств терминала Игарского порта - 72 процента, в том числе плавкранов - 98,2 процента. В 1992 году Игарский ЛПК продал пиломатериалы на экспорт по средней цене 91 доллар за 1 кубометр и имел рентабельность в 10 %».

Будь я скульптор, я бы обязательно выбил золотом эту «РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ В 10 %» на памятнике горстке женщин, затягивающих крючьями на конвейер огромное бревно. Типичные для западных лесопилок 5-7 % прибыли достигались за счет автоматизации произ-

вовства и внедрения все более совершенных технологий, игарские 10 % рентабельности - за счет низких зарплат и закручивания «соковыжималки» ручного труда (главным образом - женского). Хорошо помню немое отчаяние, с которым вся наша монтерка, обрезчицы и срывицы столпились вокруг застывшей пилорамы, второй раз за смену «полетел» ее мотанный-перемотанный электродвигатель, прозванный за неподъемный вес и габариты «слоном». Наш начальник и наставник, электрик от бога Николай Иванович Мирошников сказал тогда такое напутственное слово: «Не журись, братцы, перемотаем по новой! Бабоньки ухнут, мы дернем, а там и само пойдет. Движок что! Вот если бы такое с нами стряслось, тогда дело впрямь худо - нас уже не перемотаешь. А с железякой мы завсегда сладим. Ну-ка, игарчане, взялись разом!»

И игарчане брались. Уже в начале семидесятых над портом на-всегда смолкает звонкий перестук киянок, раскреплявших «штучно» уложенные доски: комбинат полностью перешел на отгрузку пакетированных пиломатериалов, что позволило резко сократить сроки обработки судов. Производство игарского экспорта постепенно приближается к трети миллиона кубометров, а затем переваливает и через этот рубеж, достигнув в 1987 году 373,5 тыс. куб. м. Соответственно возрастала и отгрузка: вместе с продукцией верхнеенисейских комбинатов начиная с 1968 года суда каждую навигацию увозили из Игарки свыше миллиона кубометров высокосортных пиломатериалов. Почетные доски «лучших людей города» полнились именами искусственных бригадиров, рамщиков, форманов, капитанов портофлота, но почести и награды вовсе не мешали «лучшим людям» понимать, что любой их рекорд был не более чем видимой вершиной неустанного тяжкого труда сотен ремонтников, водителей, обрезчиков, бракеров, торцовщиков, мотористов, рубщиков - всех тех, кого горкомовские доски почета автоматически причисляли к «худшим людям города». На комбинате к этому относились философски: «Мы свои доски делаем, горком - свои». И продолжали жить по-некрасовски, работая до смерти и до полусмерти радуясь тому, что от них «отстали». Естественно, лесопильщики не были в этом плане уникальны - точно так же поступали и труженики множества иных профессий, усилиями которых Игарка продолжала расти и развиваться вопреки «остаточному принципу».

Однако же, инерция энтузиазма по случаю снятия сталинского ярма постепенно иссякала, достигнув при Брежневе своего естественного предела: последовательное пренебрежение государства к нуждам Игарки могло компенсироваться подвижническим трудом игарчан во благо родного города на протяжении десятилетия или даже четверти столетия, но никак не вечно. Всякое движение вперед стопорилось еще и тем, что эпоха «зрелого коммунизма» довела процесс отрицательного номенклатурного отбора до своего логического за-

вершения: из игарского руководства практически полностью исчезают мало-мальски инициативные, одаренные и самостоятельно мыслящие люди. Город окончательно поляризуется на «мы» и «они», причем сердечная открытость, доброта и здравый смысл одного лагеря резко контрастируют с кастовой замкнутостью, спесивым чванством и непроходимой тупостью другого. Нетрудно представить, чем оборачивались для города эти примечательные качества собственных властей в сочетании с «остаточным принципом» властей вышестоящих. Но тем более поразительны результаты, которых игарчанам все же - буквально вопреки всему! - удалось добиться к середине восьмидесятых.

В городе появились первые многоэтажные микрорайоны - вначале из крупноблочных зданий, а затем и из кирпичных. Из-за мизерных смет, дефицита материалов и вечной «погоняловки» со сроками сдачи - то любой ценой к столетию Ильича, то во что бы то ни стало к годовщине Октября - качество строительства было далеко не идеальным, рекомендации мерзлотоведов нередко воспринимались «вполуха», дворы без единого уцелевшего деревца напоминали Куликово поле после битвы с Мамаем, но каждый новый дом все равно воспринимался истосковавшимися по благоустроенному жилью игарчанами как праздник.

Остров Полярный (он же - Самоедский, Сухопутный и Игарский), где раскулаченные волшебники «Агроарктики» некогда выращивали первую игарскую капусту, еще продолжал оставаться надежным продовольственным подспорьем города. Правда, питание игарчан изрядно ухудшили сельскохозяйственные эксперименты Никиты Сергеевича, однажды открывшего, что себестоимость заполярных овощей превышает себестоимость тех же овощей, производимых на Кубани. Когда выяснилось, что хрущевские «открытия» завершились регулярным снабжением Заполярья материковским гнильем низкой себестоимости, но чрезвычайно высокой стоимости, то почти все поля, коровники и птичники района, созданные подвижническими трудами тысяч ссыльных, были уже заброшены, разрушены и поросли дурной травой. Но полностью изничтожить подсобное хозяйство Игарки Хрущев все же не успел. У города остался его верный совхоз «Полярный» с филиалом в Курейке, который, как в песне Высоцкого, «стонал, но держал»: ежегодно обеспечивал Игарку более чем тысячей тонн молока и более чем миллионом яиц - да к тому же подкармливив горожан мясом, птицей и картошкой, выращиваемой хоть и далеко не в прежних масштабах, но по-прежнему здоровой и вкусной.

Былые угодья «Агроарктики» делил на острове с совхозом и его намного более преуспевший сосед - Игарское авиапредприятие, чей модернизированный аэродром мог принимать любые типы самолетов и вертолетов. Совершенное радионавигационное оборудование и

достаточная протяженность взлетной полосы позволили использовать Игарку в качестве запасного аэропорта Норильска, с Красноярском и Москвой ее соединили прямые беспосадочные рейсы, а славу полярной авиации ГУСМП достойно поддерживали игарские пилоты и бортинженеры ледовой разведки, в любое время года обеспечивавшие бесперебойную работу Севморпути и научно-исследовательских полярных станций. Среди тех высочайшего класса специалистов, что сделали возможным исторический поход к полюсу атомохода «Арктика», были и асы из Игарки.

Если о полетах к полюсу взахлеб писала вся советская пресса, то неустанная работа игарских авиаторов на геологию считалась будничной и практически не удостоилась внимания журналистов - в немалой степени по причине завесы идиотской секретности, окутывавшей все связанное с Севером вообще и с геологией в частности. Но как раз это незаметное сотрудничество игарских геологов и вертолетников воскресило для города те забытые было перспективы, о которых когда-то писал Остроумовой Бергавинов: «На Севере всего хватает, надо только не лениться руку протянуть». Оборванные чекистскими пулями труды геологов остроумовской поры обрели вторую жизнь в походах изыскателей нового времени, подчас приносивших в Игарку «вести с того света» о затерянных в тундре шурфах и шахтах, о заржавелых буровых с наркомтяжпромовскими клеймами. Владимир Федосович Ржевский, чей авторитет у игарских геологов был непрекаем, рассказал как-то раз о трагической находке, обнаруженной их партией в районе устья речки Ленинградской: «Самый настоящий рудник там был, а у нас ни на каких картах не значится. С аквалангом бухту проверили, нашли на дне большую баржу. Трюмы наглухо заколочены. А люки истлели все. Толкнули - в труху рассыпались. Сначала думали, что внутри сучья навалены. Потом присмотрелись - скелеты это... Видать, «эвакуировали» весь рудник разом...»

Забытые, полузаубытые и многочисленные новые открытия вокруг Игарки привели московских ученых, разработавших «Концепцию комплексного развития транспортного узла Игарка», к следующим выводам: «К 2010 году район способен суммарно давать до 15 млн. тонн нефти в год. В междууречье Таза и Енисея поисковые работы на нефть и газ ввиду транспортной недоступности территории велись в ограниченных размерах. По мнению специалистов, район весьма перспективен на нефть. Сама Игарка расположена в центре территории, которая богата крупными месторождениями полезных ископаемых. По долинам рек Курейка и Котуй выявлены графит, редкоzemельные элементы, железо, уголь и пр. Район Игарки является пока еще экологически чистой зоной, что позволяет вести крупное промышленное строительство в рамках экологического ресурса». Игарские геологи подтвердили оптимистические прогнозы Лаврова

и Бергавинова - теперь дело было лишь за тем, чтобы «протянуть руку».

За морским транспортом дело бы не стало: к середине восьмидесятых флот страны обзавелся великолепными судами ледового класса, которые под проводкой атомоходов успешно работали в Арктике круглый год. К сожалению, эти «продленные навигации» сплошь и рядом вызывались не необходимости, а полным отсутствием межведомственной согласованности: при хорошей организации те же объемы грузов можно было бы спокойно перевезти по чистой воде за три месяца летней навигации, прибегая к помощи атомных ледоколов лишь в крайних случаях. Но постоянное присутствие на Севморпути этой богатырской (как по мощности, так и по затратам) ядерной эскадры настолько «развратило» береговое начальство, что последние лесовозы из Игарки стали уходить под Новый год, в то время как в августе и сентябре суда неделями простоявали на енисейских рейдах в ожидании груза. Зимний «взлом Арктики» прославился на весь мир. Наши газеты с восхищением писали о трудовом героизме экипажей, западная пресса - изумлялась фантастической стоимости транспортировки. Старого друга Игарки Ионаса Лида настолько взвесжила поистине «золотая» январская перевозка досок через Арктику при помощи трех атомоходов, что он - оставаясь идеалистом до конца дней своих - даже предложил советскому правительству проект использования для енисейских рейсов грузовых атомных подводок. По его подсчетам, так было бы все же несколько дешевле. Правительство, разумеется, ответило почтенному норвежцу презрительным молчанием.

При всех несомненных достижениях лесопильщиков, портовиков, геологов, связистов, авиаторов наиболее зримые перемены в облик Игарки внесли усилия строителей и энергетиков. Их успехи были взаимосвязаны - без развитой энергетической базы всякое новое строительство приводило лишь к нарастанию лимитов и аварий: Игарка все чаще на долгие часы, а то и сутки оставалась без света, воскрешая в памяти старожилов добоенные обеды у костра и семейные вечера у «дымокурки». О том же времени напоминали и вольтметры, чьи стрелки редко поднимались выше 160 - 180 вольт вместо положенных 220, свидетельствуя о постоянной перегрузке старенькой дизельной электростанции города. Казалось бы, завершение строительства ЛЭП-220, подсоединившей Игарку к Усть-Хантайской ГЭС, должно было спасти город от угрозы энергетического кризиса, но грянул ноябрь 1986-го, и в результате аварии на этой единственной «нитке» (строительство резервной линии краевыми властями предусмотрено не было) Игарка надолго погрузилась в кромешную тьму. Квартирные термометры начали угрожающе сближать свои показания с уличными, где безраздельно царили обычные для заполярного ноября «ревущие сороковые». По счастью, дизельная станция еще не

была демонтирована, «старушку» удалось общими неимоверными усилиями всех специалистов города срочно реанимировать, и в окнах Игарки вновь затеплились огни. Что дало повод первому секретарю горкома Ходоску с гордостью заявить: «Город все-таки не был эвакуирован!»

С точки зрения рядовых игарчан гордиться тут было совершенно нечем (тем более, что одновременная эвакуация 20 тысяч человек в условиях заполярной зимы была чистейшей фикцией, не имея на Севере precedента даже в годы войны). Как и все большие и малые аваралы в игарской истории - вспомним ли мы цинги 1932-го, кадровый кризис 1940-го или упомянуть Саввой Морозовым провал крайисполкомом в 1962 году программы помощи Игарке, «героизм» ноября 1986 года был стопроцентно запрограммирован непротивлением городских властей извечной ставке края на «северный авось»: авось обойдется, авось и так перебоятся, авось все снова сойдет с рук. Если руководство города находило мужество противостоять этой безответственной политике, то она в конечном итоге изменялась на пользу города. Если же власть послушно тянула руку к козырьку, то дело неизбежно кончалось «трудовыми подвигами». Надо признать, что любители брать под козырек в истории игарских властей встречались заметно чаще «мятежников», но зато и горожанам эти верноподданные специалисты по аваралам запомнились только благодаря роскошным лесным «фазендам», куда кирпич забрасывался вертолетами, домам улучшенной планировки с благоговейно заасфальтированными двориками да браконьерским похождениям, размаху которых центральная пресса времена от времени посвящала изумленные фельетоны.

Окончательный «энергетический мир» снизошел на Игарку лишь после появления у нее нового могучего соседа - Курейской ГЭС. Строительные работы на порожистой бурной Курейке начались летом 1976 года, вновь, уже в который раз, засвидетельствовав: северное братство бессмертно! Точно так же как в тридцатые годы жители старого села Игарка по-братьски делились с первостроителями заполярного порта всем, что имели, так и игарчане семидесятых делились с гидростроителями всем, что было у них. Зримым символом эстафеты добра, передававшейся от одного игарского поколения к другому, стал пробитый сквозь северную глушь зимник Игарка-Светлогорск, по которому оба «соседа» то и дело выручали друг друга стройматериалами и продовольствием, техникой и горючим, медикаментами и кинофильмами, а уж соревнования спортсменов, гонки на «буранах» и самодеятельный «культурный обмен» превратились и вовсе в привычную часть добрососедских будней. Память о тех днях дала о себе знать в девяностых, когда светлогорцам пришлось выбирать «гражданство» - числиться ли им среди игарчан или (по формальному признаку нахождения на туруханской территории)

среди туруханцев. Поселковый совет единогласно поддержал мнение руководителя Курейгэсстроя Ю.Н. Мызникова: «Остаться в административном подчинении Игарскому горсовету. Игарка в свое время нас кормила, когда мы только начинали, Игарка помогла нам встать на ноги». Добро на Севере никогда не забывалось.

Но изначальный дефицит электроэнергии был отнюдь не единственным препятствием к расширению масштабов игарского строительства. В 1987 году в «Известиях» появилась обстоятельная статья «Временный вариант», посвященная нараставшим как снежный ком социальным проблемам Игарки. По мнению газеты, ситуация в городе была близка к катастрофической:

«Всякое строительство в Игарке сегодня таит в себе серьезнейшую угрозу для жизни города. В докладной записке государственного санитарного врача Игарки В. Кирьянова, направленной в крайцентр, горком партии и в исполнком, говорится, что в городе нет очистных сооружений и через временную канализационную сеть ежедневно сбрасывается в Енисей более 3000 кубометров нечистот! Без всякой очистки!

Рядом с добрыми домами стоят уже аварийные новые здания, из-за ошибок в проектировании и строительного брака выбило сваи, и стены поддерживают домкраты... Легко ли, скажем, Юрию Петровичу Крылову, живущему в Игарке с 1932 года, если за окном минус тридцать пять, а в квартире - плюс три?

Меньше половины домов имеет канализацию, и ко всему добавляется каждую весну еще и таяние так называемых брикетов - замерзших за зиму и не вывезенных на свалку помоек. Положение усугубляется и тем, что горожане пользуются неочищенной водой, которая напрямую из мелкой речушки Гравийки идет в квартиры, и уже в трубах в нее добавляется тройная доза хлора!

Так что же, продолжать строить дома, которые не будут обеспечены всеми необходимыми удобствами? Ведь уже сейчас из-за отсутствия всего этого Игарка - один из рекордсменов края по инфекционным желудочно-кишечным заболеваниям. Далеко ли до вспышки эпидемии?

- Нет, не далеко, - отвечает В.Кирьянов. - Надо хотя бы ценой прекращения строительства производственных объектов все бросить на коммунальное хозяйство. Я готов взять на себя ответственность за такое решение.

Санитарный врач Кирьянов готов. А исполнком? Там привычно фигурируют набившие оскомину «усилить санпросветработу» и «улучшить профилактику». Не хватает смелости у горисполкома употребить данную ему власть. Так не оттого ли и не внимают просьбам игарчан и в Москве и в Красноярске, что понимают - игарчане на конфликт не пойдут, потерпят, выкрутятся как-нибудь. И терпят, и выкручиваются...

Говоря о нехватке смелости, «Известия» справедливо разграничили последовательную трусость властей города и последовательное мужество его граждан - от обратившихся в газету связистов до верного своему профессиональному долгу санитарного врача. На исходе восьмидесятых годов это несовпадение позиций приняло характер открытого противостояния. Открытого - ибо со временем приглашения на должность редактора А.Н. Смирнова трибуной рядовых игарчан становится городская газета, в которой геологи и портовики, лесопильщики и лоцманы, ветераны войны и старожилы Игарки требуют от городских, краевых и союзных властей конкретных неотложных действий по решению накопившихся общегородских проблем. На страницах своей газеты горожане находят постоянную поддержку у таких принципиальных и честных журналистов, как Т.Ф. Голдина, В.А. Монахова, М.С. Авраменко, чей высокий профессионализм ни разу за все годы их работы в Игарке не был запятнан верноподданным холуистством. Но, как в первые годы существования «Северной стройки» с ее бесстрашным редактором Мишней Вигалком, главная роль в борьбе за расчистку игарских авгиевых конюшен и полвека спустя, безусловно, принадлежала не журналистам, а самим жителям города. Поразительно, что при всем изобилии бытовых и жилищных неурядиц игарчан в первую очередь продолжала волновать судьба родного города, вопросы становления дееспособной и ответственной власти, максимальной собственной отдачи в интересах общества. И защищать эти интересы игарчане всегда были готовы не только «у себя дома», но, если того требовали обстоятельства, и на общенациональном уровне. Вот, например, что писал от имени многочисленных своих коллег начальник лоцманской службы Игарской гидробазы, депутат горсовета Г.П. Пономарев в опубликованной «Водным транспортом» статье, которую он озаглавил «Дайте же наконец волю!»:

«Лоцманская служба могла бы функционировать самостоятельно, без дотации государства. Экономическая самостоятельность — это не самоцель, это путь решения застарелых болезней, которые не решаются годами, более эффективная организация труда, создание его безопасных условий и т.п. Необходимо устраниить все препятствия для выбора формы организации трудовой деятельности, чтобы лоцманские службы могли быть не только государственными. Здесь слово за законодателями, поэтому мы и обратились в ВС РСФСР. Кстати, идею самостоятельности поддерживает и Игарский горсовет, так как это дополнительные поступления в местный бюджет, а не в черную дыру государственного».

С тех же истинно гражданских позиций врачи Игарки постоянно настаивали на срочной реформе городского здравоохранения: «Лечить нечем, нет лекарств, нет оборудования, в конюшне лошадей содержат лучше, чем больных в больнице и поликлинике!» - таков

был вердикт коллектива игарских медиков на митинге летом 1990-го года перед зданием горисполкома. У опытнейшего терапевта города Г.И. Трабо не было сомнений относительно причин этого кризиса:

«Престик медицины пал так низко не потому, что медики стали черствей, равнодушней и в них почти убит профессионализм, а потому, что забыто главное: если общество не вернет врача к исполнению его основной работы, сняв нелепые и унизительные регламенты, не облегчит ему условия труда, не потребует возврата в медицину милосердия - кончается врачевание, остается ремесло».

Разрушительный итог долголетнего воздействия «остаточного принципа» на игарское здравоохранение удостоверила красноречивая реакция посетившей Игарку в составе немецкой благотворительной организации «ХЕЛП» доктора Моники Пускепеляйт, ведущего мирового авторитета в области полярной медицины. Когда ветеран игарской стоматологии врач З.П. Доронина показала коллеге свой старенький инструментарий, немка некоторое время ошеломленно молчала, а затем... расплакалась! А вот «почти убитого профессионализма» Моника в Игарке не усмотрела, отметив в газете в заключение своего плодотворного для города визита, что «профессиональный уровень игарских коллег очень высок - я могла бы многому у них поучиться!»

Словом, когда летом 1991 года страна встал перед выбором: назад к коммунизму или вперед к нормальной человеческой жизни, игарчан уговаривать не пришлось. С тех пор, как Игарку «пустили плавать», она действительно «далеко уплыла» - в гражданском мужестве, в осознании своего значения для будущего страны, в сопротивлении беззаконию и беспрвию. Город был не просто готов к реформам - он буквально выстрадал их каждым годом и каждым днем своей мученической биографии. Что и подтвердили игарские итоги первых в России президентских выборов:

- За Макашова - 1 % проголосовавших игарчан.
- За Бакатина - 7 %.
- За Жириновского - 7 %.
- За Рыжкова - 11 %.
- За Тулеева - 12 %.

Остальные 62 процента горожан проголосовали за человека, чьи расклеенные повсюду предвыборные плакаты предлагали ясные и близкие игарчанам цели:

«УКРЕПЛЕНИЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА
чтобы защитить человека от любого произвола - будь то произвол властей или произвол преступных элементов.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
чтобы раскрепостить инициативу и этим обеспечить процветание России.

ПОДДЕРЖКА ВЕТЕРАНОВ

чтобы пенсии не становились подаянием, а гарантировали достойный уровень жизни».

Человека, программу которого игарчане поддержали столь внушительным большинством голосов, звали Борис Николаевич Ельцин.

ИГАРСКИЙ ХРОНОГРАФ

- 1955 г. — Завершено строительство "Северного городка" — поселка для рабочих лесокомбината.
 - 45 иностранных судов вывозят из Игарки 303 200 куб. м. лесоэкспорта. Советских судов под погрузкой не было.
 - Численность населения составляет 20416 человек.
- 1956 г. — В Игарке приступают к исполнению приказа МВД СССР N 0034 об уничтожении архивов сталинского времени. Министерством морского флота в Игарке организована гидрографическая база с пароходами "Жданов", "Штурман" и "Хета".
- 1958 г. — Совет Министров РСФСР принимает постановление от 10 февраля 1958 года "О мерах неотложной помощи г. Игарке и Игарскому лесокомбинату".
- 1959 г. — На улице Маркса начинают строиться первые в городе двухэтажные жилые дома из кирпича.
- 1962 г. — Первая опытная загрузка жесткими транспортными пакетами 4680 км³ маклаковских пиломатериалов на пароход "Волга". Крупнейший в истории Игарки пожар уничтожает значительную часть жилого фонда и около 100 000 куб. м пиломатериалов. Погибают уникальные материалы сгоревшего краеведческого музея.
 - 75 судов увозят 556 000 кубм лесоэкспорта.
 - Бригады игарских и норильских плотников приступают к авральному строительству для погорельцев квартала временного жилья под название "Черемушки".
- 1963 г. — После пожара красноярский "Гражданпроект" срочно разрабатывает генплан застройки Игарки многоэтажными зданиями. Начало строительства Усть-Хантайской ГЭС.
 - Создание подземного музея вечной мерзлоты, где можно увидеть стволы доисторического леса, замороженные

образцы флоры и фауны. Начало строительства 1-го микрорайона — "зачина белокаменной Игарки".

- 1964 г. — Начинает работу игарское телевидение, созданное "на кооперативных началах" всем городом, где было тогда всего 15 телевизоров. Через 10 лет их число возросло до 4 тысяч. Первым директором телестудии становится Ю. Чижинаускас, первым редактором — Г. Вахменина, первым диктором — Л. Надводнюк, первым художником — Н. Теткина.
 - В честь 35-летия Игарки власти устанавливают памятник... Ленину.
- 1965 г. — В. П. Астафьев завершает работу над книгой "Кражा". Начинают полеты Ли-2 с мягкими сиденьями.
- 1966 г. — Первый заход в Игарку мурманского лайнера "Вацлав Воровский" с сотнями советских туристов на борту. Далее эти круизы по Арктике выполнялись также лайнераами "Татария", "Буковина" и "Клавдия Еланская".
- 1967 г. — В честь 50-летия советской власти перед Интерклубом воздвигнут барельеф "Дружба".
- 1968 г. — Начало трансляции передач Игарского телевидения в Снежногорск для строителей Усть-Хантайской ГЭС.
 - Комбинат приступил к сооружению причала высокой воды. Начиная с этого года отгрузка лесоэкспорта из Игарки превышает миллион кубометров за навигацию.
- 1970 г. — Дает ток первый агрегат Усть-Хантайской ГЭС.
 - Сдача здания горбольницы, строившегося 13 лет. Западно-германский теплоход "Нордзеезанд" становится последним иностранным судном, посетившим Игарку в советское время.
- 1971 г. — Впервые в истории в Игарке совершается торжественный акт поднятия флага на новом морском судне — построенным в Красноярске теплоходом "Бахчисарай", который доныне работает в составе архангельского флота.
 - По объему вывозимого лесоэкспорта Игарский порт выходит на второе место в стране после Архангельска.
 - За период 1960 - 1972 гг. выход экспортных пиломатериалов от распиленного сырья составляет 42-45%.
- 1972 г. — Сдача здания центральной котельной.

- Начало работы самолетов ледовой разведки Ли-2 с игарскими летчиками В.И.Смирновым, И.И.Кутняховым, Ю.А.Лазаревым, А.П.Кузьминым.
- 1973 г. — Выход в свет на Западе книги А.И.Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", где Игарка впервые предстает перед миром не как "форпост социализма", а как конечный адрес лагерного строительства и ссылки.
- 1974 г. — За пионерлагерем воздвигнута стела в честь 50-летия советского лесоэкспорта с Енисея (рейс "Л.Красина" из Усть-Порта осенью 1924 года).
- 1975 г. — Образование Курейгэсстроя, первые десанты приступают к строительству ГЭС и Светлогорска.
- 1976 г. — Игарский аэропорт принимает первые самолеты типа ИЛ-18 и большегрузный АН-12.
- Экспорт пилопродукции достигает объема в 1.265.000 куб.м.
- 1977 г. — Начало работы паромной переправы через протоку.
 - Первый беспосадочный пассажирский рейс на Москву.
 - Начало строительства банно-прачечного комбината.
 - Вручение группе игарских авиаторов из 23 человек (Ю.А.Лазарев, А.А.Линденбай, П.Р.Матиенко и др.) правительственные наград за проводку к полюсу атомохода "Арктика".
- 1978 г. — В порту начинает работать мощный (6.000 л.с.) дизельэлектроход "Капитан Чечкин".
- 14 июля зафиксирован самый жаркий день в истории Игарки (+32,5 градуса).
- Взрыв в Ермаково малого ядерного заряда в 20 килотонн (произведен "Енисейнефтегеологией" на глубине 800 м).
- Начаты полеты в Игарку самолетов ИЛ-76 и ТУ-154.
- 1979 г. — Созданный композитором В.Заболотником ансамбль "Игарская весна" становится почетным дипломантом конкурса самодеятельной туристской песни в Норильске.
- Правительство отмечает полувековой юбилей Игарки на гражданием города орденом "Знак Почета". На празднование юбилея в город приезжает В.П.Астафьев.
- В Красноярске выходит книга В.Новикова и Ж.Трошева "Игарка". По ЦТ показан документальный фильм "Северное

- сияние", посвященный 50-летию Игарки. Сами игарчане этот фильм не увидели, но смогли посмотреть короткометражку о своем городе, снятую Норильским телевидением.
- В Игарке удостоена памятника водруженная на пьедестал главная "рабочая лошадка" арктических небес: самолет Ли-2.
- На лесокомбинате достигнут лучший в стране показатель выхода экспортной продукции: 50,7%. В юбилейный год за рубеж уходит 364 234 куб.м произведенных в Игарке пиломатериалов.
- Численность населения составляет 16 918 человек.
- 1980 г. — Начало заселения 2-го жилого микрорайона.
- На комбинате начато строительство линии сушки и пакетирования, растянувшееся из-за отсутствия средств на долгие годы.
- 1982 г. — Узел связи переезжает в новое современное здание.
- 1983 г. — Визит игарчан в Дудинку, куда приходит только что спущенный с финских стапелей морской побратим города — новейший арктический рудовоз "Игарка".
- Закрытие Игарской телестудии ввиду стабильного приема передач ЦТ. По инициативе спортсменов речпорта, возглавляемых Антанасом Даугнорой, в городе создается яхт-клуб.
- Подводя итоги навигации, первый секретарь горкома Ходосок констатирует, что "Реконструкция комбината, начавшаяся в 1949 году, ведется очень медленно. Технология подготовки пиломатериалов на экспорт за все эти годы осталась практически без изменений и явно устарела".
- По предложению ветерана 14-й автобазы В.И.Суркова на ее территории устанавливается памятник шоферам Игарки — водруженный на пьедестал грузовик ЗИЛ-585.
- 1984 г. — Праздник встречи жителей города с "игарчатами" тридцатых годов — авторами книги "Мы из Игарки". Позднее по впечатлению этой встречи свердловским режиссером С.Мирошниченко был снят при участии В.П.Астафьева фильм "А прошлое кажется сном", посвященный судьбам ссыльных крестьян.
- 1985 г. — Торжественное открытие мемориала игарчанам, погибшим на фронтах Великой Отечественной.

- 1986 г. — Горисполком вводит нормированный отпуск по талонам мясных продуктов и масла.
- 1987 г. — На 25.600 игарчан приходится 68 врачей и 275 средних медицинских работников — это наивысший показатель в крае и один из самых высоких в стране.
- 1988 г. — Прощальный визит лайнера "Клавдия Еланская" знаменует для Игарки конец эры арктического морского туризма.
- 1989 г. — Игарчане оказывают "десанту из Литвы" помощь в изготовлении почти четверти тысячи гробов для перезахоронения экстремированных останков литовских ссыльных, которые погибли в Игарке. Гробы перевозятся родственниками на самолетах в Литву.
- На Курейской ГЭС введен четвертый агрегат.
 - Режиссер Каунасского телевидения Раймундас Ила снимает в Игарке фильм, посвященный литовской ссылке.
- 1990 г. — Латвийская киногруппа во главе с режиссером Ромуальдом Пипарсом снимает под Игаркой фильм о мучениках станка Агапитово, где в первую же зиму 1942 года из 483 ссыльных погибло 182 человека, включая десятки детей.
- Объем лесоэкспорта, выделяемого на бартерное снабжение лесопильщиков, достигает своего пика в 30 000 куб. м.
 - После ряда встреч с таймырскими коллегами депутаты Игарского горсовета ратифицируют Декларацию о создании Северо-Енисейской области (Норильск, Дудинка, Хатанга, Диксон, Усть-Енисейск, Талнах, Кайеркан, Игарка) с возможностью образования в Игарке свободной экономической зоны.
 - Дальнейшее расширение "ассортимента" талонов на "несколько видов товаров и продуктов".
 - Норвежское телевидение приступает в Игарке к съемкам фильма о деятельности в Сибири компании Йонаса Лида.
 - Визит игарской баскетбольной команды "Жальгирис" в Литву, подвергнутую Горбачевым экономической блокаде.
 - За год в КПСС вступает 13 игарчан, выходит — 459.
- 1991 г. — Впервые после войны в городе вводятся товарно-продуктовые карточки.
- Посетивший Игарку владыка Антоний, архиепископ Красноярский и Енисейский, освящает в Ермаково крест в память погибших мучеников "Мертвой дороги".

- Создание городской чрезвычайной комиссии по снабжению продовольствием детских и медицинских учреждений.
- Первая в Игарке выставка комек.
- Начато строительство нового пожарного депо.
- Из-за отсутствия финансирования ликвидируется нефтегазоразведочная экспедиция — ИНГРЭ.
- По приглашению Национального спортивного комитета Литвы делегация из 74 игарчан принимает участие в Международной литовской олимпиаде. Зимовка в Игарке немецкой яхты "Дагмар-Эйн", выполняющей с международной экспедицией "Ледовый парус" рейс вокруг Северного полюса.
- Открытие городского музея.
- Введение жеребьевки на очередность отоваривания в магазинах городских организаций, от ЦГБ (456 человек) до КГБ (7 человек). Заход в Игарку французского научно-исследовательского судна "Астролябия".
- Обращение "Комитета национального спасения" с возмущением воспринято игарчанами. Мэр города Т.М. Цветкова выходит из КПСС, все члены президиума горсовета отказываются признавать путчистов, лоцманы Игарской гидробазы в знак протesta объявляют забастовку, отказавшись вести суда в Игарку.
- Организовано городское бюро занятости населения. Первым официально зарегистрированным безработным Игарки становится Анатолий Иванович Митрофанов — техник геологоразведочного бурового оборудования.
- 129 судов вывозят из Игарки 616 503 куб. м лесоэкспорта.
- За год перевезено 54 248 авиапассажиров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЛОГО БЕЗМОЛВИЯ

Игарский порт. Так горло сушил,

Когда прощаемся с тобой...

Гудки, гудки - по чьи же души,

Что реют чайкой над волной?

Архангельский поэт Д. Ушаков.

1992 - 1998

Кому не памятен по школьным урокам химии простой и точный индикатор — лакмус, позволяющий безошибочно определить наличие в растворе кислоты либо щелочи? Щелочь можно разлить по хрустальным сосудам с позолоченными пробками, можно написать на глянцевых этикетках «Нектар» и выдавать содержимое сосуда за благородное старое вино, — но против лакмусовой бумажки все эти ухищрения совершенно бесполезны. Ее синий оттенок сразу скажет вам: никакой это не нектар и никакое не вино, а самая что ни на есть обыкновенная щелочь.

Есть ли столь же точный индикатор у политики? Есть. Это отношение власти к человеку. Если при данной власти человек сохраняет свое достоинство, если он защищен от притеснений, голода и нищеты, если он уверен, что честный труд на благо общества всегда будет поощрен государством, — мы можем с уверенностью сказать: такой человек живет в демократической стране.

И наоборот: если человека на каждом шагу унижают и ставят в позу жалкого просителя, если он повсюду ощущает свое бесправие, а единственными способами защититься от бедности становятся подлость, воровство либо потогонный труд «до смерти» и «на износ», то можно не сомневаться: какие бы благородные флаги, позолоченные гербы и глянцевые конституции ни разукрашивали подобную страну, ею, несомненно, правят коммунисты.

Прежде чем воспользоваться этим «политическим лакмусом» для оценки сегодняшней жизни Игарки, попробуем сравнить ее былое положение с теми перспективами, которые открывались перед городом в последнее десятилетие века. Оглядываясь назад, мы вправе без малейших колебаний сказать, что создавшая этот заполярный порт советская власть нуждалась в нем постоянно — то как в конечном пункте ссылочных и лагерных этапов, то как в «золотом дне», с которого исправно поступали в государственную казну все новые и новые миллионы долларов. Правда, высокую степень своей заинтересованности в дальнейшем существовании Игарки власть подтверждала довольно скромно: любые модернизации проводились здесь раз в сто лет, да и полярные коэффициенты начислялись на более чем скромные советские зарплаты. Но все же и модернизации, и коэффициенты, несомненно, имели место, а их ограниченные масштабы власти привычно компенсировала щедрым потоком наград, переходящих знамен, почетных грамот и дипломов всесоюзных соревнований. Словом, коммунистам Игарка была очень нужна во все времена, и они этого ничуть не скрывали. Но была ли она нужна власти, провозгласившей своим идеалом полную экономическую и политическую свободу? Какую ценность представлял для такой власти далекий сибирский город и его жители?

Как уже отмечалось в предыдущей главе, упорный тяжелый труд многих поколений северян, сопровождаемый репрессиями и неимо-

верными лишениями, увенчался превращением Игарки во второй по значению лесэкспортный порт страны, который располагал обширной зарубежной клиентурой, мощной гидроэнергетической базой и весьма перспективными запасами разведанных в тундре месторождений нефти, газа, графита, металлических руд. Продукция игарских лесозаводов пользовалась на мировых рынках устойчивым спросом, не зная себе равных по качеству и уникальным свойствам выдержанной за Полярным кругом древесины. Не знала себе равных и поистине блестящая плеяда преданных своему городу опытнейших профессионалов — лесопильщиков, лоцманов, авиаторов, портовиков, геологов, врачей, воспитателей кадров для северных национальных округов.

Насущная потребность России в дальнейшем развитии Игарки и всего региона вокруг нее подтверждалась оценками компетентных независимых экспертов, как отечественных, так и зарубежных. Например, побывавшие в Светлогорске специалисты института «Гипрониметаллруд» и объединения «Красноярскслюдрафит» еще в 1990 году пришли к заключению, что «имеются все условия для строительства здесь комбината, продукцией которого будет скрытокристаллический графит марки ГЛС-3 в объеме 80 тысяч тонн в год и еще 5 тысяч тонн изделий на основе графитового концентрата. Работа ГОКа даст около 700 рабочих мест, и построить его необходимо в течение 5 — 6 лет, иначе графит придется закупать за рубежом уже в ближайшие годы, так как мощности Ногинского месторождения на реке Нижняя Тунгуска исчерпаны».

Столь же однозначным выводом завершалась и «Концепция комплексного развития транспортного узла Игарка», в разработке которой в 1993 году приняли участие академики, видные ученые с докторскими и кандидатскими степенями, эксперты в области геологии, транспорта и экологии Севера:

«Стратегия развития железных дорог Сибири предусматривает ее поэтапное наращивание в соответствии с продолжительностями инвестиционных циклов каждого из звеньев транспортной сети, в которой Игарка, в силу своего географического положения, должна выполнять роль КЛЮЧЕВОГО комплексного транспортного узла».

Директор крупнейшей бельгийской нефтяной компании «Петрофина» Жан-Мари Депретц, проявивший глубокую заинтересованность в сотрудничестве с игарчанами по вопросам освоения разведанных вблизи города нефтегазоносных месторождений, заявил летом 1991 года после детального ознакомления с буровыми, портом и лесокомбинатом: «Я не в состоянии понять, каким образом район, производящий на экспорт отличные пиломатериалы, располагающий чрезвычайно удобным портом на стыке морских и речных путей, богатыми топливными ресурсами и неограниченными гидроэнергетическими мощностями, оказался в положении, когда он сде-

сводит концы с концами. У нас в Бельгии такой город безусловно принадлежал бы к наиболее процветающим и просто не знал бы, куда девать деньги. Уверен, что совместная работа смогла бы исправить существующее положение к нашей общей взаимной выгоде».

Тот же твердый оптимизм высказали и бизнесмены из Норвегии, обратившиеся к игарчанам с предложениями сотрудничества после того, как весной 1993 года в их стране прошел фильм, снятый в Игарке норвежским телевидением. Вот слова из письма Ральфа Гринства, президента торгово-финансовой компании «М3-Нор»: «После успеха пасхальной передачи о прежних достижениях Сибирской компании на Енисее многие фирмы хотели бы продолжить ее дело. Но у «М3-Нор» есть особая заинтересованность в инвестициях в Игарку, поскольку мы уже располагаем вполне успешным опытом сотрудничества с русскими проектами на мурманском Севере и не стеснены в свободных средствах. Мы были бы горды возвратить дело Йонаса Лида, помогая сегодняшнему развитию Сибири».

В России было немало «красных заповедников», где подобные предложения принимались в штыки, а любые идеи о необходимости частной инициативы и привлечения западных партнеров расценивались как свидетельства измены общему делу. Игарка к таким заповедникам не принадлежала — традиции северного братства «воспитывали» ее в духе открытого города и открытого общества. Открытого, разумеется, в той степени, в какой это было возможно при соседстве горкома партии и чекистского логова, — и все же Л. А. Барановский ничуть не преувеличил, написав:

«Я брожу по улицам заполярного города, вспоминаю его старые деревянные мостовые, по которым бегал еще мальчишкой. На перекрестках всюду звучала разноязычная речь: немецкий язык мешался с литовским, татарский с греческим, калмыцкий с русским. Мы говорили на разных языках, но нас объединяла общая беда. Мы вместе работали, жили в одних домах, а передко и в одной комнате. И никто никогда не ощущал здесь национальной неприязни. Люди здесь всегда находили взаимопонимание и уважение друг к другу».

Надписи типа «Чурок — вон!», «Бей жидов!» или «Россия — для русских!» — не говоря уже о страхе перед иностранцами — в Игарке были совершенно немыслимы. Упомянутые Леопольдом Антоновичем «взаимопонимание и уважение» (шла ли речь о поддержке греческихсылочных в сороковых годах или о гостеприимстве девяностых по отношению к зарубежным бизнесменам, ученым, зимовщикам немецкой полярной экспедиции) впервые в истории Игарки обернулись взаимными приглашениями, и игарчане, «из дальних странствий возвращаться», привозили домой в Заполярье дипломы курсов западноевропейских муниципалитетов, где против дисциплин «развитие местного самоуправления», «коммунальная земельная поли-

тика», «принципы финансирования городского хозяйства» стояла краткая оценка «увсвоено».

Таким образом, намечаемое вхождение России в рыночную экономику не только не лишало Игарку прежних перспектив развития, но и явно распахивало перед ней новые горизонты. А трудности «психологического перелома» сводились здесь почти на нет обстоятельством, отмеченным моряками еще в семидесятых: задолго до перестройки Игарка по всем своим обычаям и настроениям была «уже не СССР». Со времен капитана Виггинса ее история говорила о вечном стремлении игарчан жить в своей Сибиривольно и независимо, полагаясь прежде всего на собственный труд и добрых соседей. За это время Игарка могла умереть тысячу раз — но не умирала, ибо всегда сопротивлялась. То жестоким морозам, то репрессиям, то изматывающей рутине тяжких будней, то бесмыслице вездесущей пропаганды, то пресловутому «остаточному принципу». Как мы уже не раз видели в предыдущих главах, северное братство сопротивлялось всему этому не насилием и не озлобленными бунтами — его оружием неизменно были здравый смысл, врожденное достоинство честных тружеников, чувство локтя, милосердие. Это неброское, но твердое противостояние, ставшее своего рода «пружиной» их повседневной жизни, делало граждан Игарки надежными союзниками в борьбе за возрождение России. В демократическом государстве году с такими гражданами поистине не было цены!

Сами игарчане об этой своей общественной значимости, естественно, ничего не подозревали. До тех пор, пока летом 1991 года вместе со многими иными российскими городами Игарка не была приглашена правительством Литвы принять участие в первых за все послевоенное время Олимпийских играх литовцев, куда представители литовских землячеств и приглашенные гости съехались со всех концов планеты. Игарчане оказались там единственными, кто, не убоявшись разного рода хлопот, прибыл из России (Игарка и тут не изменила своей уникальности). Готовясь к торжественному параду открытия Олимпиады, северяне на какое-то мгновение печально ощутили себя бедными родственниками: маленькая горсточка скромно одетых литовцев, русских, латышей и украинцев из далекой Сибири, собравшаяся — да еще с детьми! — под самодельным флагом с надписью «Игарка», и в сравнение не шла со строившимися в многолюдные колонны канадцами, новозеландцами, аргентинцами, над которыми красовались эмблемы прославленных спортивных клубов и реяли полотнища ярких национальных флагов. Повинуясь жезлу распорядителя, сибиряки, взяв за руки ребятишек, неуверенно тронулись за колонной Франции, к которой их почти сразу же «припечатала» двинувшаяся следом большая слитная делегация Уругвая. В этом «слоеном пироге» игарчане надеялись добраться до стадиона никем не замеченными, но тут произошло самое счастливое из всех

разнообразных чудес, какими была столь богата история удивительной Игарки.

Улицы, проспекты, окна и балконы Каунаса на всём протяжении пути к олимпийскому стадиону были заполнены людьми, приветствовавшими проходящие колонны. Поначалу на игарчан особого внимания и впрямь не обращали, но потом кто-то пригляделся к надписи на странном самодельном флаге, кто-то, словно не веря глазам, подошел поближе, затем еще один, еще — и над толпой как вздох пронеслось: «Игарка! Это — ИГАРКА!!!» С этого мгновения у игарчан появилось ощущение полной нереальности происходящего. Их забрасывали цветами, жали руки, с ними фотографировались на память, и до самого стадиона люди из квартала в квартал передавали скандируемое «Вале Игарка! Вале Игарка!» — «Да здравствует Игарка!». На трибунах стадиона это «вале» было подхвачено десятками тысяч зрителей — целый народ приветствовал крохотный сибирский город, чьи сострадание, доброта и отзывчивость не дали сбыться сталинской мечте о геноциде заполярной ссылки.

Словом — на свежих ветрах перемен Игарка чувствовала себя подобно сильной птице, готовой подняться в свободное небо. Сил для нового взлета у нее, по свидетельству экспертов, имелось вполне достаточно, а небо Игарки было действительно свободным: как только стали возможными нормальные выборы, вся местная партноменклатура за полной невостребованностью перебралась в Красноярск. На общегородских выборах мэра избиратели решительно предпочли ставленнику партхозактива беспартийного капитана, а на общегородских выборах краевого депутата от Игарки — восьми коммунистам предпочли одного антикоммуниста. Что до городского совета, то тут в кардинальных переменах необходимости не было: даже при лейтенанте Курбатове игарчане упрямо выбирали в свой совет такое большинство, которое могло быть полезно городу, а не лейтенанту. И в мэрии, и в краевом парламенте, и в горсовете игарчане, едва остыv от выборов, сразу же приступили к выполнению определившейся еще на исходе восьмидесятых стратегии развития своего порта. Администрация города на представлении Игарки международной конференции «Европград—XXI», проводившейся в Петербурге весной 1992 года, формулировала стратегию игарчан следующим образом:

«Для нас эта конференция является путем к возрождению добрых исторических традиций, которые существовали до революции на территории Сибири, где городские самоуправления всячески способствовали развитию частного предпринимательства и укреплению связей с другими странами. Специфика такого небольшого города, как Игарка, особенно располагает к взаимному сотрудничеству, у нас нет резко противодействующих структур. Мы хотим создать в Игарке мощный перевалочный порт, через который можно открыть мир для Сибири и Сибирь для мира».

На ключевой для города и для всего Красноярья стратегии создания перевалочного порта игарчане сосредоточили все свои усилия, которым «Российская газета» посвятила в июле 1992 года статью «У закрытых ворот Сибири», где прямо говорилось, что «ежегодный приход в Игарку сотен ПОРОЖНИХ морских судов можно считать уже не просто противоестественным, но прямо-таки преступным по отношению к требованиям рыночных преобразований в Сибири. Это в полной мере осознается населением и депутатами города Игарки, которые вот уже третий год подряд прилагают все усилия к тому, чтобы доказать хотя бы на уровне администрации Красноярского края, что строительство здесь мощного перевалочного порта принесло бы огромные выгоды в первую очередь всей сибирской экономике».

Упоминание о красноярской администрации не было случайным: именно там идея наращивания грузопотока через Севморпуть встретила наиболее жесткое сопротивление воспитанной в традициях Госплана краикомовской «старой гвардии», сохранившей все свое влияние и в годы перестройки. Курировавший транспортные вопросы заместитель губернатора В.Л. Глотов (в прошлом — начальник красноярского локомотивного депо, затем — завотделом транспорта крайкома КПСС) был непоколебимо убежден, что никаких шансов у перевалки грузов через заполярный порт нет, а сам губернатор края А.Ф. Вепрев (в прошлом — глава колхоза-передовика) вообще сумел отыскать Игарку на карте своего края лишь при помощи референтов. Направленная на развитие свободной морской торговли стратегия игарчан явно не входила в перечень приоритетных направлений краевой администрации.

Между тем никаких «Америк» эта игарская стратегия, конечно же, не открывала — она, как и было сказано на конференции в Петербурге, просто продолжала то прерванное большевистской революцией дело, которое сибиряки начали еще на заре столетия: добиться максимально благоприятных условий для всестороннего развития родного края при помощи дешевой транспортировки морем как экспортных, так и импортных грузов. От государства эта стратегия не требовала никаких многомиллиардных дотаций, промышленных поставок и прочей «манны небесной», ограничиваясь необходимостью принятия тех же дальновидных законодательных актов о временной отмене таможенных пошлин для морской торговли с Сибирию, каких ее губернаторы и сибирские депутаты Госдумы сумели добиться перед Первой мировой войной. А уж при наличии таких законодательных актов приток инвестиций, развитие портов и оживление экономики не заставили бы себя ждать — опыт Сибирской компании доказывал это со всей убедительностью, подтверждаясь в девяностых годах предложениями потенциальных зарубежных партнеров заполярного порта.

Игарчане действовали так же и по тем же направлениям, что и их далекие предшественники: городской совет вместе с таймырскими соседями определял принципы создания на севере Енисея свободной экономической зоны, игарский депутат краевого совета работал в Красноярске над подготовкой переключения сибирских железнодорожных грузопотоков на Северный морской путь, — и первыми ласточками будущих перемен стали для игарчан строки официальных писем начальника Енисейского пароходства А.А. Печеника («В близкой перспективе будет осуществляться перевозка угля из Ногинска с перевалкой в Игарке на морские суда») и заместителя начальника Красноярской железной дороги А.С. Левченко («Управление Красноярской железной дороги поддерживает предложение депутата от Игарки о вопросах рационализации перевозок, т.к. все перевозки грузов должны осуществляться с наименьшими транспортными затратами и целесообразно, когда увеличиваются объемы перевалки с железнодорожного транспорта на водный»). Не теряя времени даром и мэр Игарки Евгений Станиславович Сысойков, который явился одним из участников становления всероссийского Союза городов Заполярья и Крайнего Севера, где неизменно активная позиция игарчанина была отмечена его регулярным избранием в члены правления Союза. Эта организация превратилась в важнейший инструмент доведения до руководства страны наиболее существенных проблем жизнедеятельности крупнейшего российского региона. Одной из главных целей Союза стало создание министерства по делам Севера, которое могло бы на высшем правительственный уровне разрабатывать и проводить в жизнь всю северную политику государства, последовательно отстаивая интересы северян при решении любых общероссийских вопросов.

Достойно представляя свой город при определении национальной стратегии развития всего Севера, мэр, естественно, не забывал и об интересах самой Игарки. Тот факт, что маленькому заполярному порту удалось добиться вначале президентского поручения, а затем и отдельного постановления правительства о социально-экономическом развитии Игарки, вполне может быть поставлен в один ряд с поразившим всю страну в 1935 году приглашением игарской делегации в Кремль — с той разницей, что при Остроумовой игарчане ездили в Москву, а при Сысойкове правительенная делегация прибыла в Игарку.

«Внешней» политике города ничуть не противоречила «внутренняя»: в Игарке быстро росла сеть кооперативов и мелкого частного сервиса. Совместное с американцами лесопильное предприятие «Ори-ми вуд» деятельно совмещало снижение себестоимости с повышением качества экспортной продукции, а речной порт даже в исключительно трудном 1991 году сумел получить более 9 миллионов рублей дохода.

По счастью, в Игарке время перемен не сопровождалось появлением дутых пирамид, подставных фондов и прочих аналогов пресловутого МММ. В немалой степени это объяснялось достаточностью для города двух его надежных банковских учреждений: филиала Сбербанка и филиала коммерческого «Енисея» (наследника созидательных традиций Промстройбанка). Там работали опытнейшие специалисты, а главное — патриоты своего города, за долгие годы познавшие все детали его финансово-экономического положения до мелочей. Управляющая игарским филиалом «Енисея» Галина Александровна Карпова, отдавшая Игарке десятилетия безупречного труда, мнение о стратегии своего банка в годы реформ определила, не раздумывая и секунды: «Без поддержки Севера будущее российского банковского дела, вообще будущее российской экономики, немыслимо». С заслуженной «старейшиной финансового цеха» Игарки были полностью согласны и другие его ветераны, от заведующей финансовым отделом мэрии Т.В. Моисеевой до начальника налоговой инспекции Е.В. Лягиной. Такого рода единодушие было чрезвычайно ценным для проведения в жизнь упомянутой ранее игарской стратегии, означая, что любые начинания, направленные на развитие промышленно-экономического потенциала Игарки, найдут у игарских финансистов полное понимание.

Само собой разумеется, что события этого начального периода игарской перестройки были далеко не всегда окрашены в розовый цвет. Как и при всяком начале нового дела, игарчанам довелось не раз обжечься на рыночном «молоке» — но с тем большей осторожностью они затем «дули на воду». Здесь можно вспомнить, например, аферу Торгово-комерческого центра, обошедшуюся городу в сотни тысяч долларов. Или «шалости» руководства лесокомбината с дешевой распродажей экспортного леса самим себе. Или отправку милицией в Красноярск «на экспертизу» трех тонн конфискованной браконьерской рыбы. Или попытки прокурора города обзавестись бартерной машиной за муниципальный счет — и еще немало аналогичных сенсаций. Но характер городских перемен определялся все же не «сенсациями», а неутомимым противостоянием общественного мнения любым отклонениям от закона. Этой настойчивости своих граждан Игарка была обязана и появлением нового достойного прокурора, и сменой руководства милиции, и тем, что вся правоохранительная система постепенно начала заметно разворачиваться «лицом к городу», укрепляя в игарчанах доверие к понятию права, к суду, милиции и прокуратуре, наконец — к самой возможности добиться справедливости.

Подводя итог всему сказанному, можно безо всякой натяжки констатировать, что Игарка оказалась в числе тех немногих городов страны, где идея необходимости срочного реформирования общества была воспринята сразу и поддержанна как практическими делами, так и

бюллетенями всех уровней выборов, на которых граждане города последовательно голосовали за демократический путь развития государства. Свою верность провозглашенным идеалам этого государства Игарчане доказали и в дни путча, и в период вооруженных беспорядков в российской столице. Хотя особой необходимости в таких доказательствах, в общем-то, и не было — верность северного братства добру, порядочности, взаимовыручке подтверждалась всей биографией Игарки, каждым прожитым ею днем. Еще раз повторю: в демократическом государстве городу с такими гражданами поистине не было бы цены. Тем более — городу с таким экономическим потенциалом. Чем же окрепшее к середине девяностых годов государство ответило на верность и поддержку своей удивительной Игарки?

ОНО УБИЛО ЕЕ.

Убить морской порт совсем несложно. Для этого нужно всего лишь отрезать его от моря. Ни строительства плотин, ни минирования фарватеров тут вовсе не требуется: хватит и введения запретительных тарифов. Российское государство использовало для удушения Севморпути и всех его северных портов так называемый потонный сбор, уплачиваемый за услуги находящегося в федеральной собственности ледокольного флота. Сбор этот существовал и во времена Сибирской компании, но Ионас Лид услугами ледоколов пользовался крайне редко, поскольку хорошая организация дела обычно позволяла ему всегда успевать с обработкой судов до появления льда. Так было в начале века. В конце века потонный сбор стали взимать и с тех судов, которые шли без ледокола по чистой воде, — т. е. государством была узаконена обязательная оплата НЕПРЕДОСТАВЛЕННЫХ услуг. А для максимальной герметизации блокады величина ледокольного сбора была за какие-то год-два взвинчена до суммы, которая делала всякую транспортировку по Севморпути не просто убыточной, но стопроцентно разорительной. Так, например, с первого за много лет иностранного судна «Си Мартин», взявшего игарский лес осенью 1995 года, ледокольщики потребовали за проход по чистой воде ни много ни мало... 180 тысяч долларов! Какой находящийся в здравом уме судовладелец послал бы после этого своих моряков в Игарку? Впервые в истории двадцатого века возить сибирские грузы по железной дороге стало намного дешевле, чем морем. О неизбежных результатах этого государственного эксперимента мэр Игарки предупреждал председателя правительственный комиссии по конкурентной политике О.Н. Сосковца в официальном письме перед открытием навигации 1995 года:

«При таковом положении дела перевозка грузов через Игарку становится заведомо нерентабельной (потонный сбор за услуги ледокольного флота составляет 28 долларов, при средней цене пиломатериалов в 135 долларов). Поэтому лесоэкспортеры намерены отказаться от услуг Севморпути и отгрузку производить по железной

дороге через Новороссийский порт, что дольше по времени, но более рентабельно. Это приведет к тому, что архангельское пароходство лишится доходов от перевозки лесной продукции в размере 25,8 миллиона долларов, понесет убытки от неработающего флота и Енисейское речное пароходство, перевозящее пиломатериалы верхнеенисейских комбинатов до Игарки. Необходимо будет ликвидировать и крупнейшее лесоэкспортное предприятие — Игарский лесопильно-перевалочный комбинат, а также закрыть город и проживающее там население вывезти».

Предупреждение мэра правительство проигнорировало. Население вывозить никто не стал, но и потонный ледокольный сбор был сохранен в полной неприкосновенности вплоть до последней навигации 1997 года, когда число посетивших Игарку морских судов сократилось до 11 — меньше, чем в изначальном 1929 году! Это ничтожное количество отважных «зайцев», рискнувших пройти по Севморпути без уплаты сбора, можно считать таким же логическим итогом государственного молчания, как и догнивающие на игарском складе штабеля невывезенных экспортных пиломатериалов...

Так был убит порт. Заодно решили, очевидно, покончить и с рентабельностью экспорта вообще — не только идущего морем, но и всякого другого. Второе убийство происходило под бурные несмолкающие аплодисменты по поводу стабилизации рубля. Способ его стабилизации государство выбрало на редкость оригинальный: введение валютного коридора как такового, то есть без подъема промышленности, без привлечения инвестиций и без всемерного стимулирования экспорта. На практике это означало, что в то время как производство пиломатериалов будет вестись по непрерывно растущим внутренним ценам, валютную выручку от их продаж экспортёрам придется обменивать на рубли только себе в убыток — в строго фиксированных «коридорных» рамках. А чтобы кто-то не вздумал обойти этот убыточный обмен, придерживая выручку за рубежом, половину полученной валюты было строго предписано по дешевке продавать государству. Логическим итогом такого рода «стабилизации» стал крах лесной отрасли и практически полный уход России с мирового лесного рынка. Для игарского экспорта это было равнозначно уходу из жизни, что с величайшей болью и признал ведущий игарский специалист в вопросах экспорта, директор филиала «Красноярсклесоэкспорта» Г.И. Каратников:

«Игарка ведь была не региональным морским портом. Это был мировой порт, грузы из которого шли во все точки земного шара. В России замены красноярскому лесу как источнику валюты я не вижу. А вот за рубежом нам замены могут найти, и довольно быстро. С рынка можно уйти сразу, мгновенно. Сразу заменят, тут же высокочат канадцы, американцы и прочие шведы. Неразумно ведет себя государство, не желающее навести в этом порядке, понимающее, может

быть, что ведет геноцид по отношению к собственному населению, но не понимающее, что подрывает тем самым собственные устои».

Так был убит экспорт. И пусть читателя не смущает отсутствие ссылок на соответствующие государственные декреты типа «Об уничтожении порта Игарка» или, скажем, «О мерах по пресечению экспорта леса». Таких декретов не было. А множество тех, что были, отличала как раз противоположная тональность: «О социально-экономическом развитии Севера», «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера», «О комплексном развитии транспортного узла Игарка», «О возрождении российского флота», «О мерах по выводу из кризисного состояния и социально-экономическому развитию города Игарка», «О неотложных мерах по стабилизации положения в городе Игарке» и так далее, и тому подобное. Но все эти прекраснодушно-неотложные документы на деле всего лишь продолжали хорошо знакомые игарчанам тенденции, о которых «Правда» писала еще в июле 1965 года:

«В 1958, 1962 и 1963 годах принимались решения о строительстве в Игарке жилых домов, водопровода, больницы, нескольких детских учреждений. Только в Красноярском крайисполкоме за несколько последних лет приняли 17 постановлений и решений. Проверка показала, что ни одно из них выполнено не было».

Как мы видим, в части действенности постановлений с тех пор не изменилось ровным счетом ничего. И не могло измениться, поскольку ключевые позиции в стране остались все за той же партноменклатурой. Отмена партийных билетов ничуть не сказалась на привычном образе ее мышления. Замечательный немецкий экономист Людвиг Эрхард как-то заметил: «Люди, которые не в состоянии наладить производство и бесперебойную продажу хотя бы пуговиц для брюк, не имеют права давать нам рекомендации, как строить здоровую экономику». Тем не менее именно такие люди составили ядро новой российской власти. Поэтому если предположить, что кто-то возбудил бы судебный процесс по делу об убийстве Игарки, то не приходится сомневаться: обвинение опиралось бы в таком процессе не на фальшивых намерений государства, а на реальность последствий его политики по отношению к Северу в целом и одному из уникальнейших его портов в частности. Иначе, как убийственными, последствия эти назвать невозможно.

Впрочем, вряд ли стала бы ссылаться на благие намерения государства и защита. По мере отвердевания непробиваемого равнодушия властей к требованиям своих граждан адвокаты этих властей обзавелись аргументами совсем иного, агрессивного рода: «Вы же сами выбрали этих людей!», «Переходных периодов без трудностей не бывает!», и, наконец, «После 70 лет большевизма других политиков взять не откуда!». На что игарчане — да и не они одни — могли бы с полным основанием возразить примерно следующее.

Во-первых, ТАКУЮ власть выбирали не граждане. Выборы в Госдуму, как убедительно показал анализ журнала «Новое время», проведенный весной 1995 года, были сфальсифицированы Центризбиркомом в пользу коммунистов, а импотентное правительство (в основном из той же «старой гвардии») неизменно подбиралось президентом по принципу личной преданности. Что же до его собственных выборов, то и тут если в чем-то винить граждан, так единственно в избытке доверия: предвыборные обещания нарушились Ельциным с такой регулярностью, что в конце концов у избирателей начали появляться сомнения насчет пола своего избранника — по разумению северян, настоящий мужчина не мог бы позволить себе раз за разом нарушать на виду у всех собственное слово.

Во-вторых, трудности переходного периода и демонстративное презрение к экономическим законам — вещи совершенно разные. Особенно, если это презрение сопровождается открытым разворовыванием и разорением страны. На состоявшемся в феврале 1997 года заседании парламентариев Арктического региона глава Госкомсевера В. Курамин откровенно признал, что Россия хотя и нуждается в Севморпути, но содержать его более не в состоянии. На все находились деньги у неслыханно разросшейся правящей бюрократии: на сказочное самообогащение и на безумие Чеченской войны, на постыдную показуху пышных празднеств и на поддержку белорусского коммунистического паноптикума, на генеральские виллы и на золотую посуду для кремлевских пиров, на разбрасывание «ничих» коробок с сотнями тысяч долларов и на астрономические гонорары сановным авторам, — а вот содержать важнейшую морскую магистраль страны Российское государство оказалось решительно не в состоянии. Еще бы — при таких-то приоритетах!

В-третьих, тезис о полном отсутствии на Руси честных, эрудированных и талантливых людей легко опровергался в глазах игарчан вполне успешной практикой их самоуправления — и уж коль скоро способные кандидаты для него без особого труда отыскались даже в маленьком северном городке, то что же говорить обо всей огромной России! Вопрос был лишь в специфических принципах государственного отрицательного отбора, гарантировавших «всплытие во власть» лишь «лучших министров обороны» вроде Грачева да «ярких профессионалов» вроде вице-премьера Каданникова, при котором Волжский автозавод превратился в самую знаменитую гангстерскую «малину» страны...

Но вернемся к происходившему в Игарке. Покончив с надеждами горожан на создание перевалочного порта и развитие прибыльного экспорта, государство приступило к уничтожению игарского лесопиления. Специальных постановлений по этому поводу и на сей раз не издавалось, однако практика государственных дел на Севере была выразительнее любых указов. Суть этой практики первыми уло-

вили на совместном предприятии «Орими Вуд»: частники вообще легки на подъем и государственные настроения понимают без долгих слов. Нужно отметить, что в жизнь Игарки эта первая частная лесопилка вписалась на удивление быстро. И не только потому, что создавала рабочие места, исправно пополняла налогами городскую казну или давала наглядные уроки борьбы за каждый цент снижения себестоимости. Генеральный директор «Орими Вуда», преуспевающий петербургский менеджер Д.Г. Варварин полагал, что его фирма уже в ближайшем будущем сможет принять самое деятельное участие в расширении перспектив Игарки:

«Транспортными потоками у нас, как мне кажется, никто всерьез не занимался. Это отдельная, очень серьезная проблема, которую необходимо исследовать. Считаю, что грузы из Красноярского края до Ленинградского порта необходимо отправлять только Северным морским путем. Это наиболее целесообразно». Разработанная привлеченными экспертами и бизнесменами «Орими Вуда» комплексная программа развития экспорта из Игарки давала продуманную стратегию такого развития, исходя «из необходимости для России упрощения и развития достигнутых в восьмидесятых годах рубежей игарского пилозэкспорта, пользовавшегося на мировом рынке безупречной репутацией, которая была обусловлена как спецификой сочетания свойств сибирской древесины со свойствами игарского климата, так и непревзойденной квалификацией мастеров экспортного лесопиления, чьи династии в Игарке складывались на протяжении ряда поколений».

Серьезность намерений «Орими Вуда» полностью подтверждалась оценкой его действий коммерческим банком «Енисей», управляющая которым отметила: «Я могу уверенно отнести «Орими Вуд» к стабильно работающим предприятиям. Там внимательно относятся к своим финансовым обязательствам, имеют хорошее качество управления, грамотно и своевременно умеют маневрировать средствами». Естественно, что, как только не обратимость новой северной стратегии государства была осознана хозяевами «Орими Вуда», они провели свой последний «грамотный маневр средствами» — весной 1996 года российско-американское СП ушло с Севера.

Но лесокомбинату уходить было некуда: он буквально корнями врос в родную игарскую землю. Не было у него и способного произвести грамотный маневр хозяина: вопреки кипам декларативного правительственного хлама насчет приватизации и акционирования Игарского ЛПК, государство не выпускало предприятие из мертвой федеральной хватки до тех пор, пока окончательно его не задушило полным перекрытием кредитно-финансового «кислорода» и бездарными управленцами, которые напропалую раскрадывали и то, что на комбинате лежало плохо, и особенно то, что лежало хорошо. Только когда стало предельно ясно, что комбинат по уши завяз в долговой трясине и самостоя-

тельно из нее выбраться уже никогда не сможет, Москва позволила ему перейти в краевую (разумеется, тоже государственную) собственность. До этого все сибирские попытки установить свою власть над комбинатом и его портовым хозяйством оказывались безуспешными. Справедливости ради следует отметить, что по степени убийственности эти краевые попытки иногда превосходили даже федеральные «мероприятия по оздоровлению». Вдумаемся, например, к чему привело бы, воплотись оно в жизнь, решение постоянной комиссии Законодательного краевого собрания по вопросам собственности от 27 марта 1996 года за подписью председателя комиссии В.Н. Севастьянова:

«Рекомендовать администрации Красноярского края рассмотреть следующие предложения по выводу Игарского лесокомбината из кризисного состояния: сделать предприятие государственно-унитарным и передать его в полном составе Управлению исполнения наказаний при УВД Красноярского края».

Идея возрождения заполярного ГУЛАГа в самом конце двадцатого столетия достаточно выразительно характеризовала настроения красноярских законодателей, но на самом комбинате она была встречена, мягко говоря, без энтузиазма. Хотя — что правда: итоги пребывания головного игарского предприятия в федеральной собственности были действительно кризисными, о чем еще за два года до вышеприведенной «законодательной инициативы» председатель Красноярского краевого комитета по управлению госимуществом В.Г. Корнев писал А.Р. Коху в Государственный комитет РФ по управлению госимуществом:

«Уважаемый Альфред Рейнгольдович!

Довожу до Вашего сведения, что на Игарском лесопильно-перевалочном комбинате, относящемся к федеральной собственности, сложилось критическое положение: работники не получают зарплату более полугода; объемы производства упали втрое по сравнению с 1990 годом; износ оборудования по наиболее важным позициям составляет 90-98%.

Являясь градообразующим предприятием, Игарский комбинат при возможном банкротстве оставит без средств и ресурсов целый город...»

Письмо было датировано 27 июня 1994 года. О полном отсутствии реакции государства на перспективу надвигающейся катастрофы свидетельствует отправленное в апреле 1996 года коллективное обращение игарских лесопильщиков в последнюю возможную инстанцию — к президенту России:

«Уважаемый г-н Президент!

Доведенные до отчаяния и полной нищеты обращаются к вам работники Игарского лесопильно-перевалочного комбината, находящегося на грани полной остановки. С большим вниманием следили мы за Вашим пребыванием в Красноярске летом 1994 года, когда Вами была обещана финансовая поддержка лесопромышленному комплексу края. Вопрос о выделении на это средств решается в Правительстве до сих пор. В настоящее время положение комбината критическое, не проплачивается закупка сырья на 1996 год, отсутствуют средства на запчасти и оборудование, что грозит полной остановкой комбината и гибелью целого города, для которого комбинат является градообразующим предприятием.

Рабочие комбината не получают зарплату с августа 1995 года. В рационе их питания уже давно только хлеб и вода, дети от недоедания падают в обморок. Просим Вас оказать решительное воздействие на администрацию Красноярского края и руководство «Рослеспрома» для скорейшего решения судьбы комбината».

Человек, которому игарчане дважды оказывали поддержку на президентских выборах, не счел нужным ответить на это письмо. Подтвердив тем самым на высшем возможном уровне приговор игарскому лесопилению: государство более в нем не нуждалось. Минул еще год мучительной неизвестности — и 27 марта 1997 года красноярский губернатор В.М. Зубов подписал постановление №159 с, казалось бы, вполне обнадеживающей преамбулой:

«Ввиду важного стратегического значения Игарки для освоения природных ресурсов севера Красноярского края и перспективности в качестве транспортного узла для перевозки и обработки грузов по реке Енисей и Северному морскому пути, принимая во внимание чрезвычайное стече-ние неблагоприятных факторов, поставивших в критическое финансово-экономическое положение предприятия Игарки и ставших причиной тяжелого социально-экономического положения жителей города, постановляю утвердить план неотложных мероприятий по стабилизации...»

Конечно, весной 97-го любое проявление внимания к их бедственному городу было для игарчан, как говорится, бальзамом на душу, и все же эта энергичная преамбула по сути дела являлась всего лишь иносказательной эпиграфой. Не имея средств ни на выплату колоссальных долгов перешедшего в краевую собственность комбината, ни на модернизацию ветхого оборудования, ни на срочную эваку-

ацию Игарки, администрация края просто соглашалась какое-то время продлевать ее агонию путем поддержания на минимальном уровне некой видимости лесопитления ради сохранения полутора тысяч рабочих мест. Это дышавшее на ладан призрачное производство было заведомо убыточным, требуя на каждый рубль продукции два с половиной рубля затрат, но даже такой вариант был «в сиюминутном плане» неизмеримо дешевле переселения целого города.

Имелось в 129-м постановлении и ласкавшие слух игарчан пункты о перевалке через их порт миллионных объемов сибирских грузов уже в навигацию следующего, 1998 года, но поскольку никаких намерений реанимировать Севморпуть Московской по-прежнему не выказывалось, да и отвечал за «перевалочные» пункты краевого постановления не кто иной, как... В. Л. Глотов, никогда не видевший смысла в развитии Игарского порта, то эти пункты в городе восприняли в основном как свидетельство наличия у красноярцев недюжинного оптимизма и богатой фантазии. Гораздо реалистичнее оценил ситуацию мэр Игарки, кратко ответивший на вопрос журналистов о шансах сделать Севморпуть более привлекательным, чем железная дорога: «Я думаю, что при данном правительстве это сделать невозможно». Мнение Е.С. Сысоикова полностью разделяла и архангельская газета «Моряк Севера», которая подвела безрадостный итог навигации 1997 года на Севморпуть:

«Традиционным ежегодным мероприятием стал срыв финансирования доставки грузов в районы Крайнего Севера. Два года назад государство копалось в кошельке до поздней осени, а суда пришлось проводить при помощи стратегических бомбардировщиков. Следующая навигация была сорвана таким же образом. Зато в 1997 году морякам был преподнесен новый сюрприз: радиоцентры Росгидромета не передавали гидрометеонавигационную информацию, администрация Севморпути ликвидировала систему ежесуточного слежения за судами класса «река-море», не работали радиомаяки. Состояние российского флота дошло до критической отметки. Запас прочности, унаследованный с прошлых времен, увы, уже на пределе. Еще два года тому назад на коллегии Департамента морского транспорта моряки были в набат, что флот гибнет и необходимо срочное изменение налогового законодательства, принятие иных мер. Однако, законодательная и исполнительная власти отклинулись активным созданием новых дополнительных проблем, усугубляющих и без того кризисное состояние флота и морских портов».

Говорить в подобных условиях о скором развитии перевалки через Игарку значило не замечать очевидного. Добавим к этому, что, добившись кризисного состояния флота, морских портов, Севморпу-

ти, экспорта и лесопиления, государство не забыло «позаботиться» и о речном флоте. Игарский речной порт утратил все позиции, завоеванные в начале девяностых, потерял большую часть флота и лишился своей ремонтной базы — ушедшего в Красноярск плавзавода. Причину кризиса начальник этого старейшего в Игарке предприятия В.М. Аброрсиков назвал абсолютно точно: «С рубля доходов — рубль 38 копеек налога».

С тою же тщательностью государством была задушена на реке и начавшая было возрождаться рыбопромысловая отрасль: когда игарское малое предприятие «Агапитово» воспользовалось отведенными ему горсоветом участками Енисея для снабжения горожан отличной дешевой рыбой, то замначальника Енисейрыбвода Варфоломеева мгновенно наложила на рыбаков такой колоссальный штраф, который раз и навсегда отбил у них охоту к работе, лишив горожан рыбы, а горсовет — уверенности в праве распоряжаться собственными природными богатствами. Игарчане смотрели на совершенно пустынnyй Енисей, где неделями не появлялось ни единого суденышка, почти с ужасом: великая сибирская река не работала! Север на глазах возвращался к донансеновским временам белого безмолвия...

Разворачивавшаяся на заполярных берегах трагедия была тотальной, охватив не только воду, но и воздух и землю, — словно какая-то невиданная чума обрушилась на Игарку, поражая там всех и вся. Резко снизилось число пассажирских авиарейсов, ставших абсолютно недоступными для большинства игарчан, канули в прошлое ледовая авиаразведка и грузовые полеты к рыбакским бригадам, оленеводам, экспедиционным партиям. Все геологи до единого покинули Игарку. Ушли таможенники и пограничники. Прекратило прием студентов педуниверситета народов Севера, с довоенных времен снабжавшее Таймыр и Эвенкию квалифицированными преподавательскими кадрами, летом 1998 года ему предстоит отметить свой 60-летний юбилей... закрытием. Любые попытки игарчан проявить вне сферы элементарной ларечной торговли предпринимательскую инициативу в корне пресекались несусветными ставками кредита, налоговой удавкой и отсутствием денег у потребителя. Лавинообразно нарастало количество самых различных заболеваний, а смертность (ранее бывшая в Игарке самой низкой в Красноярском крае) уверенно возобладала над рождаемостью. За девяностые годы население Игарки сократилось вдвое, и прежде всего — за счет десятилетиями создававшегося золотого фонда специалистов, буквально вытолкнутых с Севера полуголодным талонным существованием и нарастающей угрозой всеобщей безработицы. О последствиях массового оттока специалистов из Заполярья говорит такой, например, факт: чтобы поставить к причалам даже считанные суда навигации 1997 года, лоцманов срочно пришлось отыскивать по всей стране из числа давно вышедших на пенсию игарских ветеранов...

Даже злейший враг не смог бы отнести к игарчанам так, как отнеслось к ним их собственное государство. Пробы упомянутой в начале главы «лакмусовой бумажкой» оно явно не выдержало, при первой же возможности жадно присвоив все то, что они сумели накопить за годы нелегкой жизни на Севере. В январе 1992-го павловской «реформой» у горожан было конфисковано — без малейшей надежды на реальный возврат — 63 миллиона честно заработанных северянами рублей! Дочиста обобранное население осталось лицом к лицу со старостью, болезнями, безработицей.

Затем у игарчан столь же бесцеремонно отобрали и право быть представленными в краевом парламенте. Вначале при активнейшем участии губернатора В.М. Зубова крайсовет был досрочно разогнан — отчего-то это называлось ломкой старой системы, хотя в новом составе парламента — точь-в-точь, как и в Госдуме — коммунистов оказалось ничуть не меньше прежнего. Зато традиционно демократическую Игарку на всех последующих выборах «прирезали» к гораздо большим по численности округам, что автоматически лишило игарских кандидатов всяких шансов на избрание. Тем самым «прирезатели» ясно давали понять городу, что ни уникальная специфика его экономики, ни еще более неповторимое своеобразие его «северного братства» никакой ценности для края не представляют.

Наконец, государство предприняло все мыслимое и немыслимое для того, чтобы максимально люмпенизировать это братство, расколдов его на стаи нищих, ожесточенно грызущихся из-за корки хлеба. У лишенных сбережений людей насильственно, надолго и без малейших процентов «одолживали» то зарплаты, то отпускные, то детские компенсации, то пенсии, то пособия по безработице, то все сразу. Деньги сменились в Игарке талонами, товары по которым можно было приобрести лишь в тридорога, что дополнительно обесценивало и без того мизерные заработки северян. Редкие поступления «налички» почти всегда были целевыми. Тем самым государство осознанно противопоставляло одни социальные группы игарчан другим: бюджетников — небюджетникам, пенсионеров — работающим, «федералов» — «местным», учителей — медикам и так далее. Продвигавшие такую политику власти не могли не понимать, что краткая табличка «Денег нет», пылившаяся у всех кассовых окончиков Игарки, окончательно подрывает престиж честного труда, что никаких огородов и подсобных хозяйств у обитателей Крайнего Севера нет, и поэтому невыплаты им зарплат обрекают на жестокие лишения не только взрослых, но и детей. Старейший детский врач города, почетная гражданинка Игарки А.Д. Стельмах, вероятно, и помыслить не могла, что в Сибири конца двадцатого столетия ей придется лечить своих маленьких пациентов от... голода:

«Помимо больных поступают к нам дети здоровые, но слабые от голода. Приходят такие детки изможденными, анемичными, на них

просто больно смотреть. Дети не едят досыта, не видят свежих фруктов!»

Из истории человечества мы знаем, что в самые страшные периоды войн, религиозных гонений, стихийных бедствий — в ленинградской ли блокаде, на руинах ли спитакского землетрясения — люди в первую очередь старались спасти детей, уже не обращая внимания на собственные страдания и беды. Так произошло и в Игарке: позабыв о себе, игарчане мучились лишь одной мукой: дети! Что будет с нашими детьми? Вот строки из написанного буквально кровью сердца письма губернатору края от 17 июля 1997 года за сотнями подписей рабочих лесокомбината:

«Мы не можем обеспечить даже самые необходимые семейные нужды в питании и лекарствах. У вас, вероятно, есть дети, уважаемый Валерий Михайлович. Представьте их и себя в условиях полярной ночи, ветров и морозов без возможности выезда на протяжении нескольких лет, без витаминов, без мало-мальски приемлемого набора продуктов, без лекарств. Как бы вы поступили в подобной ситуации? Покинули бы Север? Верно! Мы тоже хотим это сделать, но из-за невыплаты денег с июля 1995 года вынуждены продолжать тянуть все ту же безысходную лямку за Полярным кругом».

Долг по зарплате стал мертвым якорем, удерживавшим в заполярном гетто сотни и тысячи семей. У кого-то не было денег на передезд, у кого-то — на приобретение материковского жилья. Отчасти горожанам помогали муниципальные и краевые программы переселения, но из-за малой обеспеченности средствами они были в состоянии удовлетворить лишь малую часть нуждающихся в переезде: за все время существования этих программ воспользоваться ими смогло лишь 1287 человек, тогда как прогноз экспертов Минэкономики, выполненный в августе 1996 года на случай стагнационного развития Игарки, предусматривал необходимость переселения из города («во избежание социальных потрясений») за 1997-1998 годы около 8,5 тысячи человек, включая до 4 тысяч пенсионеров! И хотя психологи семидесятых годов утверждали, что самый верный способ убить старика — это переселить его на новое место, но в то время они еще никак не могли предвидеть, что в ходе северной «перестройки» появятся гораздо более эффективные способы убийства, наподобие житья всей семьи на одну постоянно задерживаемую пенсию. Обсуждение шансов на переезд стало третьей главной темой городских разговоров после слухов о поступлении в город «налички» и нервных споров о вариантах «отоварки» на талоны.

Уже одно это показывало, насколько изменилась атмосфера того жизнерадостного игарского бытия, которое, собственно, и делало Игарку удивительной, отодвигая вопросы «приземленного быта» на последнее место. Были и другие тревожные приметы успешной работы государства над перевоспитанием «северного братства» — на собраниях

традиционные для игарчан спокойствие и юмор все чаще сменялись раздражением и криком, реже стали собираяться веселые дружные компании, всегда так оживлявшие игарский мир, притих и опустел даже извечный неофициальный клуб Игарка — городская баня, некогда полнившаяся большими и малыми новостями, шутками за чаепитием и смехом ребятишек... Последний банный взрыв всеобщего хохота я помню под позапрошлый Новый год, когда кто-то вслух вычитал из газеты, в которую было завернуто полотенце, уверенный черномординский пассаж: «1996 год станет первым годом начинающегося экономического роста. Мы прекратили отступать. Мы пошли вперед!» Смех был искренним, но не слишком веселым — большинство смеющихся уже давно платило за баню не деньгами, а талонами...

Откуда-то, будто со дна жуткого омута тридцать восьмого, стали возникать странные авторы, ничуть не стеснявшиеся писать в газету, что «все начальники в городе евреи, а еврей еврея в обиду никогда не даст» или что «есть книги писателей, говорящие мне правду о Викторах Петровичах Астафьевых, у которых до сих пор с клыков кровь Павлика Морозова капает. Викторы Петровичи предпочитали травить зерно и колодцы, вредить и убивать «за донос» мальчишкам, а потом выдавать себя за кристально чистеньких человечков». Лейтенант Курбатов был бы горд такими рабкорами! Впрочем, он гордился бы и самой газетой: если в начале девяностых она задавалась вопросом «Зачем Игарке КГБ?», то на их исходе приняла стойку верного Руслана, посвятив юбилею ВЧК — как и в незабываемом тридцать девятом — целую почтительную страницу, завершавшуюся поздравлением: «Я думаю, многие игарчане, с уважением относящиеся к органам госбезопасности и сегодня, когда исполнилось 80 лет со дня их создания, поздравят вас с этим праздником». К счастью, этих кощунственных слов уже не могли прочесть «многие игарчане», расстрелянные в Волчьем логу, замученные в Сопочке и стинувшие в лагпунктах 503-й стройки...

Словом, чувствовалось, что неустанные государственные труды по дискредитации хорошего слова «демократия» даром не пропали. Однако же, государству и на этот раз не было дано окончательно сломить северное братство: при всех разочарованиях и потерях, при обманутых надеждах и преданных мечтах Игарка нашла силы не изменить себе и остаться Игаркой. Она выручала соседа последним хлебным талоном и собирала сотни подписей за прекращение чеченской бойни, она рисовала прекрасные картины и изумляла американские города выступлениями своих талантливых детей, она протестовала против превращения Сибири в ядерную свалку и окружала общей заботой приютских сирот, а на выборах голосовала только за «Яблоко» (за исключением второго президентского тура, когда, скрепя сердце, пришлось соглашаться на меньшее зло из двух).

Все меньше и меньше становилось игарское братство, но место

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

уехавших и ушедших занимали ветераны, и не раз повторялись в Игарке слова Галины Александровны Карповой: «Наш город держится на патриотах» — так оно и было, так оно и есть!

Только патриотами мог держаться Игарский лесокомбинат, год за годом доказывая, что сначала умрет последний лесопильщик и уже только потом — добрая слава лесокомбинатовских традиций. Как признание этого звучала оценка моряков, не менявшаяся даже в самые скучные и голодные навигации: «У вас грузят вдвое быстрее, чем на Балтике!»

Только патриотами могла держаться игарская связь, чьи династии Крыловых, Салтыковых, Черниевых из поколения в поколение передавали завет Бориса Васильевича Лаврова: «На Севере связь — это главное».

Только патриотами могла держаться Курейка — верная маленькая сестра Игарки, затерянная в лесах, но, как и положено в северном братстве, никогда не забывавшая давнего родства. Ярославцевы и Коноваловы, Нагорновы и Моревы, Телевиновы и Турбовы — скольких игарчан выручили в трудную минуту нехитрые, но такие драгоценные «картофельные дары» этих крестьянских родов, в скольких игарских домах запомнилось краткое «Готова помочь» замечательного курейского селекционера Тамары Михайловны Саковой!

И разве не на одном только патриотизме безупречно обеспечивали город теплом, водой и светом годами не видевшие зарплаты работники коммунальных служб во главе с недавним шофером Петром Антоновичем Ларьковым, чей редкостный дар организатора убедительно опровергли домыслы скептиков о том, что «в России не из кого выбирать» — есть, всегда есть!

Кого ни возьми — мерзлотоведы, строители, автотранспортники, гидрографы, авиаторы, учителя, медики, речники, полиграфисты, светлогорские гидроэнергетики — всюду тесная заполярная семья даже в эти тяжелейшие «преданные годы» оказалась верна привычке честного труда на общее благо и патриотизму первостроителей: «работали — как песню пели!»

Допета ли эта песня? Ум подсказывает: да, удивительная Игарка уходит в прошлое, а в будущем, наверное, появится уже совсем другая Игарка, счастливая как раз своей обыкновенностью. Но сердце отказывается в это верить: не может быть, чтобы такой город вот так вот просто и незаметно ушел в небытие, лишив родную Сибирь своей неповторимости, своей ясной веры в жизнь, своего тепла! Кто прав? Ум или сердце? Скажу честно — не знаю. В истории Игарки было немало чудес, и вполне возможно, что мой город вновь оправдает заглавие этой книги, совершив главное чудо в своей истории: чудо воскресения. Тогда об этом чуде напишут иные игарчане. А эта книга закончена. И мне остается поблагодарить всех тех, чьими забо-

тами, поддержкой и знаниями создавался этот томик. В первую очередь это игарская мэрия и городской совет, решившие, что, любым бюджетным трудностям вопреки, их город заслуживает книги. Это также когорта энтузиастов игарской истории, как ушедших от нас, так и ныне здравствующих — З.П. Булахова, П.А. Евдокимов, Л.А. Барановский, М.И. Сухова, подвижник красноярского «Мемориала» Владимир Сиротинин. Это хранитель городского архива С.Ф. Титова, глава игарских статистиков Г.А. Бактеева и многознанная начальник отдела перевозок Игарского аэропорта Н.К. Чистова. Наконец, это скромные, но незаменимые помощники любого исследователя — библиотекари. Приношу свою глубокую признательность Игарской городской библиотеке, Красноярской краевой научной библиотеке, московской библиотеке ИИОН Академии наук России, а также библиотеке Конгресса США и калифорнийской библиотеке Гувера, где собрана богатейшая коллекция зарубежных публикаций об Игарке.

Но, конечно, самый низкий поклон — моему главному соавтору. Она сейчас рядом со мной, за светлеющим окном морозного январского утра — еще одного утра в ее трудной и мужественной жизни. Спасибо тебе за все, удивительная Игарка!

ИГАРСКИЙ ХРОНОГРАФ.

- 1992 — Численность населения Игарки составляет 18100 человек.
- Городская газета перепечатывает слова президента, сказанные в январе ленинградским портовикам: «Потерпите, через 6-8 месяцев стабилизация будет, я вам обещаю!»
- Верховный Совет РСФСР поддерживает предложения игарских лоцманов о реорганизации лоцманской службы.
- «Педучилище было, есть и будет», — говорит его завуч после пожара, дотла уничтожившего старое здание.
- За полгода в Игарке приватизировано 713 квартир.
- Начаты службы в православной Никольской церкви (в переоборудованном здании закрывшегося детского сада).
- На 66 судах отправлено 314.000 кбм экспорта. Активным участником лесопиления становится СП «Орими Вуд».
- Немецкий врач Моника Пускепеляйт организует через фонд гуманитарной помощи «ХЕЛП» доставку в город крупной партии дефицитных медикаментов.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИГАРКА

- В Красноярске проходит первый после революции съезд депутатов областей и краев Сибири, на котором Игарка активно отстаивает сибирские приоритеты развития.
 - По приглашению посетивших Игарку немецких членов клуба «Ротари» группа игарских детей проводит лето в Баварии.
 - Отгружена опытная партия курейского графита (22 тонны).
 - Посланцы Игарки принимают участие в Пятой литовской олимпиаде.
 - 20 ноября конференция трудового коллектива ЛПК принимает решение о приватизации комбината с сохранением контрольного пакета акций за коллективом.
 - Мюнхенский мастер Рудольф Магет совместно с игарскими специалистами Ц. и Е. Ноль успешно проводит первую варку пива на сданном в эксплуатацию пивзаводе.
 - Визит в Игарку заместителя председателя Сейма Литвы А.Аугулиса, который завершает пребывание в городе словами: «Я почувствовал себя как дома. У вас люди — не злы».
 - Мэрия Игарки присваивает руинам 503-й стройки статус заповедного историко-архитектурного комплекса.
 - За год перевезено 38 723 авиапассажира.
- 1993 — Численность населения составляет 161 000 человек.
- Статус безработных имеют на начало года 16 человек.
 - Мэрия вводит запрет на вывоз из города продовольствия.
 - «Зимой 94-го года планируем подать в Игарку нефть для переработки», — сообщает начальник ИГЭ А.Г. Зайцев. Родную «мерзлотку», которой он отдал 11 лет плодотворной работы, посещает выдающийся российский учений Р.М. Каменский, директор Института мерзлотоведения Академии Наук России.
 - Победительницей первого игарского конкурса красоты становится школьница Женя Быковская.
 - Зарегистрировано Товарищество енисейских морских лоцманов.
 - Игарчане избирают своим мэром Е.С. Сысоикова и наперекор усилиям прокуратуры, городского суда и краевой администрации добиваются через краевой суд признания

выборов законными, о чем программа «Вести» сообщает на всю страну.

- Город посещает группа британских импортеров леса, намеренных расширять закупки игарских пиломатериалов.
 - Из Игарки вывезено 492 359 кмб экспорта.
 - Союз городов Заполярья, членом правления которого избирается мэр Игарки, требует от президента и правительства принятия немедленных мер по стабилизации уровня жизни северян.
 - После распуска краевого и городского советов Игарка впервые в своей истории остается без представительной власти.
 - Реконструкция моста через Медвежий лог.
 - В Игарке приземляется «летающая больница» из Цюриха, персонал которой выражает благодарность игарскому врачу А.Д. Черевко за высококвалифицированную помощь заболевшей швейцарской туристке Маргарет Цубер.
 - В то время, как повсюду в Красноярском крае на выборах в Госдуму уверенно лидируют жириновцы, игарчане отдают большинство голосов «Яблоку».
 - По муниципальной программе переселения выехало 382 человека (в Киров, Новгород, Пречистое и Тамбов).
 - За год перевезено 23 010 авиапассажиров.
- 1994 — Численность населения составляет 14 700 человек.
- Статус безработных имеют 68 человек.
 - Авария теплоснабжения перемораживает десятки домов.
 - Из-за окончательного выхода из строя допотопного оборудования городская газета остается без фотографий.
 - Усилиями мэрии и благотворителей в помещении лыжной базы оборудуется детский приют для сирот. Ознакомительный визит в Игарку губернатора В.М. Зубова.
 - На выборах в Законодательное собрание края Игарку объединяют в округ с Лесосибирским, Туруханском, Енисейском и другими южными районами.
 - «Вида столько игарчан вместе, верю: Игарка возродится», говорит прибывший на 65-летие города В.П. Астафьев.

- На 81 судне вывезено 459.982 кбм лесоэкспорта.
 - Побывавший в Красноярске Б.Н. Ельцин констатирует: «Лесная отрасль просто в каком-то завале, крупном упадке», но заверяет сибиряков: «Не волнуйтесь за свою судьбу — президент с вами!» Благодаря инициативе В.П. Астафьева, говорившего с президентом в Красноярске об игарских бедах, 12 августа Ельцин подписывает распоряжение о формировании правительственной комиссии по проблемам Игарки.
 - Первый съезд общероссийского движения «Союз защиты Севера» заявляет в Москве: «Деградация социально-экономической сферы северных регионов принимает необратимый характер».
 - В Игарке работает правительственная комиссия, руководитель которой С.Н. Акатнов перед отъездом говорит игарчанам: «У вас во главе города стоит очень хорошая команда способных и деловых людей, искренне болеющих за свой город. В целом ваша команда делает совершенно правильные вещи».
 - Город проводит благотворительный марафон в поддержку учреждений культуры.
 - 30 декабря правительство принимает постановление N 1436 «О неотложных мерах государственной поддержки Игарки», уже в I квартале 1996 года предусматривающее приватизацию лесо комбината и привлечение иностранных инвестиций для его перевооружения.
 - Председатель Республиканской партии депутат Госдумы Лысенко предупреждает: «Если правительство не в состоянии остановить надвигающуюся катастрофу северных городов, оно должно уйти в отставку».
 - Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Красноярском крае (55,1 года у мужчин, 69,1 у женщин) падает ниже средние российских показателей (57,6 и 71,2).
 - По муниципальной программе переселения выехало 227 человек (в Ковров, Шушенское, Сосенский и Тулу). За год перевезено 15786 авиапассажиров.
- 1995 — Численность населения составляет 13 000 человек.
- Статус безработных имеют 249 человек.
 - Мэрия Игарки вновь запрещает вывоз дефицитного продовольствия из города.

- Федеральное управление по банкротствам подписывает акт о неплатежеспособности Игарского лесокомбината. Коллектив рыбозавода принимает решение о переходе в муниципальную собственность.
 - Для финансирования предусмотренного правительственным постановлением строительства новой центральной котельной очистных сооружений мэрия вынуждена привлекать средства городского бюджета.
 - Краевое управление госимуществом издает 2 июня постановление об отмене плана приватизации Игарского комбината. По приглашению правительства Литвы игарчане участвуют в очередной Международной литовской олимпиаде.
 - На 69 судах отправлено 425 794 куб. м лесоэкспорта. Впервые с 1970 года за пиломатериалами пришло иностранное судно — мальтийский теплоход «Си Мартин».
 - Одиннадцатый съезд Союза городов Заполярья отмечает, что «Социально-экономическое положение Крайнего Севера доведено до критической точки и продолжает ухудшаться».
 - В Париже с успехом проходит выставка работ уехавшей во Францию игарской художницы Нелли Шиплаковой.
 - Игарский комитет солдатских матерей и ветераны Великой Отечественной протестуют против развязанной президентом гражданской войны в Чечне.
 - Светлогорск отмечает 20-летний юбилей Курейгэсстроя предновогодним пуском последнего, пятого гидроагрегата.
 - По программе переселения выехало 243 человека (в Ковров, Крымск, Лесосибирск и Пречистое).
 - За год перевезено 11.186 авиапассажиров.
- 1996 — Численность населения составляет 12 300 человек.
- Статус безработных имеют 316 человек.
 - Из-за отсутствия у горожан денег мэрия вводит на весь год бесплатный проезд в автобусах.
 - Красноярский край выходит на третье место в стране (после Тюмени и Кемерово) по объему не выплачиваемых зарплат.
 - Попытка мэрии отпечатать в Красноярске карту Игарки и ее

- окрестностей для туристов оказывается безуспешной из-за прежней засекреченности всех северных карт.
- Под протестом против продолжения чеченской войны игарчане от школьников до мэра — собирают 1276 подписей.
 - Прокурор Игарки В.А. Кулеш сообщает рабочим лесокомбината, что все его обращения к федеральным собственникам предприятия по поводу незаконных задержек зарплаты оставлены без ответа.
 - Эксперты Минэкономики, сделав заключение о «необходимости сохранения и поддержания города», дополняют его на случай продолжения стагнации лесопиления прогнозом переселения из Игарки 8,5 тысяч человек за 1997–1998 годы.
 - Президентский указ № 639 от 2 мая передает Игарский лесокомбинат из федеральной собственности в краевую.
 - В строящейся центральной котельной установлено теплотехническое оборудование. Дальнейшее строительство замораживается ввиду отсутствия финансирования.
 - Из-за полного безденежья городская библиотека не смогла выписать для читателей ни одного периодического издания.
 - На проходящем в Воркуте съезде Союза городов Заполярья Ельцин дает северянам слово создать Министерство по делам Севера.
 - На 12 судах отправлено 87 399 куб. м лесоэкспорта. Верхне-енисейские комбинаты переходят к отправке леса по железной дороге.
 - Председатель комитета Госдумы по делам Севера В. Гоман заявляет по поводу систематического расхищения средств на северный завод: «Пока не посадим за решетку ответственных за происходящее беззаконие, ничего не изменится».
 - Уходит в Красноярск плавзавод, который игарские речники не смогли более содержать из-за непосильных налогов.
 - Британский режиссер Томас Робертс снимает в Игарке фильм «Поезд смерти» о 503-й стройке.
 - Голодющие жены и дети игарских пожарных блокируют выезд машин из депо, требуя выплаты задолженности по зарплате.
 - Губернатор Зубов реагирует на попытки игарчан добиться полномасштабного обеспечения северного завода словами:

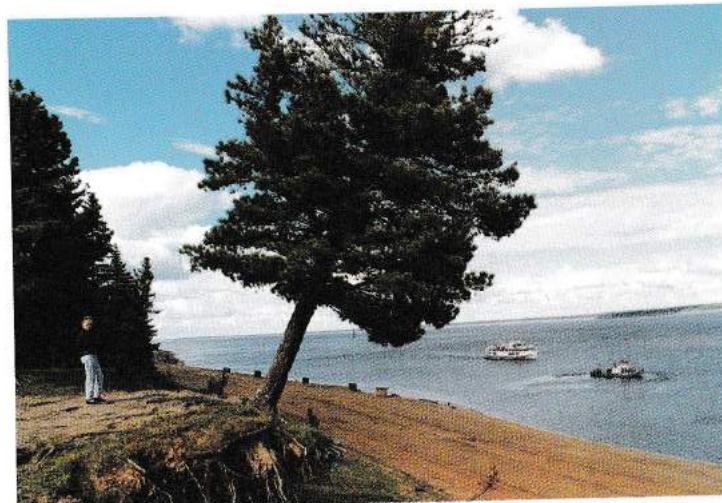
- «Город — не детдом. У вас же есть экспорт, есть валюта. Вы не задаетесь вопросом, почему край должен дотировать вас на 90 процентов?»
- Общими усилиями мэрии и благотворителей удается достроить городской выставочный зал.
 - В Игарке восстанавливается представительная власть: городу опять разрешено избрать депутатов в горсовет.
 - По программе переселения выехало 190 человек (в Дивногорск, Красноярск, Канска, Лесосибирск и Енисейск).
 - За год перевезено 7 493 авиапассажира.
 - 1997 — Численность населения составляет 11 600 человек.
 - Статус безработного имеют 662 человека.
 - 27 марта губернатор Зубов подписывает постановление № 159 «О неотложных мерах по стабилизации положения в городе Игарке», где первым пунктом плана значится разделение лесокомбината на морской порт и лесопильное производство.
 - Создана Ассоциация глав администраций северных территорий Красноярского края, руководителем которой единогласно избирается мэр Игарки.
 - Из Игарки уходят последние суда портофлота «Орими Вуда», свернувшего работу на Енисее.
 - 17 июля рабочие лесокомбината отправляют губернатору Зубову письмо о кризисной ситуации на предприятии, заканчивающееся словами: «Когда же, наконец, у нас появится настоящий хозяин?»
 - На 11 судах отправлено 73 412 куб. м лесоэкспорта. Ветеран Игарской гидробазы лоцман В.Г.Кожаев констатирует в городской газете: «Лоцманская служба гибнет».
 - Игарку покидают таможня и пограничники.
 - Число работающих пенсионеров составляет 987 человек.
 - Сдан в эксплуатацию городской Дом юстиции, куда из прежних обветшавших и временных помещений переезжают суд, милиция, прокуратура и ряд других учреждений.
 - В дополнение к программам ЦТ начинает работу муниципальный телеканал «Игарка».
 - По программе переселения выехало 118 человек (в Красноярск и Назарово).
 - За год перевезено 6 917 авиапассажиров.

1998 — Численность населения составляет 11 100 человек .

- Статус безработного имеют 757 человек .
- Типография печатает новые «деноминированные» талоны на продовольствие .
- Красноярский край по-прежнему находится в числе регионов страны с наибольшей задолженностью по зарплате .
- Игарчане в третий раз приглашаются правительством Литвы на Международную литовскую Олимпиаду .
- Завершение программы долевого строительства в Красноярске и других городах , которой воспользовалось 164 покидающих Игарку семьи .

Здесь у Кармакульского мыса, игарчане впервые вошли в историю, спасая груз и экипаж английского парохода «Темза».

Возможно под этой курейской сосной строил планы на будущее ссыльнопоселенец Иосиф Джугашвили.

«Природа Игарки — истинный дар для взора и отдохновения души,»
записала на заре XX столетия лондонская туристка Мод Хэвиленд

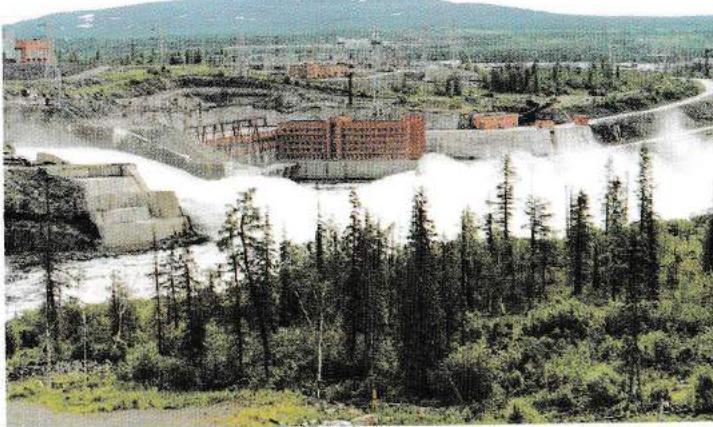
Среди сторожевых вышек, колючей проволоки и лагерных бараков
ржавеют призраки 503-й стройки.

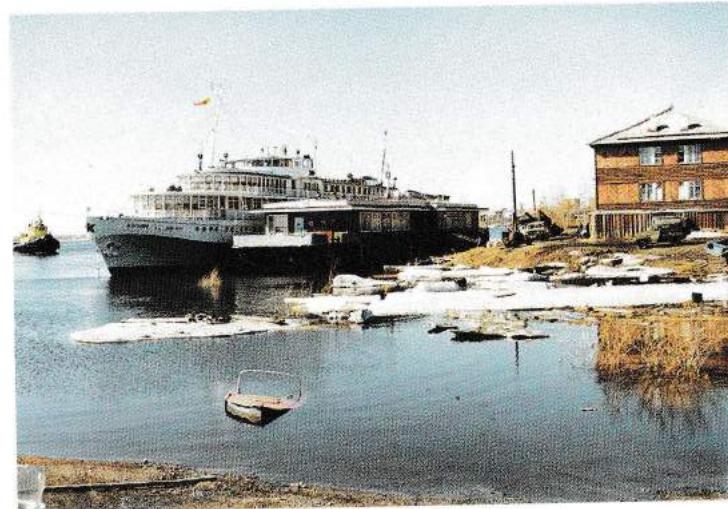
Из всех российских властей одна лишь православная церковь почтила
память мучеников «Мертвой дороги»: архипископ Красноярский и
Енисейский Антоний освящает памятный крест в Ермаково

В аэропорту Игарки успешно сотрудничали век нынешний и век минувший российской авиации.

Энергетические ресурсы Курейской ГЭС открыли перед Игаркой практически неограниченные перспективы развития

Июньские половодья как пушинку поднимают енисейские речные лайнеры на двадцатиметровую высоту, прямо к подъездам игарских домов.

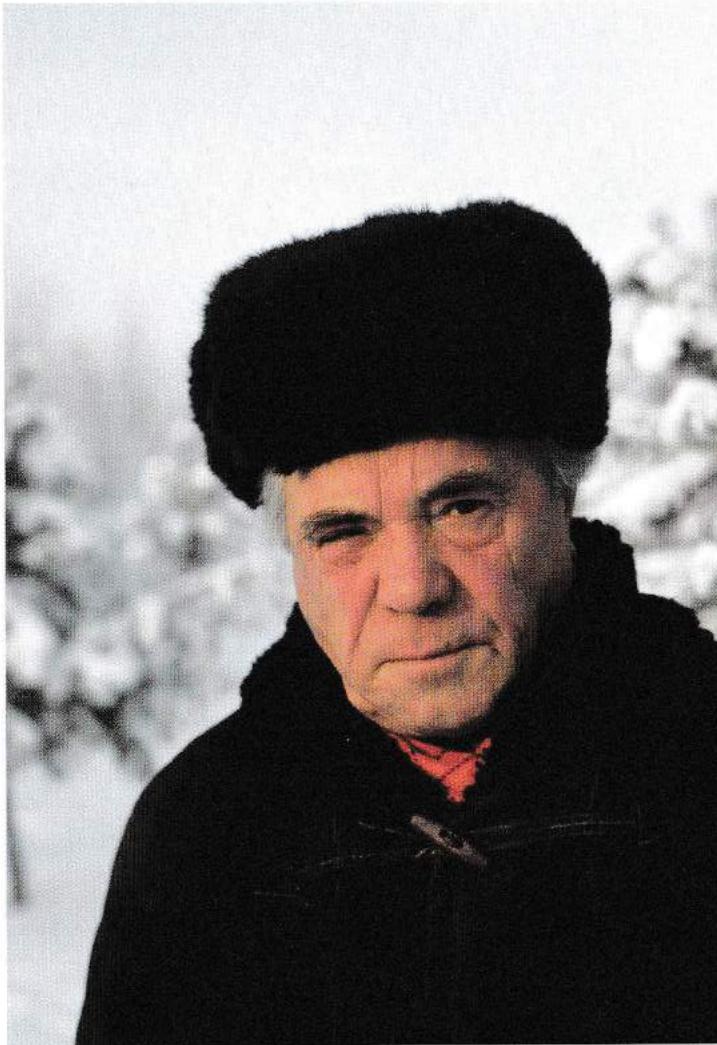
Труженики самого длинного в мире морского форватера — гидрографические и лоцманские суда игарской гидробазы

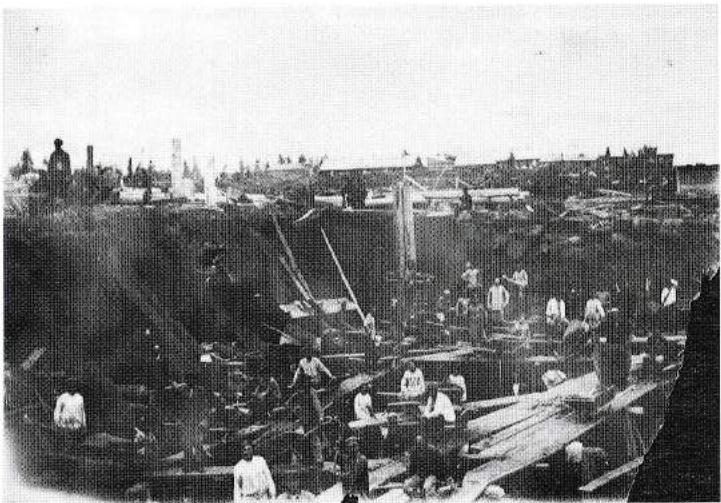
Еще совсем недавно Игарка загружала пиломатериалами сотни лесовозов. Сегодня редких морских гостей Игарского порта можно пересчитать по пальцам.

Игарские пиломатериалы принесли стране миллиарды долларов. Похоже, что теперь страна более не нуждается ни в миллиардах, ни в Игарке.

Виктор Астафьев знает старую и новую Игарку не понаслышке

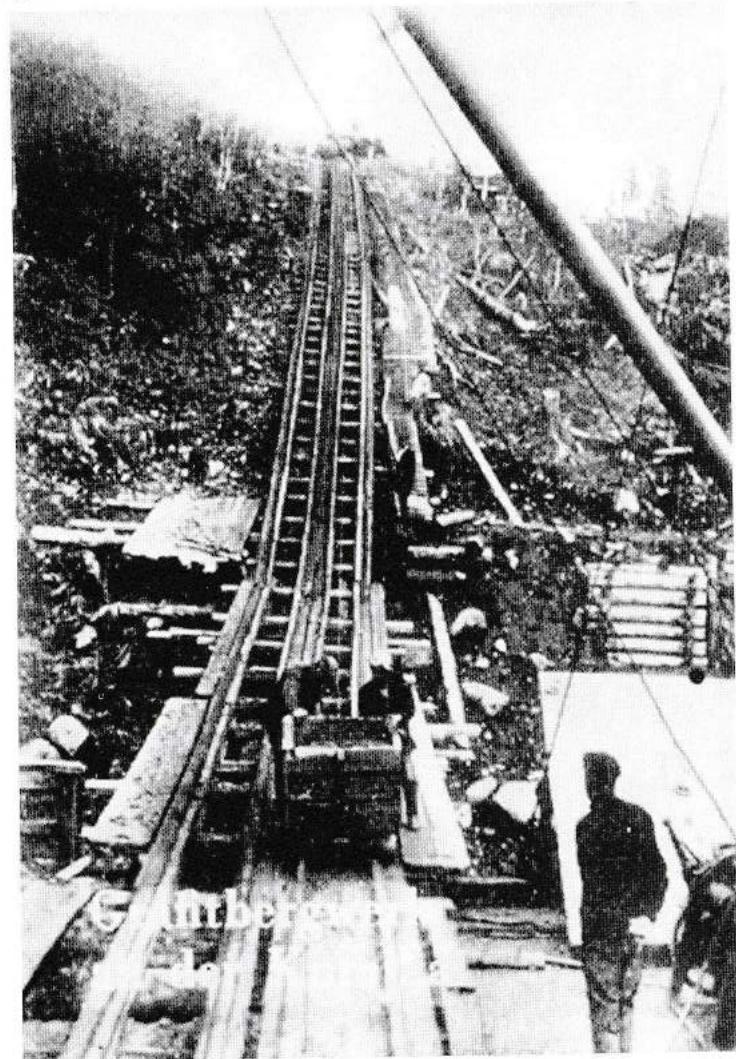

Так начиналась Игарка — строительством лесозаводов

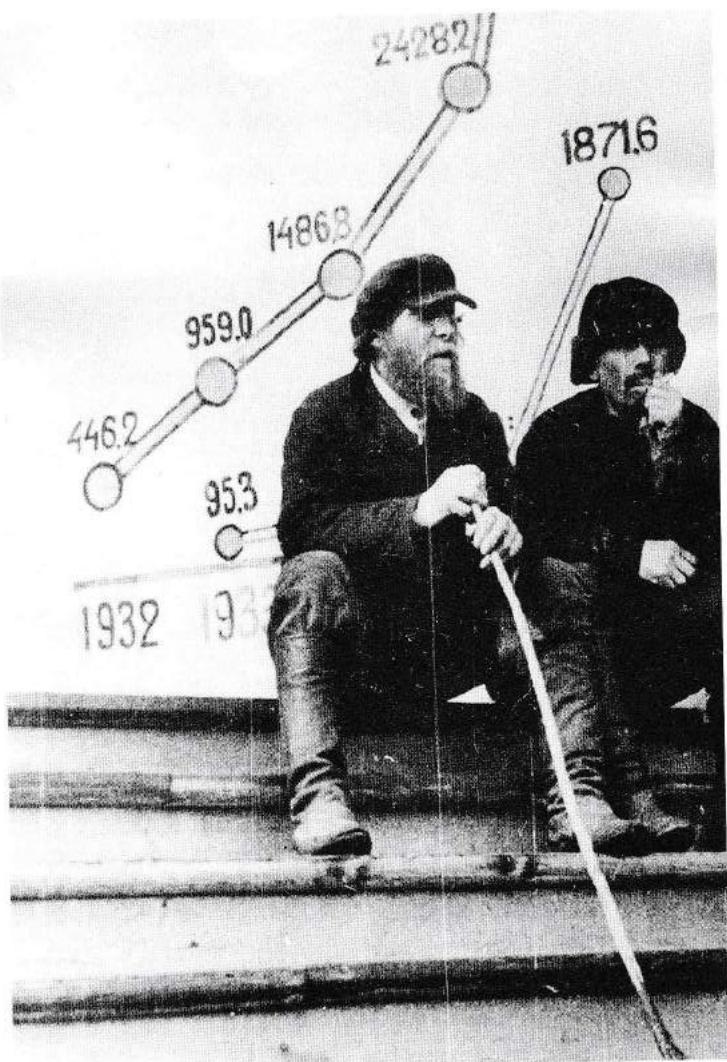

... и строительством первых улиц.

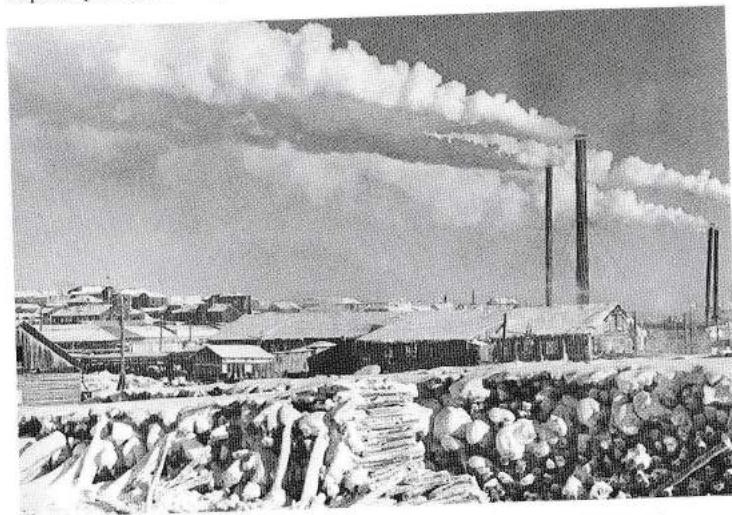
Лучший в мире графит добывался на Курейском руднике заключенными,

... а лучшими в мире заполярными урожаями Игарка была обязана "раскулаченным" ссылым.

Семья Родиона Удагира — верные помощники первостроителей Игарки.

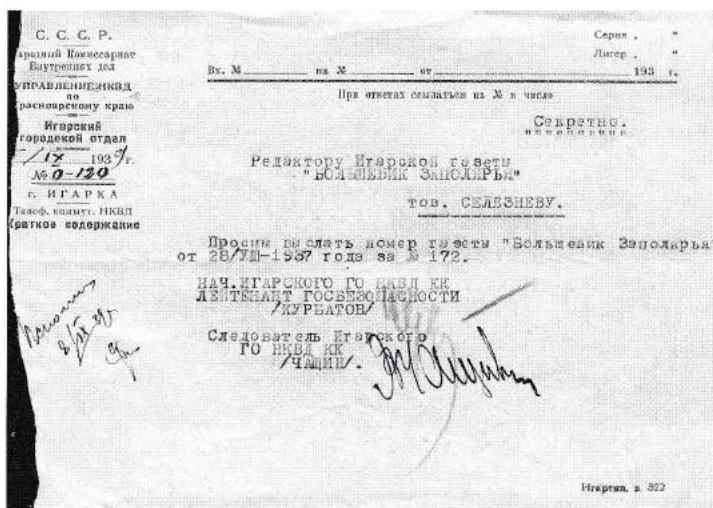
Эти созданные в тридцатых лесоцехи на протяжении полувека оставались одной из самых главных "валютных кузниц" страны.

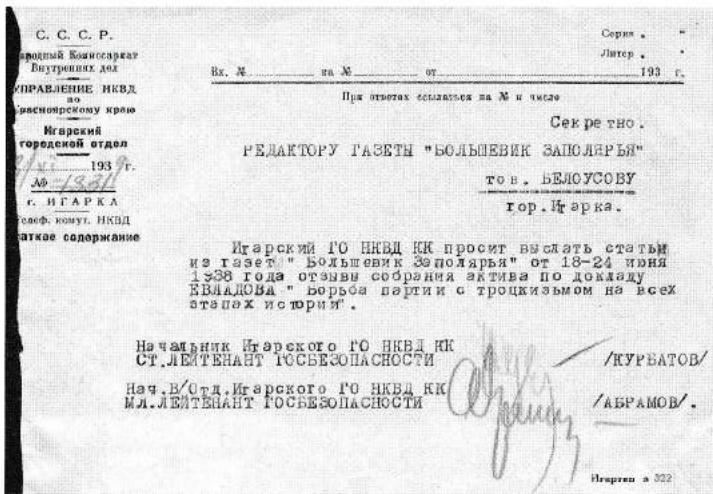
Подруги с трагической судьбой —
Е. И. Калинина и В. П. Остроумова.

В. П. Остроумова на встрече
с молодежью коренных народов Севера.

Игарка, 222

Игарка, 222

Лейтенант Курбатов был неумолим
в поисках все новых и новых жертв.

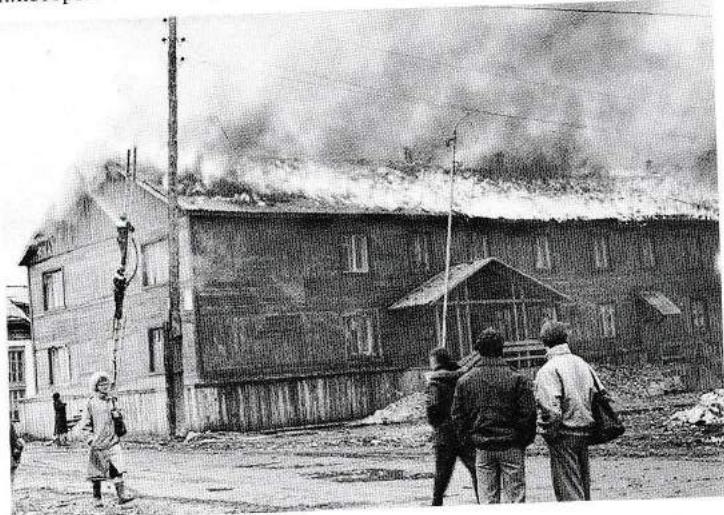

У сталинского мемориала в Курейке
обязательно останавливались все
пассажирские пароходы.

Вплоть до семидесятых Игарка
выглядела морем деревянных построек,...

...которые сплошь и рядом превращались в море огня.

Первые автомашины и первые благоустроенные дома для рабочих
навсегда связаны в Игарке с именем В. П. Остроумовой.

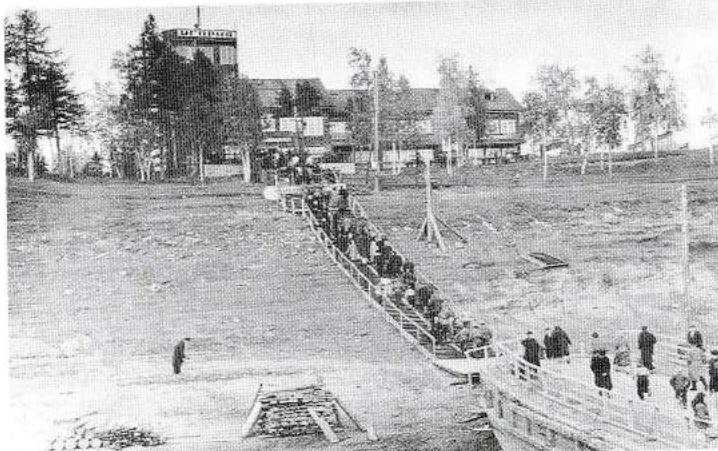
...а первые передачи Игарского телевидения— с именем П. С. Федирко.

«Добрый гений» Игарки — создавший ее председатель Комсевморпути Б. В. Лавров

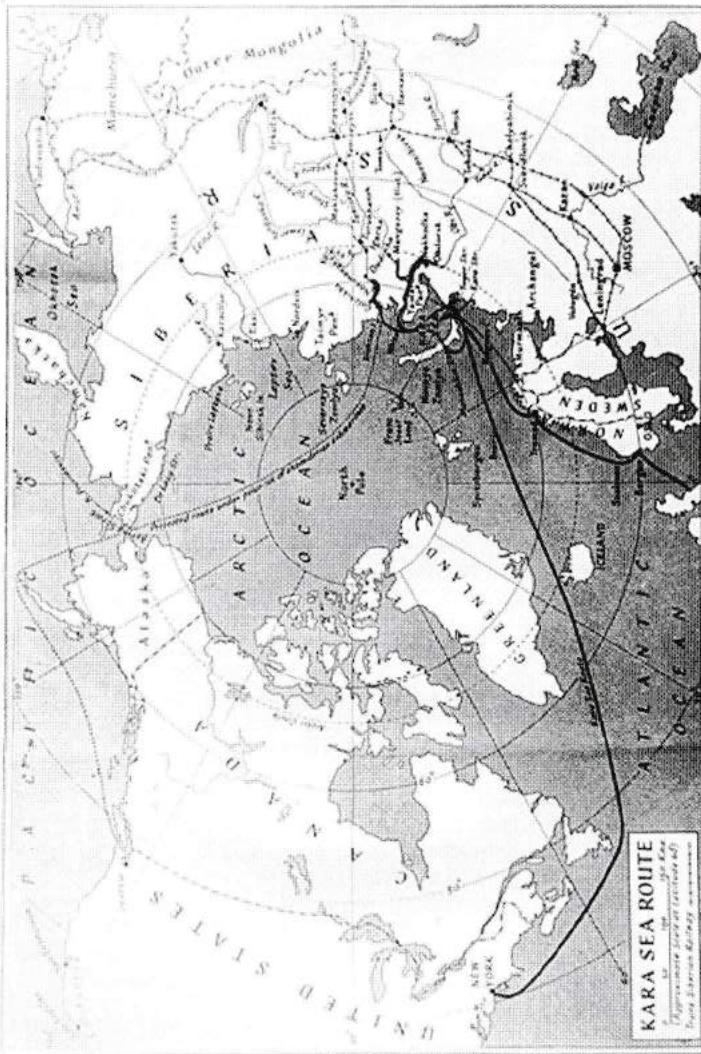
В праздничной колонне педучилища народов Севера встретились все поколения Игарчан. Крайний справа: летописец Игарки Л. А. Барановский, последний директор педучилища И. М. Аксянов и первый его директор А. С. Воронов.

Вот уже семь десятилетий встречает всех прибывающих в Игарку ее неофициальный символ — старая башенка речного порта.

Золотые шестидесятые:
все флаги были в гости к нам,

...а Ионас Лид даже предлагал установить постоянную связь
Америки с Енисеем при помощи транспортных подводных лодок.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Арикайнен А. «Транспортная артерия советской Арктики». Москва, 1984.
 2. Байкалов А. «Северный морской путь к устьям рек Оби и Енисея». Красноярск, 1913.
 3. Балакин Н. «О чем рассказывают старые пароходы». Красноярск, 1993.
 4. Вилькицкий А. «Северный морской путь». СПБ. 1912.
 5. Вихман А. «Морские сообщения Сибири». Красноярск, 1919.
 6. Вихман А. «Предварительный отчет о портовых изысканиях в устьях сибирских рек». Петроград, 1922.
 7. Востротин С. «Наши водные пути в Сибирь». СПБ. 1906.
 8. Востротин С. «Северный морской путь и челябинский тарифный перелом». СПБ. 1908.
 9. Востротин С. «Туруханская рыбопромышленность и инородцы». Красноярск, 1910.
 10. Дождиков Н. «В эфире Арктики». Москва, 1967.
 11. Дойбан В. и др. «Севморпуть и рыночная экономика». Апатиты, 1995.
 12. «За освоение Арктики» (сборник). Москва, 1935.
 13. Зингер М. «Улица Леваневского». Москва, 1935.
 14. «Игарка». Игарка, 1935.
 15. «Коммунистический режим и народное сопротивление в России». (составитель - Б.Пушкирев) Москва, 1997.
 16. «Летопись Енисея» (сборник под ред. В.Яковлева). Красноярск, 1997.
 17. Магидович И. «Очерки по истории географических открытий». Москва, 1957.
 18. Невенкин К., Лапин Г. «Лесной экспорт с Енисея». Красноярск, 1975.
 19. Новиков В. Трошев Ж. «Игарка». Красноярск, 1979.
 20. Рябчиков Е. «Северное сияние». Москва, 1946.
 21. Сибирцев Н., Итин В. «Северный морской путь и Карские экспедиции». Новосибирск, 1936.
 22. «Статистические материалы, относящиеся к Севморпути». Екатеринбург, 1919.
-
1. Armstrong Terence, «The Northern Sea Route». Cambridge, 1952.
 2. Fuchs Arved, «Abenteuer Russische Arctis». Koln, 1991.
 3. Goldman Bosworth, «Red Road To Asia». London, 1933.
 4. Gruber Ruth, «I Went To the Soviet Arctic». New York, 1944.
 5. Haviland Maud, «A Summer On the Yenisei». London, 1915.
 6. Heller Otto, «Sibirien ein anderes Amerika». Berlin, 1930

7. Johnson H., «The Life And Voyages Of Joseph Wiggins». London, 1907.

8. Lied Jonas, «Return To Happiness». London, 1943.

9. Lied Jonas «Siberian Arctic». London, 1960.

10. Matters Leonard, «Through the Kara Sea». London, 1932.

11. Meister Jurg, «Der Seekrieg in den osteuropaischen Gewassern 1941-1945». Munchen, 1957.

12. Smolka Peter, «40.000 Against the Arctic». New York, 1937.

13. Seebohm Henry, «The birds Of Siberia». London, 1901.

14. Steber Charles «La Sibérie et l'extreme Nord Sovetique». Paris, 1936.

15. Steensen R. «Den Nordlige Sovej». Kobenhavn, 1957.

А также отечественная и зарубежная периодика за описываемый период.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Порт! Сибири нужен порт!	7 стр.
II. Рождение	35 стр.
III. Взлет	67 стр.
IV. Две войны	105 стр.
V. Пусти Игарку плавать — далеко уплывет	155 стр.
VI. Возвращение безмолвия	181стр.